

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

КНИГА ПЯТАЯ.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

СОБРАНІЕ ЛИРИКИ.

КНИГА ПЯТАЯ.

ИЗДАНИЕ

В. В. ПАШУКАНИСА.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

БУДЕМЪ КАКЪ СОЛНЦЕ.

КНИГА СИМВОЛОВЪ.

ф. 31-21.

МОСКВА.

1918

2010517366

БУДЕМЪ КАКЪ СОЛНЦЕ.

Я въ этотъ мѣръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце.
Анаксагоръ.

ЧЕТВЕРОГЛАСІЄ СТИХІЙ

СОЛНЕЧНАЯ СИЛА.

Солнце, Луна, и Звѣзды, непостоянные цвѣты синихъ луговъ Неба, все же, въ изумчивости своей, расцвѣтающіе постоянно все новыми и новыми сдвигаящимися узорами, суть небесные факелы - водители, лампы - указательницы, дѣйствующіе на глядящее въ вѣкахъ человѣческое сознаніе тѣмъ сильнѣе, что не видна рука ихъ ведущая, или нѣтъ никакой руки ихъ ведущей, и движущіеся эти небесные цвѣты, непохожіе на неподвижные цвѣты земные, и однако съ ними сродные, заставляя человѣческую мысль расцвѣтать, и горѣть, и гадать, и угадывать, дѣлаютъ ее многосвѣтной и творческой.

Солнце, Луна, и Звѣзды. Молнія, пламя вулкана, и лѣсной или степной пожаръ, а изъ него, путями изумительныхъ мгновенныхъ пониманій, вся изумительная безконечность человѣческихъ огней. Дозорные костры, головни тайныхъ ямъ, факелы пещеръ, отнятыхъ у звѣря, жаркое пламя кузницъ, огонь поджигателя, непогасающее горнѣе святилицъ, свѣтовые хохоты въ хрустальныхъ люстрахъ, длинная тонкая свѣча передъ иконой рядомъ съ блѣднымъ застывшимъ лицомъ, которое поблѣдло отъ неустанной молитвы о тѣхъ, что безумствуютъ и умираютъ, гдѣ-то тамъ, да-

леко, среди чудовищъ, выбрасывающихъ своимъ
жерлами ураганные вихри Смерти.

Смерть косить и жнеть. Смерть топчетъ и
стираетъ. Но Жизнь всегда сильнѣе Смерти, по-
тому что всякое разрушеніе ведетъ лишь къ но-
вому творчеству, потому что шесть мѣсяцевъ зимы,
сто лютыхъ морозовъ, и тысяча милліоновъ снѣ-
жинокъ, и несосчитанныя версты снѣга и льда —
бессильны умертвить одно малое зернышко, ко-
торое обернется зеленымъ стебелькомъ, и расцвѣ-
тетъ фѣйной звѣздочкой незабудки, и маленькимъ
солнышкомъ лютика, и прохладною малою луною
кушавы, когда непостоянное Солнце, и перемеж-
ливая Луна, и дрожащія Звѣзды вспомнятъ на-
конецъ о постоянствѣ, и, неизмѣнно, снова захо-
тятъ играть въ Весну.

Какъ невластны надъ малымъ зерномъ всѣ ужа-
сы зимы, такъ человѣческое Я сильнѣе всей без-
граничной Вселенной, ибо изъ всѣхъ ея друже-
скихъ и вражескихъ сочетаній оно извлекаетъ
свою мысль и мечту. Изъ хаоса строить гармонію.
Глыбы камня превращаетъ въ Египетскіе, и Ва-
вилонскіе, и Мексиканскіе, и Эллинскіе храмы.
Изъ грязи дѣлаетъ свои человѣческія ласточкины
гнѣзда. Войну превращаетъ въ поэму. Изъ тоски
создаетъ музыку. Боль показываетъ какъ карти-
ну. Безгласное нутро животнаго обращаетъ въ ры-
дающія струны скрипки. Добываетъ въ горахъ и
по русламъ рѣкъ солнечныя зерна и слитки, на-
зывающіеся золотомъ. И въ то время, какъ
я вижу на нѣжной шеѣ любимой женщины лунно-
матовые жемчуга, движенія и отсвѣты этихъ жем-
чужинъ говорятъ мнѣ, что безстрашный человѣкъ

плавать въ глубинахъ моря, не боясь никакихъ акулъ и не страшась того, что, когда онъ выплыветъ къ вышнему воздуху, его сердце, волею переменъ давленія, можетъ порваться въ свѣтъ вновь увидѣннаго Солнца.

Кто хочетъ побѣдить и умѣетъ хотѣть, тотъ не побѣдить не можетъ. Каждое явленіе, черезъ полноту своего выявленія, неизбежно ведетъ къ новому, а новое по змѣвидной линіи, неукоснительными путями спирали, увлекаетъ все живущее, отъ пылинки до Солнца, въ Звѣздную безконечность.

Во мнѣ два человѣка, дѣйствительный и созерцающій. Во мнѣ два начала, боль и наслажденіе. Во мнѣ двѣ первоосновы, ладъ и неладъ, гармонія и хаосъ. Я говорю: Да будетъ благословенно счастье, мое и вселенское, мы можемъ его строить, и мы его созидаемъ, когда мы цѣльны и доходимъ до полноты, до предѣльнаго. Я говорю: Да будетъ благословенно каждое несчастіе, если я настолько гордъ и высокъ, если я настолько смирененъ и глубокъ, чтобы превратить бѣду въ побѣду, печаль въ красоту, боль въ безграничность мудраго молчанія и въ яростный бѣгъ къ метѣ, которую должно пронизать мое остріе. И да придетъ ко мнѣ тоска, если я умѣю создавать изъ тоски.

Несчастіе стоитъ, а жизнь всегда идетъ,
Несчастіе стоитъ, но человѣкъ уходитъ.
И мракъ пускай снуетъ и каждый вечеръ бродитъ,
Съ минувшимъ горестнымъ мы можемъ кончить
счетъ.

Смотри, пчела звенить, пчела готовить медь,
И стая ласточекъ свой праздникъ хороводить,
Въ жубомъ движеніи числѣ нашъ умъ итоги сводить,
Что было въ чередѣ, да знаетъ свой чередъ.

Не возвращаться же намъ въ пѣломъ алфавитѣ
Лишь къ буквѣ, лишь къ одной, лишь къ слову
одному.

Я вѣрую въ Судьбу, что свѣтъ дала и тьму.

О, въ черномъ бархатѣ, но также въ звѣздной свитѣ,
Проходить въ высотѣ медлительная Ночь.
Дай сердцу отдохнуть. И ходъ вещей упрочь.

Ходъ вещей этого міра predeterminedъ Солнцемъ, и еще въ младенческіе свои дни я доверчиво предалъ свой духъ этому Высокому Свѣтильнику, увидавъ, какъ сѣрые обои на стѣнѣ превращаются въ полосѣ солнечнаго луча, и сѣрое дѣлается золотомъ, а тайное становится лучезарно-явственнымъ.

Въ какую страну ни придешь, — въ словѣ мудрыхъ, въ народной пѣснѣ, въ загадкѣ легенды, — услышишь хвалы Солнцу. Сколько сияній въ Солнцѣ, столько въ рѣчи людской осіянныхъ словъ, и каждый кристалль поющаго слова изсѣченъ силою луча. Творческая гроза, приводящая къ радугѣ, такъ же связана съ Солнцемъ, какъ виміамы росинокъ, восходящія до тучъ и рождающія въ горныхъ тѣнинахъ переклички громовъ.

«Солнечный Богъ—Ураганъ, и Солнце есть Сердце Небесъ», сказали древніе Майи.

Солнце принимаетъ всѣ лики видимаго. Оно при-

нимаешь въ несчетныхъ рядахъ ликовъ и близкій намъ ликъ Земли, которая травинкой, цвѣткомъ, колосомъ, и виноградной лозой, мѣряетъ Время, дѣлитъ его на строфы, зовущіяся временами года. И первая полоса въ весеннемъ полѣ, проведенная остріемъ вохи, есть стихъ, размѣрная строка въ литургіи Солнцу.

Солнце — мужское начало Вселенной, Луна — женское, Звѣзды — несчетные цвѣты небесныхъ прерій, свѣтовая зыбь ковыля безконечныхъ всемирскихъ степей. Каждый человѣческій Онь есть сынъ Солнца, хоть часто этого не знаетъ. Каждая человѣческая Она, каждая дѣвушка и женщина, есть дочь Луны, хотя бы стала отрицаться. А дѣти и старцы и старицы, это звѣздные цвѣты, это звѣздныя переключки, свѣтовая игра, и бѣлое мерцаніе, средь угольныхъ проваловъ обѣтованная дорога, бѣлое предчувствіе Млечнаго Пути.

Солнце сильнѣе всѣхъ и всего. Оно велитъ бросать копьё. Оно пронзаетъ глубину земли. Въ его отсвѣтахъ блещетъ лезвіе топора, прорубая просѣки. Оно растапливаетъ воздухъ, чтобъ въ немъ любились. Оно вдѣловываетъ хрусть и сдвигъ въ многоверстныя полосы льда, мергвѣщаго рѣжу, и каждая мчащаяся капля водополя исполнена того же красиваго творчества, и той же оргіной пляски, съ которой носятя надъ Русскимъ прудомъ ласточки, побывавшія въ Египтѣ, и кружатся весенніе хороводы дѣвушекъ, вакханокъ всѣхъ странъ, и гулко мелькаютъ, вверхъ и внизъ творы и сотворяя, милліоны молотовъ несчетныхъ кузницъ.

Солнце — гений превращенія, какъ Луна — гоній

преображенія, какъ Звѣздный сонмъ есть вселенскій кличъ свѣтовыхъ голосовъ, Океанической гуль Запредѣльности.

И самое, быть можетъ, красивое въ Солнцѣ то, что оно умѣетъ ярко говорить черезъ другихъ, что оно ласкаетъ, когда этого не подозрѣваешь, поетъ намъ канарейкой въ зимней комнатѣ, и мы говоримъ «Канарейка», а это, трепеща своими крыльшками, веселится золотой комочекъ Солнца, и поетъ оно колосомъ пшеницы и желтой лентой убѣгающей дѣвушки, и дышетъ дурманящимъ духомъ нарцисса, и весело играетъ во все пьянящія игры Вещества. Я соучаствую въ этихъ творческихъ играхъ, и смотрю на все, и слушаю, какъ Солнце говоритъ — утромъ, пробужденіемъ, бабочкой, птичкой, звѣремъ, травинкой, дѣвушкой, бурей, музыкой, тайкой — все вижу, все слышу, все люблю, ко всему приникаю, я, творимый творецъ творящаго творенія, я, верховная вещь Вещества, овестивитель всѣхъ невѣсомостей, преображенныхъ волею моей мечты, я, золотое мельканіе красной бѣлки, пробѣгающей какъ солнечное пятно вверхъ и внизъ по узлистому стволу Древа Ясень, Игдразила, коренящагося въ безднахъ, возносящаго чащи свои вѣтвистыя въ міръ, уходящаго вершиной своей въ непостижность, по дорогѣ вѣковъ и облаковъ.

Солнце — огонь, Луна — свѣтъ, Звѣзды — сіяніе. Солнце — горячій костеръ, Луна — застывшее пламя, Звѣзды — неумолчное Пасхальное благовѣстіе. Какъ ни странно можетъ показаться съ перваго взгляда, между свѣтомъ Солнца и свѣтомъ Звѣздъ нѣтъ для меня ни противопоставленія, ни даже

различія, иного, чѣмъ количественное, а между Солнечнымъ свѣтомъ и Луннымъ — различіе по существу, разнствовашіе качественное, противопоставленіе двухъ началъ, несродныхъ и несоизмѣримыхъ, но создающихъ въ двойственности одну поэмю. Это — Огонь и Влага, Мужское и Женское. Въ ихъ вражескомъ и несоразмѣрномъ соприкосновеніи, во встрѣчѣ нетворческой и неблагословенной, возникаетъ пожаръ или потопъ. Встрѣча же дружеская Мужского и Женскаго, соприкосновеніе священное Огня и Влага, создаетъ, черезъ Поэмю Любви, Поэмю Жертвы, благословенное вознесеніе жертвы Верховнымъ Силамъ, не усталоимъ нами пѣть, черезъ насъ достигать, нашими зрѣнками горѣть, все живое и мертвое, или кажуцееся мертвымъ, слагать въ высокую Міровую Драму.

Солнце такъ же неизбежно въ днѣ, какъ Звѣзды — въ ночи. А Луна приходитъ и уходитъ, Луна бываетъ и не бываетъ, Луна принимаетъ различнѣйшіе лики, она таинственное избрала своимъ основнымъ качествомъ, недоговариваніе передъ полнымъ признаніемъ, ускользаніе за полною счастья, еосѣдство Смерти, союзничество Ночи, капли росы на цвѣтахъ, змѣиные шорохи въ травахъ, и тѣ лики страсти, которые боятся дневного свѣта.

Когда я смотрю на многозвѣздное небо, я вижу тамъ неисчислимыя горѣнія отдаленныхъ солнць, но я не вижу тамъ маленькихъ лунъ, какъ на лугу въ толпѣ играющихъ дѣтей я не различаю мужского и женскаго, я не вижу мальчиковъ и дѣвочекъ, а лишь дѣтей, — и въ этомъ пѣть противорѣчія, у Звѣздъ есть сходство и съ Солнцемъ

и съ Луной, но все же маленькія солнца они, а не маленькія луны, ибо въ дѣтяхъ, какъ дѣтяхъ, нѣтъ змѣиныхъ элементовъ сладострастія, а лишь свѣтлыя зерна и смѣшинки страсти.

Древніе Мексиканцы, называвшіе Вечернюю Звѣзду — Отшедшее Солнце, смотрѣли на звѣзды, какъ на ночную ипостась Солнца. Всѣ Звѣзды они дѣлили на три разряда: Цитлаллинъ, Неподвижныя Звѣзды, кружочки наполовину красныя, наполовину бѣлыя; Цитлалмина, Кометы, кружочки со стрѣлой; Тцонтэмокуэ, или Тцинтциминаэ, Планеты, лики боговъ въ поворотѣ, съ крыломъ на головномъ уборѣ. Красная страсть, кончающаяся бѣлымъ созерцаніемъ; или бѣлая Смерть, переходящая въ красную Жизнь; стрѣлы, мѣткія солнечнымъ зрѣніемъ, и остріемъ рождающіе красныя цвѣты; устремленные профили боговъ, крылатые «Лечу» и «Хочу», — это все дневныя лики, чуть соприкасающіеся съ Ночью. И не странно ли, что, какъ Звѣзды неба не любятъ страстной Луны и скрываются въ Полнолуніе, такъ земныя звѣздочки, ночныя свѣтляки, угашаютъ свои фонарики въ Лунномъ свѣтѣ.

Луна, Лобзаніе, Снѣгъ, Молитва — четыре угла Чертога Серебрянаго, въ которомъ любятъ и умираютъ.

Солнце, Кровь, Гроза, и Жертва — четыре угла Золотого Чертога, въ которомъ любятъ и живутъ.

К. Бальмонтъ.

Москва. 1917. Сентябрь.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
И синій кругозоръ.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
И выси горъ.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Море,
И пышный цвѣтъ долинъ.

Я заключилъ міры въ единомъ взоръ,
Я властелинъ.

Я побудилъ холодное забвенье,
Создавъ мечту мою.

Я каждый мигъ исполненъ откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страданья пробудили,
Но я любимъ за то.

Кто равенъ мнѣ въ моей твучей силѣ?
Никто, никто.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
А если день погасъ,

Я буду пѣть... Я буду пѣть о Солнцѣ
Въ предсмертный часъ!

БУДЕМЪ КАКЪ СОЛНЦЕ.

Будемъ какъ Солнце! Забудемъ о томъ,
Кто насъ ведетъ по пути золотому,
Будемъ лишь помнить, что вѣчно къ нному,
Къ новому, къ сильному, къ доброму, къ злону,
Ярко стремимся мы въ снѣ золотомъ.
Будемъ молиться всегда неземному,
Въ нашемъ хотѣнн земномъ!

Будемъ, какъ Солнце всегда-молодое,
Нѣжно ласкать огневые цвѣты,
Воздухъ прозрачный и все золотое.
Счастливъ ты? Будь же счастливѣе вдвое,
Будь воплощеньемъ внезапной мечты!
Только не медлить въ недвижномъ покоѣ,
Дальше, еще, до завѣтной черты,
Дальше, насъ мавитъ число роковое
Въ вѣчность, гдѣ новые вспыхнутъ цвѣты.
Будемъ какъ Солнце, оно — молодое.
Въ этомъ завѣтъ Красоты!

ВОЗДУШНЫЙ ХРАМЪ.

Высоко надъ землею, вечерней и пѣнной,
Облака затаили огни.
Сколько образовъ, скованныхъ жизнью мгновенной,
Предъ очами проводятъ они.

Кто-то свѣтлый тамъ молится, молить кого-то,
Преклоняется, падаетъ ницъ.
И горящихъ небесныхъ иконъ позолота
Отбѣяетъ видѣнія лицъ.

Это храмъ, изъ воздушности свѣтомъ сплетенный,
Въ немъ кадиланицы молча горятъ.
И стоять богомольцы толпой преклоненной,
Выростаетъ ихъ призрачный рядъ.

И одни возникаютъ, другіе уходятъ,
Прошептавши молитву свою.
И упедшіе — въ мірѣ, незримые, бродятъ,
Созидаая покровъ бытію.

Изъ воздушнаго храма уносятъ далеко
Золотую возможность дождей,
Безотчетную вѣру живого потока,
И молитвенность кроткихъ страстей.

А горячее Солнце, воззвавши ихъ къ жизни,
Наклонилось къ послѣдней чертѣ,
И уходитъ къ своей запредѣльной отчизнѣ,
Въ безпредѣльной своей красотѣ.

И блаженному сладко отдавшись безсилію,
Засмотрѣлось, какъ вечеръ красивъ,
И какъ будто обрызгало свѣтлою пылью
Желтизну созрѣвающихъ нивъ.

ГОЛОСЪ ЗАКАТА.

1.

Вотъ и Солнце, удаляясь на покой,
Опускается за сонною рѣкой.
И послѣдній блескъ по воздуху разлить,
Золотой пожаръ за линами горить.

А развѣсистыя липы, всё въ цвѣту,
Затаили многоцвѣтную мечту.
Льютъ плѣнительно медвяный ароматъ,
Этой пряностью привѣтствуютъ закатъ.

Золотой пожаръ за тканями вѣтвей
Измѣняется въ нарядности своей.
Онъ горить какъ пламя новыхъ пышныхъ чаръ,
Лиловато-желто-розовый пожаръ.

2.

Я отошедшій день, какихъ немного было
На памяти твоей, мечтающій мой братъ.

Я предвечернее свѣтило,
Побѣдно-огненный закатъ.

Всѣ краски, сколько ихъ сокрыто въ силѣ свѣта,
Я въ мысль одну вложилъ, которая горитъ,
    Въ огонь рубиновый одѣта
    И въ пѣжно-дымный хризолитъ.

Многоразличныя созвучія сіянья
По небу разбросавъ, я всѣ ихъ слилъ въ одно:—
    Въ восторгъ предсмертнаго сознанья,
    Что мнѣ блаженство суждено.

Такъ пышно я горю, такъ радостно-тревожно,
Въ воздушныхъ облакахъ такъ пламенно сквозя,
    Что быть прекраснѣй — невозможно,
    И быть блаженнѣе — нельзя.

Гляди же на меня, о, духъ мечты печальной,
Мечтатели земли, глядите на меня:—
    Я блескъ бездонности зеркальной
    Роскошно гаснущаго дня.

Любите ваши сны безмѣрною любовью,
О, дайте всыхнуть имъ, а не бессильно тлѣть,
    Сознавъ, что теплой алой кровью
    Вамъ нужно ихъ запечатлѣть.

РАЗСВѢТЪ.

Зеленая поляна,
Деревья, облака.
Подъ дымкою тумана
Безгласная рѣка.

Медлительно растущій
Сомнительный разсвѣтъ.
Молчанье мысли, ждущей,
Возникнетъ ли отвѣтъ.

Безмолвные вопросы
Влюбленныхъ въ Солнце травъ.
Когда зажгутся росы,
Безсмертье увидавъ?

Безсмертное Свѣтило,
Надежда всѣхъ міровъ,
Изжито все, что было,
Разбиты ковы сновъ.

Безсмертное вліянье
Немеркнущаго Дня!
Яви свое сіянье,
Пересоздай меня!

Ты какъ вставшіе дыбомъ блестящіе волосы,
Ты трепещешь, какъ желтое пламя свѣчи
Съ его голубымъ основаньемъ.
Ты являешься въ быстромъ сіяньи зарницъ.
Ты, застывши, горишь въ грозовыхъ облакахъ,
Фиолетовыхъ, аспидно-синихъ.
Ты средь шума громовъ и напѣва дождей
Возникаешь невѣрностью молній,
То изломомъ свергнешь,
То сплошной полосой,
То какъ шаръ, окруженный сіяющимъ воздухомъ,
Золотой, огневой,
Съ перемѣнными красными пятнами.
Ты въ хрустальности звѣздъ, и въ порывѣ кометъ.
Ты отъ Солнца идешь и какъ солнечный свѣтъ
Согрѣвательно входишь въ растенья,
И будя, и мѣняя въ нихъ тайную влагу,
То засвѣтишься алой гвоздикой,
То зашепчешь какъ колосъ пушистый,
То протянешься пьяной лозой.
Ты какъ искра встаешь
Изъ глухой темноты,
Долго ждешь, стережешь.
Кто пришелъ? Это ты!
Черезъ мигъ ты умрешь,
Но пока ты живешь,
Нѣтъ сильнѣй, нѣтъ страшнѣй, нѣтъ свѣтлѣй
красоты!

4.

Не устану тебя восхвалять,
О, внезапный, о, страшный, о, вкрадчивый!
На тебѣ расплавляютъ металлы.
Близъ тебя создаютъ и куютъ,

Много тяжкихъ подковъ,
Много косъ легкозвонныхъ,
Чтобъ косить, чтобъ косить,
Много колець для пальцевъ анлейныхъ,
Много колець, чтобъ жизни сковать,
Чтобы въ нихъ, какъ въ цѣпяхъ, годы долгіе быть,
И устами остывшими слово Любить
Повторять.

Много можешь ты странныхъ вещей создавать,
Полносложность орудій, чтобъ горы дробить,
Чтобы цѣнное золото въ безднахъ добыть,
И отточенный ножъ, чтобъ убить!

5.

Вездѣсущій Огонь, я тебѣ посвятилъ всѣ мечты,
Я такой же, какъ ты.

О, ты свѣтишь, ты грѣешь, ты жжешь,
Ты живешь, ты живешь!

Въ старину ты, какъ Змѣй, прилеталъ безъ конца,
И невѣсть похищалъ отъ вѣнца.

И какъ огненный гость много разъ, въ старину,
Ты утѣшилъ чужую жену.

О, блестящій, о, жгучій, о, яростный!

Въ яркомъ пламени нѣсколько разныхъ словъ.

Ты горяшь какъ багряный, какъ темный, какъ жел-
тый,

Весь согрѣтый измѣнчивымъ золотомъ, праздникъ
осеннихъ листовъ.

Ты блестишь какъ двѣнадцатипѣтный алмазь,
Какъ кошачья ласкательность женскихъ влюбляю-
щихъ глазъ,

Какъ восторгъ изумрудный волны Океана,

Въ тотъ мигъ какъ она преломляется,

Какъ весенній листокъ, на которомъ росинка дро-
жить и качается,
Какъ дрожанье зеленой мечты свѣтляковъ,
Какъ мерцанье бродячихъ огней,
Какъ зажженные свѣтомъ вечернимъ края обла-
ковъ,
Распростершихъ свой трауръ надъ лицомъ сож-
женныхъ и гаснущихъ дней!

6.

Я помню, Огонь,
Какъ сжигалъ ты меня,
Межь колдуній и вѣдьмъ, трепетавшихъ отъ ласки
Огня.

Насъ терзали за то, что мы видѣли тайное,
Сожигали за радость полночного шабаша,
Но увидѣвшимъ то, что мы видѣли,
Быль не страшень Огонь.

Я помню еще,
О, я помню другое, горящія зданія,
Гдѣ сжигали себя добровольно, средь тьмы,
Межь невѣрныхъ, невидящихъ, вѣрные, мы.
И при звукахъ молитвъ, съ изступленными воплями,
Мы слагали хваленья Даятелю силъ.
Я помню. Огонь, я тебя полюбить!

7.

Я знаю, Огонь,
И еще есть иное сіянье для насъ,
Что горитъ передъ взоромъ навѣки потухнувшихъ
глазъ.

Въ немъ внезапное знанье, въ немъ ужасъ, восторгъ
Предъ безмѣрностью новыхъ глубокихъ простран-
ствъ.

Для чего, изъ чего, кто ихъ взялъ, кто исторгъ,
Кто облекъ ихъ въ лучи многозвѣздныхъ убранствъ?

Я уйду за отвѣтомъ!

О, душа восходящей стихіи, стремящейся въ твердь,
Я хочу, чтобы бѣлымъ немеркнувшимъ свѣтомъ
Засвѣтилась мнѣ — Смерть!

НОВОЛУНИЕ.

Серпъ Луны молодой,
Вмѣстѣ съ пышной звѣздой,
Въ голубой вышинѣ,
Ярко видится мнѣ.

Серпъ Луны молодой,
Надъ застывшей водой,
На уснувшей волнѣ,
Страннымъ кажется мнѣ.

Серпъ Луны молодой,
Съ лучезарной звѣздой,
Въ голубой тишинѣ,
Сказкой чудится мнѣ.

ЛУННОЕ БЕЗМОЛВІЕ.

Въ лѣсу безмолвіе возникло отъ Луны,
Но внятно чудится дрожаніе струны,
И свѣтъ властительный нисходитъ съ вышины.

Какая сонная надъ лѣсомъ красота,
Какъ четко видится мельчайшая черта,
Какъ стынетъ скованно вонъ та сосна и та.

Воздушно-бѣлыя недвижны облака,
Зеркально-царственна холодная рѣка,
И даль небесная во влагѣ глубока.

Непрерываемо дрожаніе струны,
Ненарушаема воздушность тишины,
Неисчерпаемо вліяніе Луны.

ВЛІЯНІЕ ЛУНЫ.

Я шель безбрежными пустынями,
И видѣль блѣдную Луну,
Она плыла морями синими,
И опускалася ко дну.

И не ко дну, а къ безъизмѣрности,
За кругозорностью земной,
Гдѣ нѣтъ измѣнъ и нѣтъ невѣрности,
Гдѣ все объято тишиной.

Тамъ нѣтъ вѣтровъ свирѣподышащихъ,
Тамъ нѣтъ ни друга, ни врага,
Тамъ нѣтъ морей, себя не слышащихъ
И звонко бьющихъ въ берега.

Тамъ все застывшее, безстрастное,
Хотя внушающее страсть, —
Затѣмъ что это царство ясное
Свою намъ передало часть.

Въ насъ отъ него встають желанія, —
Какъ эхо, грянувшее вдругъ,
Встаетъ изъ соннаго молчанія,
Когда ужъ умеръ самый звукъ.

И бродимъ, бродимъ мы пустынями,
Средь лунатическаго сна,
Когда бездонностями синими
Надъ нами властвуетъ Луна.

Мы подчиняемся, склоняемся
Передъ царицей тишины,
И въ сны свои свѣтло влюбляемся
По мановенію Луны.

ВОСХВАЛЕНИЕ ЛУНЫ.

ПСАЛОМЪ.

1.

Восхвалимъ, братья, царствіе Луны,
Ея лучомъ ниспосланные сны,
Владычество великой тишины.

Возславимъ, сестры, блѣдную Луну,
Лучистую полюбимъ глубину,
И тайну снова, ее, ее одну.

2.

Мнѣ страшно, страшно: Какъ сумѣю
Царицу сердца восхвалить?
Какъ рабъ влюбленный, я предъ нею
Блаженно гасну, цѣпенѣю,
И мысли лучшія не смѣю
Соткать въ серебряную нить.

Да не сочтеть за дерзновенье
Царица пышная, Луна,
Что, вѣря въ яркое мгновенье,
Въ безумномъ сля́ самозабвенья,
Поетъ ей рабъ свое хваленье,
И да звенить его струна.

О, души блѣдныя, внемлите,
Я стройный гимнъ пою Лунѣ, *
Со мной душой своей сплетите
Непогасающія нити,
Мечты влюбленныя храните,
Любовь любите въ сладкомъ снѣ.

3.

Наша царица вѣчно мѣняется,
Будемъ слагать переменныя строки,
Славя ее.

Духъ мой дрожащій любить, склоняется,
Въ лунномъ сіяньи — мы грезы, намеки,
Счастье мое.

Наша царица, блѣдная, ясная,
Свѣтитъ сіяньемъ зеленыхъ очей.
Какъ же люблю я тебя, о, прекрасная,
Вѣчно-нежданная, стройная, властная,
Въ самомъ безстрастїи пламенно-страстная,
Тайну познавшая лунныхъ лучей.

Какъ это чувство, какъ называется?
Только тебя я вездѣ замѣчаю,
Только одну.

Это ~~какое~~ чувство не забывается,
Взорами взоры твои я встрѣчаю,
Славя Луну.

Наша царица, блѣдная, снѣжная,
Гаснетъ, какъ ты, озаряется вновь.
Какъ называется боль безнадежная,
Сладкая пытка, мучительность нѣжная,
Трепетность зыбкая, радость безбрежная?
Милая! Милая! Это любовь!

4.

Луна велитъ слагать ей восхваленья,
 Быть нѣжными, когда мы влюблены,
 Любить, желать, ласкать до изступленья,
 И такъ восхвалимъ царствіе Луны.

Она глядитъ изъ свѣтлой глубины,
 Изъ ласковой прохлады отдаленья,
 Она велитъ любить намъ зыбь волны,
 И даже смерть, и даже преступленье.

Ея лучи какъ змѣи къ намъ скользятъ,
 Объятіемъ своимъ завладѣваютъ,
 Въ нихъ вкрадчивый неуловимый ядъ.

Отъ нихъ безумнымъ дѣлается взглядъ,
 Они, блестя, всѣ мысли убиваютъ,
 И намъ о безколечномъ говорятъ.

5.

Она мѣняется опять,
 И намъ такъ сладко повторять
     Созвучно-стройные напѣвы.
 Она возникла надъ водой,
 Какъ призракъ сказки золотой,
     Какъ блѣдный ликъ невѣрной дѣвы.

Она опальная мечта,
 Она печальна и чиста,
     Она одинъ намекъ на нѣжность.
 Но вотъ сейчасъ, но вотъ сейчасъ
 Огнемъ своихъ зеленыхъ глазъ
     Она разрушитъ безмятежность.

Она холодный свѣтъ прольеть,
И волю чарами убьетъ,
Она сибилла и колдунья.
Въ душѣ разъялась глубина,
Душѣ судьба ея видна,
Въ очарованьи Новолунья.

6.

О, вновь родясь, она пьянитъ сердца,
Внушая мысль, что жизнь — одна влюбленность,
Когда же мы достигнемъ до конца,
Погаснувъ, мы находимъ обновленность.

Ущербная, уставъ лучомъ плѣнять,
Она наводитъ ужасъ на поэта,
И, слгзавъ душу, ей даетъ понять,
Что можно все, что нѣтъ ни въ чемъ запрета.

Когда же закруглится по краямъ,
Она горитъ какъ чаша золотая,
Въ которой боги пить даютъ богамъ,
Тамъ, гдѣ любовь безсмертно-молодая.

Еще, и вотъ — она какъ рдяный щитъ,
Какъ полвота пылающаго шара,
Къ болотамъ, къ топямъ, внизъ, снѣшить, спѣшить,
Горитъ за лѣсомъ заревомъ пожара.

Волнуетъ жабъ, мѣняетъ видъ живыхъ,
Ихъ дѣлаетъ похожими на мертвыхъ,
И въ омутахъ двойтся роковыхъ,
Въ затонахъ, западными распростертыхъ.

Пугаетъ безпредѣльной тишиной,
Вздымаетъ безграничность океановъ, —
И вновь горитъ блистательной Луной,
Въ одеждѣ изъ серебряныхъ тумановъ.

7. .

Итакъ, попавши въ плѣнь земной,
Возлюбимъ, братья, міръ иной,
Слѣдя за царственной — Луной.

Внемлите вкрадчивой струнѣ,
И присягните молча мнѣ
Въ повиновеніи — Лунѣ.

Возславимъ, сестры, глубину,
Любовь къ любви, любовь-волну,
Восхвалимъ ласки и — Луну.

Она одна, она одна
Для всѣхъ влюбленныхъ намъ дана,
Непобѣдимая — Луна!

ВЛАГА.

Съ лодки скользнуло весло.
Ласково млѣетъ прохлада.
«Милый! Мой милый!» — Свѣтло,
Сладко отъ бѣлаго взгляда.

Лебедь уплыль въ полумглу,
Вдаль, подь Луною бѣлѣя.
Ластятся волны къ веслу,
Ластится къ влагѣ лилея.

Слухомъ невольню ловлю
Лепеть зеркальнаго лона,
«Милый! Мой милый! Люблю!» —
Полночь глядитъ съ небосклона.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ ОКЕАНУ.

Океанъ, мой древній прародитель,
Ты хранишь тысячелѣтній сонъ.
Свѣтлый сумракъ, жизнедатель, мститель,
Водный, вглубь ушедшій, небосклонъ!

Зеркало предвѣчныхъ начинаній,
Видѣвшее первую зарю,
Знающее больше нашихъ знаній,
Я съ тобой, съ безсмертнымъ, говорю!

Ты никѣмъ не скованная цѣльность.
Міръ земли для сердца мертвъ и пустъ, —
Ты же вѣчно дышешь въ безгредѣльность
Тысячами юно-жадныхъ устъ!

Тихій, бурный, нѣжный, стройно-важный,
Ты какъ жизнь: И правда, и обманъ.
Дай мнѣ быть твоей пылинкой влажной,
Каплей въ вѣчномъ... Вѣчность! Океанъ!

БѢЛЫЙ ПОЖАРЪ.

Hier stehe ich inmitten des
Brandes der Brandung...

Nietzsche.

Я стою на прибрежьи, въ пожарѣ прибоя,
И волна, проблеставъ бѣлизной въ вышинѣ,
Точно конь, распаленный отъ бѣга и боя,
Въ напряженьи предсмертномъ домчалась ко мнѣ.

И за нею другія, какъ бѣлые кони,
Разметавъ свои гривы, несутся, бѣгутъ,
Замирають отъ ужаса дикой погони,
И себя торопливостью жадною жгутъ.

Опрокинулись, вспыхнули, вправо и влѣво, —
И, предъ смертью вздохнувъ и блеснувши полнѣй,
На песокъ умирають въ дрожаніи гнѣва
Языки обезсиленныхъ бѣлыхъ огней.

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ.

Мы увижаемся и споримъ
Съ своею собственной душой.
Я на годъ надышался Моремъ,
И на годъ я для всѣхъ чужой.

Своихъ я бросилъ въ чуждыхъ страхахъ,
Ушелъ туда, гдѣ гулъ волны,
Тонулъ въ серебряныхъ туманахъ,
И видѣлъ царственные сны.

Въ прозрачномъ взорѣ отражая
Всю безграничность блѣдныхъ водъ,
Моя душа, для всѣхъ чужая,
Непостижимостью живеть.

Появляя подвижность легкой пѣны,
Я создаю дрожащій стихъ,
И такъ люблю свои измѣны,
Какъ неизмѣнность всѣхъ своихъ.

Недѣли странствій миновали,
Я къ нимъ вернусь для тишины,
Для неразказанной печали,
И для сверканія струны.

Въ тотъ часъ, когда погаснетъ Солнце,
Она забьется, запоетъ,
Свѣтлѣе звонкаго червонца,
И полнозвучнѣй сннихъ водъ.

ЛЪДИНЫ.

На льдинѣ холодной
Плыву я одинъ.
Угрюмый, свободный,
Средь царственныхъ льдинъ.

И вѣтеръ чуть дышитъ,
Какъ смолкнувшій зовъ.
Но сердце не слышитъ
Родныхъ голосовъ.

Но сердце не хочетъ
Отраду найти.
И вѣтеръ пророчить
О вѣчномъ пути.

Плывутъ властелины
Угрюмыхъ глубинъ,
Свободныя льдины,
Я въ морѣ — одинъ.

Любилъ я когда-то,
Но смѣхъ и печаль
Ушли безъ возврата
Въ туманную даль.

Далеко, далеко
Созданія ена,
Какъ мертвое око,
Мнѣ свѣтитъ Луна.

Надъ водной равниной
Лишь вѣтеръ одинъ.
Да льдина за льдиной
Встаетъ изъ-за льдинъ.

СОНЪ.

Я спалъ. Я былъ свободенъ,
Мой духъ соткалъ мнѣ сонъ.
Онъ съ жизнью былъ несходенъ,
Но съ жизнью сопряженъ.

Въ немъ странны были свѣты,
Въ немъ было все — Луной.
Знакомые предметы
Манили новизной.

Такъ лунно было, лунно,
Въ моемъ застывшемъ снѣ,
И что-то многострунно
Звучало въ вышинѣ.

Небьющіяся воды
Мерцали неспѣша.
Въ безкровности Природы
Вездѣ была — душа.

И въ воздухѣ застыли,
Захвачены Луной,
Видѣнья давней были,
Знакомыя со мной.

Обрывы и уклоны,
И облаки, и сны.
Но снова пѣли звоны
Съ воздушной вышины.

И мiръ былъ безпредѣленъ,
Прозенный блескомъ льдинъ.
Я былъ свободенъ, цѣленъ.
Я спалъ. Я былъ одинъ.

СЪ МОРСКОГО ДНА.

1.

На темномъ влажномъ днѣ морскомъ,
Гдѣ царство блѣдныхъ дѣвъ,
Неясно носится кругомъ
Безжизненный напѣвъ.
Въ немъ нѣтъ дрожанія страстей,
Ни стога прошлыхъ лѣтъ.
Здѣсь нѣтъ цвѣтовъ и нѣтъ людей,
Воспоминаній нѣтъ.
На этомъ темномъ влажномъ днѣ
Нѣтъ волнъ и нѣтъ лучей.
И пѣсня дѣвъ звучить во снѣ,
И тотъ напѣвъ ничей.
Ничей, ничей, и вмѣстѣ всѣхъ,
Они во всемъ равны,
Одинъ у нихъ беззвучный смѣхъ
И безразличны сны.
На тихомъ днѣ, среди камней,
И влажно-свѣтлыхъ рыбъ,
Никто, въ мельканья ровныхъ дней,
Изъ блѣдныхъ не погибъ.
У всѣхъ прозрачный взоръ красивъ,
Поютъ они межъ травъ,
Души страдаемъ не купивъ,
Души не потерявъ.

Межь травъ прозрачныхъ и прямихъ,
Безкровныхъ, какъ они,
Тотъ звукъ поеть о снахъ нѣмыхъ: —
«Усни — усни — усни».
Тотъ звукъ поеть: «Прекрасно дно
«Безстрастной глубины.
«Прекрасно то, что все равно,
«Что здѣсь мы всѣ равны».

2.

Но тихо, такъ тихо, межъ дѣвъ, задремавшихъ
вокругъ,
Послышался новый, дотошъ невѣдомый, звукъ.
И нѣжно, такъ нѣжно, какъ вздохъ неподводной
травы,
Шепнулъ онъ: «Я съ вами, но я не такая, какъ вы.
«О, блѣдныя сестры, простите, что я не молчу,
«Но я не такая, и я не такого хочу.
«Я такъ же воздушна, я дѣва морской глубины.
«Но странное чувство мои затуманило сны.
«Я между прекрасныхъ прекрасна, стройна, и блѣд-
на.
«Но хочется знать мнѣ, одна ли намъ правда дана.
«Мы дышемъ во влагѣ, среди самоцвѣтныхъ камней.
«Но что если въ мѣрѣ и любятъ и дышутъ полнѣй,
«Но что если, выйдя до волнъ, гдѣ бѣгутъ корабли,
«Увижу я дали, и жгучее Солнце вдали!»
И точно появивши, что понятнымъ быть не должно,
Всѣ дѣвы умоляли, и стало въ ихъ сердцахъ темно.
И вдругъ поблѣднѣвши, исчезли, дрожа и скользя,
Какъ будто услышавъ, что слышать имъ было
нелзя

3.

А та, которая осталась,
 Блѣдна и холодна?
 Ей стало страшно, сердце сжалось,
 Она была одна.
 Она любила хороводы,
 Межь искристыхъ камней,
 Она любила эти воды,
 Въ мельканьи ровныхъ дней.
 Она любила этихъ блѣдныхъ
 Исчезнувшихъ сестеръ,
 Мечту ихъ сказокъ заповѣдныхъ,
 И призрачный ихъ взоръ.
 Куда она идетъ отсюда?
 Быть-можетъ, тамъ темно?
 Быть-можетъ, нѣтъ прекраснѣй чуда,
 Какъ это — это дно?
 И какъ пробиться ей, воздушной,
 Сквозь безразличность водъ?
 Но мысль ея, какъ другъ послушный,
 Уже зоветъ, зоветъ.

4.

Ей вдругъ припомнилось такъ ясно,
 Что мѣсто есть, гдѣ зыбко дно.
 Тамъ все такъ странно, страшно, красно,
 И всѣмъ тамъ быть запрещено.
 Тамъ есть завѣтная пещера,
 И кто-то чудный тамъ живетъ.
 Колдунъ? Колдунья? Звѣрь? Химера?
 Владыка жизни? Геній водъ?
 Она не знала, но хотѣла
 На запрещенье посягнуть.

И вотъ у тайнаго предѣла
Она ужь молить: «Гдѣ мой путь?»
Изъ этой мглы, такъ странно-красной
Въ безлично-блѣдной глубинѣ,
Раздался чей-то голосъ властный:
«Теперь и ты пришла ко мнѣ!
«Ихъ было много, пожелавшихъ
Покинуть царство глубины,
И въ неизвѣстномъ мірѣ ставшихъ, —
Чѣмъ всѣ, кто въ мірѣ, стать должны.
«Сюда отсюда нѣтъ возврата,
Вернуться можетъ только трупъ,
Чтобъ рассказать свое «Когда-то» —
Усмѣшкой горькой мертвыхъ губъ.
«И что въ томъ мірѣ неизвѣстномъ,
Мнѣ рассказать тебѣ нельзя.
Но чрезъ меня, путемъ чудеснымъ,
Тебя ведетъ твоя стезя».
И вотъ колдунѣ, или колдунья,
Вѣщаетъ дѣвѣ глубины:
«Сегодня въ мірѣ Новолунье,
Сегодня царствіе Луны.
«Есть въ Морѣ скрытыя теченья,
И ты войдешь въ одно изъ нихъ,
Твое свершится назначенье,
Ты прочь уйдешь отъ водъ морскихъ.
«Ты минешь море голубое,
Въ моря зеленыя войдешь,
И въ море алое, живое,
И въ вольномъ воздухѣ вздохнешь.
«Но, прежде чѣмъ въ безвѣстность глянешь,
Ты будешь въ образѣ другомъ.
Не блѣдной дѣвой ты предстанешь,
А торжествующимъ цвѣткомъ.

«И нѣжно-женственной богиней,
Съ душою, полной глубины,
Простишься съ водною пустыней,
Достигнувь уровня волны.
«И послѣ тайствъ лунной ночи,
На этой вкрадчивой волнѣ,
Ты широко раскрыешь очи,
Увидѣвъ Солнце въ вышинѣ!»

5.

Прекрасны воздушныя ночи,
Для тѣхъ, кто любилъ и погасъ,
Кто зналъ, что короче, короче
Единственный сказочный часъ.
Прекрасно вліянье чуть зримой,
Едва рожденной Луны,
Для женскихъ сердецъ оцутимой
Сильнѣй, чѣмъ пышнѣйшіе сны.
Но то, что всего полновластнѣй,
Во мглѣ торжества своего, —
Цвѣтокъ нераскрытый, — прекраснѣй,
Онъ лучше, нѣжнѣе всего.
Да будетъ безсмертно отнынѣ
Безумство души неземной,
Явившейся въ водной пустынѣ,
Съ едва рожденной Луной.
Она выплывала къ теченью
Той вкрадчивой зыбкой волны,
Незримому вѣря влеченью,
Въ безвѣстныя вѣруа сны.
И ночи себя предавая,
Расцвѣтшій цвѣтокъ на волнѣ,

Она застѣтилась, живая,
Она возродилась вдвойнѣ.
И утро на небо вступило,
Ей было такъ странно-тепло.
И Солнце ее ослѣпило,
И Солнце ей очи сожгло.

6.

И цѣлый день, бурунами носима
По плоскости стекла,
Она была межъ волнъ какъ призракъ дыма,
Бездушна и бѣла.
По плоскости, изломанной волнеюемъ,
Носилась безъ конца.
И не слѣдить никто за измѣненемъ
Страдавшаго лица.
Не видѣлъ ни одинъ, что тамъ живая
Какъ мертвая была, —
И какъ она тонула, вышлывая,
И какъ она плыла.
А къ вечеру, когда въ холодной дали
Сверкнули маяки,
Ее совсѣмъ случайно подобрали,
Всю въ пѣнѣ, рыбаки.
Быль мертвенъ свѣтъ въ глазахъ ея застывшихъ,
Но сердце билось въ ней.
Быль долготъ гулъ приливовъ, отступившихъ
Съ береговыхъ камней.

7.

Бесной, въ Новолунье, въ прозрачный тотъ часъ,
Что двойственно вѣчень и новъ,
И сладко волнуешь и радуешь насъ,
Колебясь на грани міровъ,

Я вздрогнуть отъ взора двухъ призрачныхъ глазъ,
Въ одномъ изъ большихъ городовъ.
Глаза отражали застывшіе сны,
Подъ тѣнью безжизненныхъ вѣвъ,
Въ нихъ не было чаръ уходящей весны,
Огней убѣгающихъ рѣкъ,
Глаза были полны морской глубины,
И были слѣзыми навѣкъ.
У темнаго дома стояла она,
Видѣнье тяжелыхъ потерь,
И я изъ высокаго видѣлъ окна,
Какъ замкнута черная дверь,
Предъ блѣдною дѣвой съ глубокаго дна,
Что нищею ходитъ теперь.
Въ томъ сумрачномъ домѣ, большой вышины,
Балладу о Морѣ я пѣлъ,
О дѣвѣ, которую мучили сны,
Что есть неподводный предѣлъ,
Что, можетъ-быть, въ мірѣ двѣ правды даны
Для душъ и для жаждущихъ тѣль.
И съ болью я медлилъ и ждалъ у окна,
И явственно слышалъ въ окно
Два слова, что молвила дѣва со дна,
Мнѣ вамъ передать ихъ дано: —
«Я видѣла Солнце», — сказала она, —
«Что послѣ, — не все-ли равно!»

ДОЖДЬ.

Въ углу шуршали мыши,
Весь домъ застылъ во снѣ.
Шелъ дождь, и капли съ крыши
Стекали по стѣнѣ.

Шелъ дождь, лѣнивый, вялый,
И маятникъ стучалъ.
И я душой усталой
Себя не различалъ.

Я спился съ этой сонной
Тяжелой тишиной.
Забитый, обдѣленный,
Я весь былъ тьмой ночной.

А бодрый, какъ могильщикъ,
Во мнѣ тревожа мракъ,
Въ стѣнѣ жучокъ-точильщикъ
Твердилъ: «Тикъ-такъ. Тикъ-такъ».

Равняя звуки точкамъ,
Началу всѣхъ началъ,
Онъ тонкимъ молоточкомъ
Стучалъ, стучалъ, стучалъ.

И атомы напѣва,
Сплетаюсь въ тишинѣ,
Спокойно и безъ гнѣва
«Умри» твердили мнѣ.

И мертвый, бездыханный,
Какъ трупъ задутыхъ свѣчъ,
Я слушалъ въ скорби странной
Вѣщательную рѣчь.

И тине кто-то, тине,
Шептался обо мнѣ.
И капли съ темной крыши
Стекали по стѣнѣ.

ПРЕРЫВИСТЫЙ ШЕЛЕСТЬ.

Есть другія планеты, гдѣ вѣтры пѣвучіе тише,
Гдѣ небо блѣднѣе, травы тоньше и выше,
Гдѣ прерывисто льются
Перемѣнные свѣты,
Но своей перемѣною только ласкаютъ, смѣются.
Есть иные планеты,
Гдѣ мы были когда-то,
Гдѣ мы будемъ потомъ,
Не теперь, а когда, потерявъ —
Себя потерявъ безъ возврата,
Мы будемъ любить истомленные стебли сѣдыхъ
шелестящихъ травъ,
Безъ аромата,
Тонкихъ, высокихъ, какъ звѣзды — печальныхъ,
Любящихъ сонный покой — мѣсть погребальныхъ,
Надъ нашей могилою спящихъ,
И тихо, такъ тихо, такъ сумрачно-тихо, подъ
Луной шелестящихъ.

БЕЗВѢТРІЕ.

Я чувствую какія-то прозрачныя пространства,
Далеко въ безпредѣльности, свободной отъ всего,
Въ нихъ нѣтъ ни нашей радуги, ни звѣзднаго
убранства,
Въ нихъ все хрустально-призрачно, воздушно, и
мертво.

Безмѣрными провалами небеснаго Эѳира
Они какъ бы оплотами отъ насъ ограждены,
И, въ центрѣ міроздавія, они всегда внѣ міра,
Свѣтлѣй снѣговъ нетающихъ нагорной вышины.

Нѣжнѣй, чѣмъ ночью лунною дрожавъ паутины,
Нѣжнѣй, чѣмъ отраженія перистыхъ облаковъ,
Чѣмъ въ замыслѣ художника рожденіе картины,
Чѣмъ даль навѣкъ утраченныхъ родимыхъ береговъ.

И только тѣ, что въ сумракѣ скитанія земного
Объ этихъ странахъ помнили, всегда лишь ихъ
любя,

Оттуда въ міръ пришедшіе, туда вернуться снова,
Чтобъ въ царствіи Безвѣтрія навѣкъ забыть себя.

СНѢЖИНКИ.

Если, рѣя, пропадая,
Цѣпенѣя, и блистая,
Вьются хлопья снѣжные, —
Если сонно, отдаленно,
То съ упрекомъ, то влюбленно,
Звуки плачутъ нѣжные, —

Если рдѣютъ, и блистаютъ,
И рѣдѣютъ, упадаютъ
Листья полумертвые, —
Въ сердцѣ — нѣжно, безнадежно,
И горять въ немъ такъ безбрежно
Дали распростертыя.

Сердце хочетъ, упрекаетъ,
И пророчитъ, отвергаетъ
Грани думъ извѣданныхъ, —
Просить странныхъ, безъимянныхъ,
Въ красотѣ своей неожиданныхъ,
Свѣтовъ заповѣданныхъ.

Но блаженство только въ вѣчномъ,
Совершенство въ безупречномъ,
Смерть не пропасть черная.
Вѣчно, всюду, только чуду
Я душой молиться буду, —
Есть нерукотворное!

О, мгновенье умиранья,
Упоенье и прощанье,
Въ морѣ неизбѣжности!
Мы страдаемъ, пропадаемъ,
Но себя мы побѣждаемъ
Нашимъ сномъ Безбрежности!

КЪ ВѢТРУ.

Что мнѣ осталось, кромѣ глубокой,
Кромѣ бездонной печали?

Вѣтеръ, о, Вѣтеръ, какъ я, одинокій,
Все мы съ тобою встрѣчали.

Что полюбить мнѣ, кромѣ безбрежной,
Вглубь ускользящей дали?

Вѣтеръ, о, Вѣтеръ, какъ я, безнадежный,
Быстро мы все увидали.

Что же мы ищемъ въ безднахъ невѣрныхъ,
Тѣ же въ концѣ, какъ въ началѣ?

Все мы постигли въ пространствахъ безмѣр-
ныхъ,

Только себя не узнали.

ВѢТЕРЬ ГОРЬ И МОРЕЙ.

Вѣтерь, вѣчный мой братъ,
Вѣтерь горь и морей,
Что такое есть въ пѣснѣ протяжной твоей,
Что волнуетъ меня, какъ ненайденный кладъ,
И со мной говоритъ въ полумракѣ ночей,
И меня увлекаетъ куда-то назадъ,
Къ освѣжительнымъ снамъ, —
И какъ духъ я иду по прозрачнымъ волнамъ,
Надо мной въ высотѣ сочетанья планетъ,
И созвучной мечтѣ окончанія вѣтъ,
Всюду звонъ, всюду свѣтъ,
Всюду сонъ міровой,
Глубина хороша красотой неживой,
Тамъ какъ будто бы льды изъ хрустальной воды,
И чтобъ тихо горѣть, имъ не нужно звѣзды, —
И горять предо мной
Высота съ глубиной,
Въ глубинѣ высоты
Свѣтъ иной красоты,
И горитъ между двухъ
Мой блуждающій духъ,
Много дышетъ лучей,
Много видитъ мой взглядъ,
И незримый летитъ надъ дорогой моею,
То шепчетъ впереди, то умчится назадъ,
Вѣтерь, вѣчный мой братъ,
Вѣтерь горь и морей.

ВѢТЕРЬ.

ВѢтеръ, ВѢтеръ, ВѢтеръ, ВѢтеръ,
Что ты въ вѣткахъ все шумишь?
Вольный ВѢтеръ, ВѢтеръ, ВѢтеръ,
Предъ тобой дрожить камышъ.
ВѢтеръ, ВѢтеръ, ВѢтеръ, ВѢтеръ,
Что ты душу мнѣ томишь?

Ты вздыхаешь, полусонный,
И спишишь скорѣй заснуть.
Чуть уснулъ, и, пробужденный,
Ты готовъ опять вспорхнуть.
Стой! Куда, неутомонный?
Вѣчно — прямо, снова — въ путь.

Всѣ мѣста тебѣ знакомы,
Ты воздушно шелестишь,
Рябью входишь въ водоемы,
Шаткой травкою блестяшь.
Носишь тучи, манишь громы,
И опять уходишь въ тишь.

О, невѣрный! ВѢтеръ, ВѢтеръ,
Ты не помнишь ничего.
Дай и мнѣ забвенья, ВѢтеръ,
Дай стремленья твоего.
ВѢтеръ, ВѢтеръ, ВѢтеръ, ВѢтеръ,
Ты прекраснѣе всего!

ЗАВѢТЬ БЫТІЯ.

Я спросилъ у свободнаго Вѣтра,
Что мнѣ сдѣлать, чтобъ быть молодымъ.
Мнѣ отвѣтилъ играющій Вѣтеръ: —
«Будь воздушнымъ, какъ вѣтеръ, какъ дымъ!»

Я спросилъ у могучаго Моря,
Въ чемъ великій завѣтъ бытія.
Мнѣ отвѣтило звучное Море: —
«Будь всегда полновзвучнымъ, какъ я!»

Я спросилъ у высокаго Солнца,
Какъ мнѣ вспыхнуть свѣтлѣе зари.
Ничего не отвѣтило Солнце,
Но душа услышала: «Гори!»

ВСКРЫТИЕ ЛЬДА.

Какъ льдины, взгроможденныя
Одна на другую,
Весной освобожденныя, —
Я звонко ликую.
И какъ вода, залѣвшая
За льдиною плотной,
Дрожить душа, вскипѣвшая
Въ тоскѣ безотчетной.
Въ тоскѣ отъ нетерпѣнія,
Я жду поцѣлуя.
Скорѣй, скорѣе — пѣнія,
Блаженствуй, ликуя.
И плотныя и тонкія,
Расторгнуты льдины.
Звучите, пѣсни звонкія,
Сверкайте, картины.
Живуть освобожденныя
Созданія мысли.
Ихъ радуги сплетенныя
Какъ ткани повисли.
Весь міръ — одно сверканіе
Улыбки свободной,
Блаженство набѣганія
Волны полноводной.
Одинъ потокъ разлиvistый,
Подъ дымкою тонкой,
Напѣвъ мечты, прерывистый,
Невѣрный, но звонкій.

СЪВЕРЬ.

Какъ плѣнительна весна
Тамъ гдѣ снѣгъ — не сновидѣнье,
Гдѣ полгода — тишина,
Передъ счастьемъ возрожденья.

Тамъ душа, волнуясь, ждетъ:
Что-жь, сегодня торжествуемъ?
Что-жь, рѣка разрушить ледь
Бурнымъ влажнымъ поцѣлуемъ?

Тамъ весна — какъ смерть врага,
Все вдвойнѣ отъ Солнца пьяны.
Вась привѣтствую, снѣга,
Вась, безсмертные туманы!

ИСПАНСКІЙ ЦВѢТОКЪ.

Я вижу Толедо,
Я вижу Мадридъ.
О, бѣлая Леда! Твой блескъ и побѣда
Различнымъ сіяньемъ горить.

Крылатымъ и смѣлымъ
Быль тотъ, кто влюбленъ.
И, бѣлый на бѣломъ, ликующимъ тѣломъ,
Онъ бросилъ въ столѣтья свой сонъ.

Иныя есть птицы,
Иные есть сны,
Я вижу бойницы, въ нихъ гордость орлицы,
Въ нихъ пышность сѣдой старины.

Застыли громады
Оконченныхъ сновъ.
И сумрачно рады руины Гранады
Губительной силѣ вѣковъ.

Здѣсь дерзость желанья
Не гаснетъ ни въ чемъ.
Вездѣ извалнья бывшего влѣянья,
Крещенья огнемъ и мечомъ.

О, строгіе лики
Умѣвшихъ любить!
Вы смутно-велики, красивы и дикы,
Вы поняли слово — убить.

Я васъ не забуду,
Я съ вами вездѣ.
Жестокому чуду я вѣрнымъ пребуду,
Я преданъ Испанской звѣздѣ!

ТОЛЕДО.

Городъ-крѣпость на горѣ,

Городъ-храмъ,

Гдѣ молились торжествующимъ богамъ, —

Я тебя хотѣлъ бы видѣть на зарѣ!

Въ часъ, когда поетъ свирѣль,

И зоветъ, —

Въ часъ, когда, какъ будто, ласковый апрѣль

Дышетъ въ зеркалѣ дремотствующихъ водъ.

Въ дни, когда ты былъ однимъ

Изъ живыхъ,

И разбрасывалъ кругомъ огонь и дымъ,

Вмѣстѣ съ криками призывовъ боевыхъ.

Городъ зримый въ высотѣ,

Между скалъ,

Безупречный въ завершенной красотѣ,

Ты явилъ свой гордый ликъ—и задремалъ.

Ты, сказавъ свое, затаихъ,

Навсегда, —

Но поютъ въ тебѣ отшедшіе года,

Ты — исѣченный на камнѣ мощный стихъ.

PASEO DE LAS DELICIAS
ВЪ СЕВИЛЬѢ.

Лиловыя гроздыя роскошныхъ глицивій,
И пальмы съ ихъ правильной четкостью линий,
И желто-оранжевый дремлющій хмѣль, —
Какъ красочно ласковъ Испанскій апрѣль!

А дѣвственно-блѣдныя дикія розы,
А желтыя шапочки нѣжной мимозы,
А тѣнь кипарисовъ, ихъ темныя сны, —
Какъ сказочны лики Испанской весны!

И садъ многоцвѣтный, расцвѣтнѣй такъ пышно,
Гармоніей красокъ поетъ намъ неслышно
О стройномъ согласьи своей тишины,
О блескѣ цвѣточномъ Испанской весны!

КЪ ЦАРИЦЪ ФЕЙ.

О, царица свѣтлыхъ фей,
Ты летаешь безъ усилій
Надъ кустами орхидей,
Надъ цвѣтами бѣлыхъ лилій!
Пролетаешь надъ водой, —
Распускаются купавы,
И росю, какъ звѣздой,
Блещутъ ласковыя травы.
Ты вездѣ роняешь слѣдъ,
И слѣды твои блистаютъ,
И тюльпанъ, и златоцвѣтъ
За тобою расцвѣтаютъ.
Пролети въ душѣ людской,
О, властительная фея,
Пусть гвоздика и левкой
Въ ней вздыхаютъ пламенья.
О, царица свѣтлыхъ фей,
Мы — невольники усилій,
Мы не видимъ орхидей,
Мы не знаемъ бѣлыхъ лилій.

КЪ ЮНОМУ СХИМНИКУ.

Схимникъ юный, узникъ блѣдный,
Почему, за мглой страстей,
Миръ печали заповѣдной
Ты отторгнулъ отъ людей?

По своей ли ты охотѣ,
Иль велѣнемъ вражьиxъ силъ,
Умерщвление грѣшной плоти
Выше счастья полюбилъ?

Кто, властительный и смѣлый,
Такъ жестоко восхотѣлъ,
Чтобъ, навѣки оцѣмѣлый,
Перешелъ ты за предѣлъ?

За предѣлъ мировъ, гдѣ струны
Такъ узывчиво звенять,
И смѣются: «Схимникъ юный!»
«Ты невольникъ!» — говорятъ.

«Ты невольникъ, и жестоки
Испытанія твои.
Мы свободны, мы глубоки,
Какъ потоки и ручьи.

«И въ жестокости мы кротки,
И разстались мы съ тоской,
И мѣняемся, какъ четки —
Но подъ смѣлою рукой!»

НЕ ЛУЧШЕ ЛИ СТРАДАНИЕ.

«Не лучше ли страданіе,
Глухое, одинокое,
Какъ бездны мірозданія,
Непонято-глубокое?

«Не лучше ли мученіе,
Чѣмъ ясный звонкій смѣхъ?
Полюбимъ отреченіе,
Разлюбимъ сладкій грѣхъ».

— О, нѣтъ, мой братъ единственный,
Душа моя смущается,
Въ ней вѣчень кличъ воинственный,
Ей много общается.

Весь міръ намъ общается,
Когда его хотимъ,
И всякій грѣхъ прощается,
Когда простимъ другимъ.

СУМЕРКИ.

Мерцают сумерки въ лимонныхъ
И апельсинорныхъ садахъ,
И слышенъ лепетъ въ листьяхъ сонныхъ,
И дремлетъ вѣтеръ на цвѣтахъ.

Тотъ легкій вѣтеръ, что припослтъ
Благословеніе небесъ
И тайно души наши проситъ
Повѣрить мудрости чудесъ.

Чудесъ ниспосланныхъ внезапно
Для исцѣленія души,
Которой всюду, безпрестанно,
Быль только слышенъ крикъ: «Спѣши».

Для исцѣленья утомленныхъ,
Нашедшихъ чары новыхъ сновъ,
Подъ тѣнью ласковой — лимонныхъ
И апельсиновыхъ садовъ.

УСПОКОЕНИЕ.

Вечернее тихое море
Сливалось воздушною дымкой
Съ грядою слегка-лиловатыхъ
Охваченныхъ сномъ облаковъ,
И въ этомъ безмѣрномъ просторѣ
Дышали почти невидимкой,
Какъ дышутъ мечты въ ароматахъ,
Безплотные образы сновъ.

Они возникали какъ краски,
Какъ чувства зажженные взоромъ,
Какъ сладкій восторгъ аромата,
Какъ блескъ и прозрачность воды,
Какъ свѣтлые вымыслы сказки,
Какъ тучки, что встали дозоромъ,
Чтобъ всныхнуть на мигъ безъ возврата,
Предъ ликомъ вечерней звѣзды.

СКАЗАТЬ МГНОВЕНЬЮ: СТОЙ!

Быть-можетъ, вся Природа — мозаика цвѣтовъ?
Быть-можетъ, вся Природа — различность голосовъ?
Быть-можетъ, вся Природа — лишь числа и чергы?
Быть-можетъ, вся Природа — желанье красоты?

У мысли нѣтъ орудья измѣрить глубину,
Нѣтъ силъ, чтобы замедлить бѣгущую весну.
Лишь есть одна возможность сказать мгновенью
«Стой»:—

Разбивъ оковы мысли, быть скованнымъ — мечтой.

Тогда намъ вдругъ понятна стозвучность голосовъ,
Мы видимъ все богатство и музыку цвѣтовъ,
А если и мечтою не смѣрить глубину, —
Мечтою въ самыхъ безднахъ мы создаемъ весну.

ВЕРБЫ.

Вербы овѣяны
Вѣтромъ нагрѣтымъ,
Нѣжно взлелѣяны
Утреннимъ свѣтомъ.
    Вѣтви пасхальныя,
    Нѣжно-печальныя,
    Смотрять веселыми,
    Шепчутся съ пчелами.
Кладбище мирное
Млѣетъ цвѣтами,
Пѣніе клирное
Льетъ волнами.
    Свѣтло-печальныя,
    Пѣсни пасхальныя
    Сердцемъ взлетѣяны,
    Вѣчнымъ овѣяны.

ЦВѢТОКЪ.

Я цвѣтокъ, и счастье аромата,
Мнѣ самой Судьбою суждено,
Отъ восхода Солнца до заката
Мнѣ дышать, любить, и жить дано.

А съ закатомъ, въ пышной чашѣ сада,
Гдѣ я сказкой нѣжною цвѣту,
Задрожитъ высокая ограда,
И умолкнетъ вѣтеръ налету.

Женщина воздушная, вся въ бѣломъ,
Медленно сквозь главный входъ войдетъ,
И движеньемъ ласковымъ, но смѣлымъ,
Стебель мой цвѣтущей оборветъ.

Отъ восхода Солнца до заката
Измѣненья тѣни и лучей.
И ростеть дыханье аромата...
До заката буду я — ничей!

ЗМѢИНЫЙ ГЛАЗЪ.

ПРАЗДНИКЪ СВОБОДЫ.

Я спалъ какъ воды Моря,
Какъ сумракъ заключенья,
Я спалъ какъ мертвый камень,
И странно жить во снѣ, —
Съ своей душой не споря,
Свое ожесточенье
Любя, какъ любить пламень
Таиться въ тишинѣ.
Скрываться безконечно,
Мгновенія и годы,
Въ землѣ, въ деревьяхъ, въ зданьяхъ,
И вдругъ, въ свой лучший мигъ, —
Такъ быстро и безпечно,
На праздникъ свободы,
Возникнуть въ трепетаньяхъ,
Какъ молнія, какъ крикъ.
Я спалъ какъ зимній холодъ,
Змѣинымъ сномъ, злораднымъ,
И вотъ мнѣ все подвластно,
Какъ свѣтлому царю, —
О, какъ я новъ и молодъ,
Въ своемъ стремленьи жадномъ,
Какъ пламенно и страстно
Живу, дышу, горю!

* * *

Я — изысканность Русской медлительной рѣчи,
Предо мною другіе поэты — предтечи,
Я впервые открылъ въ этой рѣчи уклоны,
Перепѣвные, гнѣвные, нѣжные звоны.

Я — внезапный изломъ,

Я — играющій громъ,

Я — прозрачный ручей,

Я — для всѣхъ и плечей.

Переплескъ многопѣвный, разорванно-слитый,

Самоцвѣтные камни земли самобытной,

Переклички лѣсныя зеленаго мая,

Все пойму, все возьму, у другихъ отнимая.

Вѣчно-юный, какъ сонъ,

Сильный тѣмъ, что влюбленъ

И въ себя и въ другихъ,

Я — изысканный стихъ.

* *
* *

Если въ душу я взгляну,
Въ ней увижу я волну,

Многопѣнную,
Неба пѣжную эмаль,
Убѣгающую даль,
И безрежность, и печаль,
Неизмѣнную.

Если въ душу я взгляну,
Самъ себя я обману
Скрытой мукою,
И заплачетъ звонкій стихъ,
Запоетъ о снахъ моихъ,
И себя я силой ихъ
Забаяюкаю.

МОИ ПѢСНОПѢНЬЯ.

Въ моихъ пѣснопѣньяхъ журчанье ключей,
    Что звучать все звончѣй и звончѣй.
Въ нихъ женственно-страстные шопоты струй,
    И дѣвическій въ нихъ поцѣлуй.
Въ моихъ пѣснопѣньяхъ застывшіе льды,
    Безпредѣльность хрустальной воды.
Въ нихъ бѣлая пышность пушистыхъ снѣговъ,
    Золотые края облаковъ.
Я звучныя пѣсни не самъ создавалъ,
    Мнѣ забросилъ ихъ горный обвалъ.
И вѣтеръ влюбленный, дрожа по струнѣ,
    Трепетанія передать мнѣ.
Воздушныя пѣсни съ мерцаньемъ страстей
    Я подслушалъ у звонкихъ дождей.
Узорно-играющій тающій свѣтъ
    Подглядѣлъ въ сочетаньяхъ планетъ.
И я въ человѣческомъ нечеловѣкѣ,
    Я захваченъ разливами рѣкъ.
И, въ Морѣ стремя полногласность свою,
    Я стозвучныя пѣсни пою.

СЛОВА — ХАМЕЛЕОНЫ.

Слова — хамелеоны,
Они живут слѣша.
У нихъ свои законы,
Особая душа.

Они спѣшать мѣняться,
Являя всё цвѣта,
Поблекнуть, обновятся,
И въ томъ ихъ красота.

Всѣ радужныя краски,
Все, что чаруетъ взглядъ,
Желая вѣчной сказки,
Они въ себѣ таятъ.

И сказка длится, длится,
И нарушаетъ плѣнь.
Какъ сладко измѣнится,
Живите для измѣнь!

* * *

Все равно мнѣ, человекъ плохъ или хорошъ,
Все равно мнѣ, говорить правду или ложь.

Только бѣ возлю онъ всегда да сказать на да,
Только бѣ онъ, какъ вольный свѣтъ, нѣтъ сказать
на нѣтъ.

Если въ небѣ свѣтъ погасъ, значить—поздній часъ,
Значить—въ первый мы съ тобой и въ послѣдній
разъ.

Если въ небѣ свѣта нѣтъ, значить умеръ свѣтъ,
Значить—ночь бѣжить, бѣжить, замата слѣдъ.

Если ключъ поетъ всегда: «Да,—да, да,—да, да»,—
Значить въ немъ молчанья нѣтъ—больше никогда.

Но опять зажжется свѣтъ въ безднѣ новыхъ тучъ,
И, быть-можетъ, замолчитъ на мгновенье ключъ.

Красенъ Солнцемъ вольный миръ, черной тьмой хо-
рошъ.

Я не знаю, день и ночь—правда или ложь.

Будемъ Солнцемъ, будемъ тьмой, бурей и судьбой,
Будемъ счастливы съ тобой въ безднѣ голубой.

Если жъ въ сердцѣ свѣтъ погасъ, значить поздній
часъ,
Значить—въ первый мы съ тобой и въ послѣдній
разъ.

* * *

Что достойно, что безчестно,
Что умамъ людскимъ извѣстно,
Что идетъ изъ рода въ родъ,
Все, чему въ цѣляхъ не тѣсно,
Смертью тусклою умереть.
Мнѣ людское незнакомо,
Мнѣ понятнѣй голосъ грома,
Мнѣ понятнѣй звуки волкъ,
Одинокій темный челнъ,
И далекій парусъ бѣлый,
Надъ равниной посѣдѣлой,
Надъ пустыней мертвыхъ водъ,
Мнѣ понятенъ гордый, смѣлый,
Безотчетный крикъ: «Впередь!»

* * *

Жить среди беззаконія,
    Какъ дыханье вѣтровъ,
То въ волнахъ благовонія,
    То надъ крышкой гробовъ.
Быть свободнымъ, несвязаннымъ,
    Какъ движенье мечты,
Никогда не рассказаннымъ
    До послѣдней черты.
Что безчестное? Честное?
    Что горитъ? Что темно?
Я иду въ неизвѣстное,
    И душѣ все равно,
Знаю, мелкія низости
    Не удержатъ меня.
Нѣтъ въ нихъ чаянья близости
    Рокового огня.
Но люблю безотчетное,
    И восторгъ, и позоръ,
И пространство болотное,
    И возвышенность горъ.

ВОЛЯ.

Неужели же я буду такъ зависѣть отъ людей,
Что не весь отдамъся чуду мысли пламенной моей?

Неужели же я буду комсаться на пути,
Если сердце мнѣ велѣло въ неизвѣстное идти?

Нѣтъ, не буду, нѣтъ, не буду я обманывать звѣзду,
Чей огонь мнѣ ярко свѣтитъ, и къ которой я иду.

Вышимъ знакомъ я отмѣченъ, и, не помня никого,
Буду слушаться повсюду только сердца своего.

Если Море повстрѣчаю, въ глубинѣ я утону,
Видя воздухъ полный свѣта и прозрачную волну.

Если горныя вершины развернутся предо мной,
Въ снѣжномъ царствѣ и застыну подъ серебряной
Луной.

Если къ пропасти приду я, заглядѣвшись на звѣзду,
Буду падать, не жалѣя, что на камни упаду.

Но повсюду вѣчно чуду буду вѣрить я мечтой,
Буду вольнымъ и красивымъ, буду сказкой золотой.

Если жь кто-нибудь захочетъ измѣнить мою судьбу,
Онъ въ раю со мною будетъ — или въ замкнутомъ
гробу.

Для себя ища свободы, я ее другому дамъ,
Или вмѣстѣ будетъ тѣсно, слишкомъ тѣсно будетъ
намъ.

Такъ и знайте, понимайте звонкій голосъ этихъ
струнь: —
Влага можетъ быть прозрачной — и возникнуть
какъ бурюнь.

Солнце ландыши ласкаетъ, ихъ сплетаетъ въ хо-
роводъ,
А захочетъ — и зардѣетъ — и пожаръ въ стени
зажжетъ.

Но согрѣю ль я другого, или я его убью,
Неизмѣнной сохраню я душу вольную мою.

* * *

Мнѣ снятся караваны,
Моря и небосводъ,
Подводные вулканы
Съ игрой горячихъ водъ.

Воздушныя пространства,
Гдѣ не было людей,
Игра непостоянства
На пиршествѣ страстей.

Чудовищная тина
Среди болотной тьмы,
Могильная лавина
Губительной чумы.

Мнѣ снится, что змѣится
И что бѣжить въ просторъ,
Что хочеть измѣниться —
Всему наперекоръ.

Я полюбилъ свое безпутство,
Мнѣ сладко падать съ высоты.
Въ глухихъ провалахъ безразсудства
Живутъ безумные цвѣты.

Я видѣлъ стройныя свѣтила,
Я былъ во власти всѣхъ планетъ.
Но сладко мнѣ забыть, что было,
И крикнуть ихъ призывамъ: «ИТЬ!»

Исполнишь радости и страха,
Я оборвался съ высоты,
Какъ коршунъ падаетъ съ размаха,
Чтобъ довершить свои мечты.

И я въ огромности бездонной,
И убѣгаетъ глубина,
Я такъ сильнѣе — изступленный,
Мнѣ Вѣчность въ пропасти видна!

ГЛАЗА.

Когда я къ другому въ упоръ подхожу,
Я знаю: Намъ общее нѣчто дано.
И я напряженно и зорко гляжу,
Туда, на глубокое дно.

И вижу я много задавленныхъ словъ,
Убийствъ, совершенныхъ въ злобѣщей тиши,
Обрывовъ, проваловъ, огня, облаковъ,
Безумства насытой души.

И вижу, я помню, я тайно дрожу,
Я знаю, откуда приходитъ гроза.
И если другому въ глаза я гляжу,
Онъ вдругъ закрываетъ глаза.

СКВОЗЬ СТРОЙ.

Вы меня прогоняли сквозь строй,
Вы кричали: «Удвой, и утрой,
Въ десять разъ, во сто разъ горячѣй,
Пусть узнаетъ ударъ палачей».

Вы меня прогоняли сквозь строй,
Вы стояли зловѣщей горой,
И горячею кровью облить,
Я еще, и еще, былъ избить.

Но, идя какъ игрушка межъ васъ,
Я горѣлъ, я сгоралъ, и не гасъ.
И сознаюемъ былъ каждый смущень,
Что я кровью своей освященъ.

И сильнѣй, все сильнѣй каждый разъ,
Вы пугались блистающихъ глазъ.
И вы дрогнули всѣ предо мной,
Увидавъ, что межъ васъ — я иной.

ВЪ ЗАСТѢНКѢ.

Переломаны кости мои.
Я въ застѣнкѢ. Но чу! Въ забытїи,
Слышу, гдѣ-то стремятся ручки.

Такъ созвучно, созвонно, въ просторъ,
Убѣгаютъ съ покатостей горъ,
Чтобъ незлитъ въ безгласность озеръ.

Я въ застѣнкѢ. И пытка долга.
Но мечта мнѣ моя дорога.
Въ палачѣ я не вижу врага.

Онъ ужасенъ, онъ страненъ, какъ сонъ,
Онъ упорствомъ моимъ потрясенъ.
Я ли мученикъ? Можетъ-быть онъ?

Переломаны кости. Хрустятъ.
Но горитъ напряженный мой взглядъ.
О, ручки говорятъ, говорятъ!

ВЪ ДОМАХЪ.

Въ мучительно-тѣсныхъ громадахъ домовъ
Живутъ некрасивые блѣдные люди,
Окованы памятью выцвѣтшихъ словъ,
Забывши о творческомъ чудѣ.

Все скучно въ ихъ жизни. Полюбятъ кого,
Сейчасъ же наложить тяжелыя цѣпи.

«Ну, что-же, ты счастливъ?»—«Да что-жь... Ни-
чего...»

О, да, ничего нѣтъ нелѣпѣй!

И чахнуть, замкнувшись въ гробницахъ своихъ.

А гдѣ-то по воздуху носятся птицы.

Что птицы? Мудрѣй привидѣній людскихъ

Жуки, пауки, и мокрицы.

Все цѣльно въ просторахъ безлюдныхъ пустынь,

Желанье свободно уходитъ къ желанью.

Тамъ нѣтъ заподозрѣнныхъ чувствомъ святыхъ,

Тамъ нѣтъ пригвожденій къ преданью.

Свобода! Свобода! Кто помялъ тебя,

Тотъ знаетъ, какъ вольны разливыя рѣки.

И если лавина несется губя,

Лавина прекрасна навѣки.

Кто близокъ былъ къ смерти и видѣлъ ее,

Тотъ знаетъ, что жизнь глубока и прекрасна.

О, люди, я вслушался въ сердце свое,

И знаю, что ваше — несчастно!

Да, если бы только могли вы понять...

Но вотъ предо мною захлопнулись двери,

И въ клеточкахъ гномы застыли опять.

Лепечуть: «Мы люди, не звѣря».

Я проклялъ васъ, люди. Живите впотьмахъ.

Тоскуйте въ размѣренной чинной боязни.

Блѣднѣйте въ мучительныхъ вашихъ домахъ.

Вы къ казни идете отъ казни!

МСТИТЕЛЬ.

Если-бъ вы молились на меня,
Я стоялъ бы ангеломъ предъ вами,
О приходѣ радостнаго дня
Говорилъ бы лучшими словами.

Былъ бы вамъ какъ радостный восходъ,
Былъ бы вамъ какъ свѣжесть аромата,
Сдѣлалъ бы вамъ легкимъ переходъ
Къ грусти полумертваго заката.

Я бы пѣлъ вамъ сладостно звеня,
Я-бъ не ненавидѣлъ васъ, какъ трупы,
Если-бъ вы молились на меня,
Если-бъ вы не были такъ скупы.

А теперь, угрюмый и больной,
А теперь, какъ темный духъ, гонимый,
Буду мстить вамъ съ мѣткостью стальной,
Буду бичъ вангъ, бичъ неумолимый.

СОПЕРНИКИ.

Мы можемъ идти по широкимъ равнинамъ,
Идти, не встрѣчаясь въ пути никогда.
И каждый пребудеть, одинъ, властелиномъ, —
Пока не взойдетъ роковая звѣзда.

Мы можемъ бросать безпокойныя тѣни,
Ихъ Мѣсяцъ вытягивать будетъ въ длину.
Въ одномъ восхожденъи мы будемъ ступени,
И равны, — пока не полюбимъ одну.

Тогда мы солжемъ, но себѣ не поможемъ,
Тогда мы забудемъ о Богѣ своемъ.
Мы можемъ, мы можемъ, мы многое можемъ,
Но только — мой равный! — пока мы вдвоемъ.

ЛОМАНЫЯ ЛИНИИ.

Ломаныя линіи, острые углы.

Да, мы здѣсь—мы прачемя въ дымномъ царствѣ
мглы.

Мы еще покажемся изъ угрюмыхъ норъ,
Мы еще нарядимся въ праздничный уборъ.

Глянемъ и захватимъ васъ, вбросимъ въ наши сны.
Мы еще покажемъ вамъ свѣжесть новизны.

Подождите, старые, знавшіе всегда
Только два качанія, только нѣтъ и да.

Будеть откровеніе, вспыхнетъ царство мглы.
Утро дышетъ пурпуромъ... Чу! кричатъ орлы!

НАШИМЪ ВРАГАМЪ.

Вы томительные,
Усыпительные,
Ничего вамъ не даю,
Даромъ канете на дно.
Богомъ кинутые,
И отринутые,
Не согрѣты вы ничѣмъ,
И живете пизачѣмъ.
Не постигнувшіе,
И не двигнувшіе
Ничего и никогда,
Вы погибли навсегда.
Вы распавшіеся,
Исудавшіеся,
У дорожнаго столба
Невзошедшіе хлѣба.

ГАРМОНИЯ СЛОВЪ.

Почему въ языкѣ отошедшихъ людей
    Были громы пѣвучихъ страстей?
И намеки на звонъ всѣхъ временъ и провъ,
    И гармонія красочныхъ словъ?

Почему въ языкѣ современныхъ людей
    Стукъ ссыпаемыхъ въ яму костей?
Подражательныхъ словъ, точно эхо молвы,
    Точно ропотъ болотной травы?

Потому что когда, молода и горда,
    Между скалъ возникала вода,
Не боялась она прорываться впередъ,
    Если станешь предъ ней, такъ убьешь.

И убьешь, и зальешь, и прозрачно бѣжить,
    Только волей своей дорожить.
Такъ рождается звонъ для грядущихъ временъ,
    Для теперешнихъ блѣдныхъ племенъ.

ДРУГУ.

Милый другъ, почему безконечная боль
Затаилась въ душѣ огорченной твоей?
Быть счастливымъ себя хоть на мигъ приневожь,
Будь какъ царь водяной, и какъ горный король,
Будь со мною въ дрожащяи безсвязныхъ вѣтвей.

Посмотри, какъ воздушно сіянье Луны,
Какъ проходитъ она — не дыша, не снѣша.
Всѣ видѣнья въ застывшей тиши сплетены,
Всюду свѣтъ и восторгъ, всюду сонъ, всюду сны.
О, земля хороша, хороша, хороша!

* * *

Если грустно тебѣ,
Ты не думай, мой другъ,
Весь очерченъ въ Судьбѣ
Твой назначенный кругъ.

Развѣ думаетъ лѣсъ?
Развѣ плачетъ о чемъ?
Онъ живетъ для чудесъ,
Озаренный лучомъ.

Развѣ пѣлпый цвѣтокъ
Будетъ думать воспой?
Вѣрь напѣвности строкъ,
Будь безъ думы со мной.

* * *

Ты мнѣ говоришь, что какъ женщина я,
Что я разсуждать не умѣю,
Что я ускользаю, что я какъ змѣя, —
Ну, что же, я спорить не смѣю.

Люблю по-мужски я всѣмъ тѣломъ мужскимъ,
Но женское сердцу желанно,
И вотъ отчего, разсуждая съ другимъ,
Я такъ выражаюсь туманно.

Я женщинъ, какъ высшую тайну люблю
А женщины любятъ скрываться,
И вотъ почему я не могъ, не терплю
Въ завѣтныхъ глубинахъ признаться.

Но весь я прекрасенъ, дышу, и дрожу,
Мнѣ жаль, что тебя я печалю.
Приблизься, тебѣ я всю правду скажу —
А можетъ быть только ужалю.

* * *

Мы брошены въ сказочный міръ,
Какой-то могучей рукой.
На тризну? На битву? На пирь?
Не знаю. Я вѣчно — другой.

Я каждой минутой — сожжёнъ.
Я въ каждой пзмѣлѣ — живу.
Не праздно я здѣсь воплощёнъ.
И ярко я сплю — паяву.

И знаю, и помню, съ тоской,
Что внизъ я сейчасъ упаду.
Но, брошенный мѣткой рукой,
Я цѣль — безъ ошибки найду.

АККОРДЫ.

Въ красотѣ музыкальности,
Какъ въ подвижной зеркальности,
Я нашелъ очертанія сновъ,
До меня не рассказанныхъ,
Тосковавшихъ и связанныхъ,
Какъ растенья подъ глыбою льдовъ.

Я имъ далъ наслажденіе,
Красоту ихъ рожденія.
Я разрушилъ звенящіе льды.
И, какъ гимны неслышныя,
Дышутъ лотосы пышные
Надъ пространствомъ зеркальной воды.

И въ нѣмой музыкальности,
Въ этой новой зеркальности,
Создастъ ихъ живой хороводъ
Новый міръ, недосказанный,
Но съ рассказаннымъ связанный
Въ глубинѣ отражающихъ водъ.

SIN MIEDO.

Если ты поэтъ и хочешь быть могучимъ,
Хочешь быть безсмертнымъ въ памяти людей,
Порази ихъ въ сердце вымысломъ пѣвучимъ,
Думу закали на пламени страстей.

Ты видалъ кинжалы древняго Толедо?
Лучшихъ не увидишь, гдѣ бы ни искалъ.
На клинкѣ узорномъ надпись: «Sin miedo», —
Будь всегда безстрашнымъ, — властенъ ихъ закалъ.

Раскаленной стали форму придавал,
Въ сталь кладутъ по черни золотой узоръ,
И вѣка сверкаетъ красота живая
Двухъ металловъ слитыхъ, разныхъ съ давнихъ
поръ.

Чтобъ твои мечты вовѣкъ не отблестали,
Чтобъ твоя душа всегда была жива,
Разбросай въ пафѣвахъ золото по стали,
Влей огонь застывшій въ звонкія слова,

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ.

ТРИДЦАТИКЪ.

1. Изъ рода королей.

Да, тебя я знаю, знаю. Ты изъ рода королей.
Ты изъ расы гордыхъ скальдовъ древней родины
твоей.

Ты не чувствуешь, не знаешь многихъ звуковъ,
многихъ словъ,
Оттого что въ нихъ не слышишь дуповенія вѣковъ.

Ты не видишь и не знаешь многихъ красокъ и
картинъ,
Оттого что въ нихъ не свѣтитъ мощь родныхъ мор-
скихъ глубинъ.

Но едва передъ тобою молвишь бѣглый вѣщій звукъ,
Тотчасъ мы съ тобою вмѣстѣ, мы въ одинъ замкну-
ты кругъ.

И когда во взорѣ можешь силу Моря отразить,
Между мною и тобою тотчасъ ласковая нить.

Нить признанья, ожиданья, безконечности мечты,
Долгихъ пѣсень безъ названья, откровенной красоты.

Между мною и тобою вѣсть возгласъ «Навсегда».
«Ты забудешь?» — «Невозможно». — «Ты ко мнѣ
вернешься?» — «Да».

Да, тебя я знаю, счастье. Ты — рожденная волной.
Вотъ, я связать царскимъ словомъ. Помни. Помни!
Будь со мной!

2. Въ моемъ саду.

Въ моемъ саду мерцають розы бѣлыя,
Мерцають розы бѣлыя и красныя,
Въ моей душѣ дрожать мечты пестрыя,
Стыдливыя, но страстныя.

Тебя я видѣлъ только разъ, любимая,
Но только разъ мечта съ мечтой встрѣчается
Въ моей душѣ любовь непобѣдимая
Горитъ и не кончается.

Лицо твое я вижу поблѣднѣвшее,
Волну волосъ, какъ пряди снова согласныя,
Въ глазахъ твоихъ признанье потемнѣвшее,
И губы, губы красныя.

Съ тобой позналъ я только разъ, любимая
То яркое, что счастьемъ называется,
О, тѣнь моя, безплотная, но зримая,
Любовь не забывается.

Моя любовь — пята, какъ гроздья снѣжныя,
Въ моей душѣ — звучать призывы страстныя
Въ моемъ саду — сверкають розы бѣлыя
И ярко, ярко-красныя.

3. Солнце удалилось.

Солнце удалилось. Я опять одинъ.
Солнце удалилось отъ земныхъ долинъ.
Снѣжныя вершины свѣтъ его хранять.
Солнце посылаетъ свой послѣднй взглядъ

Воздухъ цѣпенѣеть, властно скованъ мглой.
Кто-то, наклоняясь, дышетъ надъ землей.
Тайно стынуть волны меркнувшихъ морей.
— Уходи отъ почи, уходи скорѣй. —

— Гдѣ-жь твой тихій уголь?—Нѣтъ его нигдѣ.
Онъ лишь тамъ, гдѣ взоръ твой устремленъ къ
звѣздѣ.

Онъ лишь тамъ, гдѣ свѣтитъ лучъ твоей мечты.
Только тамъ, гдѣ Солнце. Только тамъ, гдѣ ты.

* * *

Нѣтъ дня, чтобъ я не думалъ о тебѣ,
Нѣтъ часа, чтобъ тебя я не желалъ.
Проклятіе невидящей Судьбѣ,
Мудрецъ сказать, что мѣръ постыдно малъ.

Постыдно малъ и тѣсенъ для мечты,
И все же ты далеко отъ меня.
О, боль моя! Желанна мнѣ лишь ты,
Я жажду новой боли и огни!

Люблю тебя капризною мечтой,
Люблю тебя всей сплою души,
Люблю тебя всей кровью молодой,
Люблю тебя, люблю тебя, спѣши!

И заснулъ на распутъи глухомъ,
Въ высотъ, на небесныя кручи,
Поднимались тяжелыя тучи.
Это было не ночью, а днемъ.

Я лежалъ на избитомъ пути,
На краю много знавшей дороги.
Здѣсь и люди и звѣри и боги
Проходили, чтобъ что-то найти.

И дремалъ какъ живой, но мертвецъ,
Какъ умершій, но чающій жизни.
И, отдавшись душой укоризнѣ,
Задремалъ я какъ трупъ наконецъ.

И тогда мнѣ явилась она,
Та, кого я и прежде, неслепе,
Такъ любилъ, безнадежно, безгласно,
Какъ любить намъ велѣла — Луна.

Надо мною безплотная тѣнь,
Поклопя воздушное тѣло,
Ближе быть, дальше быть, не хотѣла.
И погасъ утомительный день.

Все смѣшалось въ сомкнувшейся мглѣ.
Я мечталъ — да, какъ всѣ — о святыхъ.
И какъ трупъ я покоюсь донинѣ
На избитой шагами землѣ.

* * *

Мы прячемъ, душимъ тонкой сѣтью жи
Свою любовь.

Мы шепчемъ: «Да? Ты мой? — Моя? — Скажи! —
— «Скорѣй! Одежды брзчныя готовь!»

Но я люблю, какъ любить пѣть ручей,
Какъ свѣтить лучъ.
Послѣдній я, иль первый, межъ лучей,
Навѣкъ, на мигъ, —миѣ все равно, —я жгучъ.

Но я люблю, какъ любить льнуть къ волнѣ
Воздушность ивъ.

Миѣ все равно, что скрыто тамъ на днѣ, —
Я въ зеркалѣ поверхности красивъ.

Поверхность отражаетъ выпл горъ,
Измѣны дня.

Мой милый другъ, лелѣй въ себѣ мой взоръ,
Какъ тѣнь, какъ сонъ, люби, люби меня!

ТОНЧАЙШИЯ КРАСКИ.

Тончайшія краски
Не въ яркихъ созвучьяхъ,
А въ еле-замѣтныхъ
Дрожаніяхъ струнъ, —
Въ нихъ зрима сіянья
Планетъ запредѣльныхъ,
Непознанныхъ свѣтовъ,
Невидимыхъ лунъ.

И если въ минуты
Глубокаго чувства,
Мы смотримъ безгласно
И любимъ безъ словъ,
Мы видимъ, мы слышимъ,
Какъ свѣтять намъ солнца,
Какъ дынуть намъ блески
Недѣльныхъ міровъ.

НА РАЗНЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

Мы говоримъ на разныхъ языкахъ.
Я свѣтъ весны, а ты усталый холодъ.
Я златоцвѣтъ, который вѣчно молодъ,
А ты песокъ на мертвыхъ берегахъ.

Прекрасна даль вскипающаго Моря,
Его просторъ играющій широкъ.
Но берегъ мертвъ. Измытъ волной песокъ.
Свистить, хрустить, съ гремучей влагой споря.

А я живу. Какъ въ сказочныхъ вѣкахъ,
Воздушный садъ исполненъ аромата.
Поетъ пчела. Моя душа богата.
Мы говоримъ на разныхъ языкахъ.

ПОЗДНО.

Было поздно въ нашихъ думахъ.
Пѣла полночь съ дальнихъ башенъ.
Темный сонъ домовъ угрюмыхъ
Былъ таинствененъ и страшенъ.

Было тягостно-обидно.
Даль небесъ была беззвѣдна.
Было слишкомъ очевидно,
Что любить, любить намъ — поздно.

Мы не поняли начала
Нашихъ сновъ и пѣнопѣній.
И созвучье отзвучало
Безъ блаженныхъ наступлений.

И на улицахъ угрюмыхъ
Было скучно и морозно.
Било полночь въ нашихъ думахъ.
Было поздно, поздно, поздно.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ.

Въ тѣ дни, когда вездѣ былъ Млечный Путь,
Я полюбилъ несдержанность мечтанья,
И вѣрю, звѣздный хаосъ міроздавья
Въ моихъ словахъ блеснетъ когда-нибудь.

Теперь! Сейчас! Вольнѣе дышетъ грудь
Я полонъ сладкой дрожью ожиданья,
Они встаютъ, забытыя преданья,
Погаснія, хотятъ опять блеснуть.

Я вижу первозданную планету,
Воздушную, какъ островъ голубой,
Тамъ въ первый разъ я счастливъ былъ съ тобой.

Въ начальной тьмѣ оставилъ я примѣту,
Сказавъ тебѣ: «Прощай. Когда-нибудь
«Мы вновь съ тобой полюбимъ — Млечный Путь».

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Она такъ шумно-весела,
И такъ свѣтла, —
Какъ между скаль пѣвучій ключъ,
Какъ яркій лучъ.
Въ ней все любовь, въ ней все мечта,
И красота,
Какъ все въ лѣсу, въ лучахъ весны,
Любовь и сна.
Зачѣмъ же радостный расцвѣтъ
Веселыхъ лѣтъ, —
Какъ лѣтній блескъ смѣнить зимой, —
Оконченъ тьмой?
Теперь навѣкъ съ однимъ она,
Прошла весна.
Какъ дымъ вокругъ пурпура огней,
Онъ всюду съ ней.
Цвѣтокъ роскошный отблесталъ.
И мертвый сталъ.
И какъ въ гербаріи онъ сжать,
Безцвѣтенъ взглядъ.
Въ ней ключъ застывшій усыплень,
Въ ней смутный сонъ,
Какъ тусклый мертвенный палець
Стоячихъ водъ.

СОЕДИНЕННЫЕ.

Сожженный край томительной равнины,
На ней забытый раненый солдатъ.
Вдали синѣютъ горы-исполины.
— «Ты не придешь, ты не придешь назадъ!»

Тамъ, гдѣ-то, край обиженный и бѣдный,
Въ глухой избѣ, за пряжей, у окна,
Какая-то одна, съ улыбкой блѣдной,
Вдали отъ мужа — мужняя жена.

Мѣняетъ Солнце область созерцанья,
Роняетъ тѣнь однимъ, и жжетъ другихъ.
Все ближе ночь. Все тише восклицанья,
Въ такую ночь пришелъ онъ какъ женихъ.

Равнины спятъ. Предъ счастьемъ пробужденья
Мѣняетъ Солнце пышный свой нарядъ.
Къ одной странѣ восходятъ все видѣнья,
— Да, онъ придетъ, придетъ къ тебѣ назадъ!

ПРИДОРОЖНЫЯ ТРАВЫ.

Спите, полумертвые увядшіе цвѣты,
Такъ и не узнавшіе расцвѣта красоты,
Близъ путей заѣзженныхъ взрощенные Творцомъ,
Смятые невидѣвшимъ тяжелымъ колесомъ.

Въ часъ, когда все празднуютъ рожденіе весны,
Въ часъ, когда сбываются несбыточные сны,
Всѣмъ дано безумствовать, лишь вамъ однимъ
нельзя,
Возлѣ васъ раскинулась заклятая стезя.

Вотъ, полунломаны, лежите вы въ пыли,
Вы, что въ небо дальнее свѣтло глядѣть могли,
Вы, что встрѣтить счастье могли бы, какъ и все,
Въ жемчуженной, въ петроутой, въ дѣвической
красѣ.

Спите же, взглянувшіе на страшный пыльный путь,
Вашимъ равнымъ — царствовать, а вамъ — навѣкъ
уснуть,
Богомъ обдѣленные на праздникъ мечты,
Спите, не видавшіе расцвѣта красоты.

ВЛЮБЛЕННЫЕ.

Храня влюбленную истому,
Я цѣпию и гляжу.
Отъ одного цвѣтка къ другому
Въ саду перехожу.
Воздушно ландыши бѣлѣютъ,
Въ себя влюбляется нарцисъ,
И гроздь красныхъ лилій млѣютъ,
Раскрылись и зажглись.
И счастью преданы нѣмому,
Уста раскрывшихся цвѣтовъ,
Отъ одного цвѣтка къ другому
Сруять блаженство снова.
Я вижу, какъ они мѣняютъ
Свой легкой праздничный нарядъ,
Другъ друга пылью соблазняютъ,
Влюбляютъ и пьянятъ.
Душистой пылью оьяненный,
Цвѣтокъ цѣлуется съ цвѣткомъ.
А я, безумный, я, влюбленный,
Съ блаженствомъ незнакомъ.
Но я храню свою истому,
Тобой живу, тобой дрежу.
И отъ цвѣтка иду къ другому,
Веѣмъ — сердце расскажу.

* * *

Я знаю людей съ голубыми глазами,
Я знаю, что пришло думать о нихъ.
Но это молчаніе неба надъ нами
Не есть ли горящій безмолвіемъ стихъ?

Не стихъ, а поэма, о томъ, что лазурность
Все видитъ, все знаетъ, всегда глубина,
И молча твердитъ намъ: «Безбурность. Безбурность.
«Я лучше, чѣмъ буря. Я счастье сна».

ВЕЧЕРНЯЯ ТИШЬ.

Темнѣсть вечерь голубой,
Мерцаютъ розовыя тѣни.
Мой другъ, скорѣй, пойдемъ съ тобой
На тѣ завѣтныя ступени.

Надъ нами будетъ желтый крестъ,
Цвѣтныя окна церкви темной.
Зажжется небо, и окрестъ
Повсюду будетъ блескъ заемный.

Багряно-огненный закатъ
Во мглѣ освѣтитъ лица наши.
Съ могилъ къ намъ розы обратятъ
Свои раскрывшіяся чаши.

Для насъ надгробныя кресты,
Въ лучахъ послѣдняго сіянья,
Воспримутъ чары красоты,
Какъ знакъ нѣмого общающа.

И всѣ тона, и всѣ цвѣта,
Какіе только въ небѣ слиты,
Какъ въ рай забытыя врата,
Нимъ будутъ въ этотъ мигъ открыты

И смолкнутъ наши голоса,
И мы, другъ въ другѣ пропадая,
Погаснемъ, какъ въ цвѣткѣ роса,
Какъ въ тучкѣ искра золотая.

ВОЛНЫ.

Волна бѣжитъ. Волна съ волною слита,
Волна съ волною слита въ одной мечтѣ.
Прильнувъ къ скаламъ, они гремятъ сердито.
Они гремятъ сердито: «Не тѣ! Не тѣ!»

И въ горькомъ снѣ волна волнѣ шепнула.
Волна волнѣ шепнула: «Въ тебѣ — мечта».
И плещуть вновь: «Меня ты обманула!»
«Меня ты обманула. И ты — не та!»

НАРЦИССЪ И ЭХО.

Aire y flor....
Calderon.

Цвѣтокъ, и воздухъ, смущенный эхомъ,
То полный плачемъ, то полный смѣхомъ.
Цвѣтокъ нарцисса, и звукъ завѣтный,
Отвѣтомъ вставшій, но безотвѣтный.

Надъ глубию водной, мертво-зеркальной,
Безплодно стынетъ цвѣтокъ печальный,
Своимъ обмануть прекраснымъ ликомъ,
Не взявша внѣшнимъ мольбамъ и крикамъ.

А звукъ завѣтный, хотя и внѣшній,
Навѣкъ пронизакъ тоской нездѣлней,
Ревнуетъ, молить, грозить, пророчить,
И вотъ рыдаетъ, и вотъ хохочетъ.

Но пѣть сліянья для двухъ прекрасныхъ,
Мы розно стынемъ въ терзаньяхъ страстныхъ.
И гаснуть звуки, и ясы воды
Въ бездушномъ царствѣ глухой природы.

УТРЕННИЙ ЦВѢТОКЪ.

Я нашелъ въ лѣсу цвѣтокъ,
Онъ такой былъ легкій, нѣжный,
И рукой моею небрежной
Сломанъ тонкій стебелекъ.

Много я сорвалъ цвѣтовъ,
И ликующихъ и блѣдныхъ,
Въ этихъ чащахъ заповѣдныхъ,
Далеко отъ городовъ.

Но упрямая душа
Говорить, что лишь вначалѣ,
Въ утро, чуждое печали,
Радость счастья хороша.

И воздушный тотъ цвѣтокъ
Я во всѣхъ своихъ скитаньяхъ,
Въ наслажденьяхъ, и въ страданьяхъ,
Позабыть никакъ не могъ.

* * *

Я не знаю, какъ же быть?
Продолжать или забыть?
Черезъ улицу, давно,
Изъ окна смотрю въ окно.

И давно ко мнѣ притикъ,
Сквозь окно, далекій ликъ.
За воздушною средой,
Манить, нѣжный, молодой.

Этотъ ликъ глядитъ давно
Сквозь прозрачное окно.
Ближе быть нельзя никакъ: —
Будеть какъ-то все не такъ.

Нѣтъ, не такъ слились бы мы
Въ сладкой связи близкой тьмы,
Какъ мы слиты силой сновъ,
Безъ любви, и безъ оковъ.

Я не знаю, какъ же быть?
Какъ любить — и не любить?
Духъ далекій, духъ родной,
Вѣчно ль будешь ты со мной?

ШИПОВНИКЪ.

Шиповникъ алый,
Шиповникъ бѣлый.
Одинъ усталый,
И онѣмѣлый,
Другой влюбленный,
Лѣново-страстный,
Душистый, сонный,
И красный, красный.

Едва вздыхая,
И цѣпя,
Въ дыханьи мая
Влюбляясь, мля,
Они мечтаютъ
О невозможномъ,
И доцвѣтаютъ
Во снѣ тревожномъ.

И близко, близко
Одинъ къ другому,
Въ корняхъ, такъ низко,
Хранятъ потому,
Въ листьяхъ, въ вершинахъ,
Въ цвѣтахъ, повсюду,
И въ снахъ единыхъ
Окрылась чужу.

О, чудо мая
Неотвратимо!
Но время, тая,
Проходитъ мимо,
Но май устанетъ,
И опѣмѣетъ,
И вѣтеръ встанетъ,
Цвѣты развѣетъ.

Ихъ рокъ — быть рядомъ
И жадать слиться,
Ихъ рокъ — лишь взглядомъ
Соединиться.
О, сонъ усталый,
О, вздохъ несмѣлый!
Шиповникъ алый,
Шиповникъ бѣлый!

СРАЗУ.

Ты мнѣ понравилась такъ сразу оттого,
Что ты такъ дѣвственно-стыдлива и прекрасна!
Но за стыдливостью, и сдержанно, и страстно.
Коснулось что-то сердца твоего.

Въ твои глаза взглянувъ, я вижу въ зыбкомъ взорѣ,
Что страсть была тебѣ знакома и близка.
Ты легкая волна, играющая въ Морѣ,
Ты тонкій стебель нѣжнаго цвѣтка.

Дыханьемъ вѣтерка, въ завѣтное мгновенье,
Нарушена была твоя нѣмая тишь,
Но было такъ легко его прикосновенье,
Что ты его едва-едва тишишь.

Мнѣ все же чудится, что ласки поцѣлуя
Ты ясно слышала, и знаешь сладость ихъ,
И я, увидя зыбь глубочихъ глазъ твоихъ,
Тебя люблю, желая и ревную.

БѢЛЫЙ ЦВѢТОКЪ.

Въ твои глаза взглянувши, я поняла въ тотъ же
мигъ, ..

Что ты цвѣтокъ воздушный и сладостный родникъ.

Въ твоей душѣ такъ много прозрачныхъ свѣтлыхъ
водъ,

И надъ водой зеркальной цвѣтокъ-мечта живетъ.

Весь бѣлый, бѣлый, бѣлый, онъ лишь въ себя
влюбленъ.

Его восторгъ воздушный ни съ кѣмъ не раздѣленъ.

Но я люблю воздушность и бѣлые цвѣты.

Прекрасная! Запомни, что мнѣ желанна ты!

ТЫ ЗДѢСЬ.

Ты здѣсь, со мною, такъ близко-близко.
Я полонъ счастья. Въ душѣ гроза.
Ты цѣпенѣешь — какъ одалиска,
Полузакрывши свои глаза.

Кого ты любишь? Чего ты хочешь?
Теперь томишься? Иль съ давнихъ поръ?
О чемъ поешь ты, о чемъ пророчишь,
О, затѣненный, по яркій взоръ?

Мое блаженство, побудь со мною,
Я весь желанье, я весь гроза.
Я весь исполненъ тобой одною.
Открой мнѣ счастье! Закрой глаза!

ЧЕРЕМУХА.

Черемухой душистой съ тобой опьянены,
Мы вдругъ забыли утро, и вдругъ вступили въ сны.

И утро превратилось въ моря безъ береговъ,
Моря пловучихъ тучекъ, вѣтвей, кустовъ, цвѣтовъ.

Цвѣты, деревья, травы, и травы, и цвѣты,
Моря цвѣтовъ и красокъ, любовь, и я, и ты.

Лицо къ лицу склонивши, и руку въ руку взявъ,
Мы вдругъ прониклись счастьемъ легко дрожа-
щихъ травъ.

Безмѣрнымъ свѣтомъ Солнце свѣтило съ высоты,
И было изумленье, восторгъ, и я, и ты.

Въ насъ царствовала Вѣчность, въ насъ былъ ко-
роткій часъ,
И утро выросло для насъ, для насъ, для насъ.

Мы были два сіянья, два призрака весны,
Черемухой душистой подсказанные сны.

ПРОЗРАЧНОСТЬ.

Воздухъ сталъ прозрачнѣй и печальнѣй,
Умеръ день, а ночь не родилась.
Изъ окна, въ своей опочивальнѣ,
Лишь одна звѣзда, блеснувъ, зажглась.

Облачкомъ окутанная бѣлымъ,
Ласково глядѣла съ высоты,
Призракомъ воздушно-онѣмѣлымъ,
Образомъ нетлѣнной чистоты.

И съ тобой, по берегу морскому,
Я впередъ безгласно уходилъ,
Къ новому, къ неожиданному, къ другому,
Къ воздуху безъ тучъ и безъ свѣтилъ.

* * *

Ты вся мнѣ кажешься какой-то тайной сладкой,
Когда вотъ здѣсь, вотъ тутъ, молчишь, едва дыша,
И для меня навѣкъ останется загадкой
Твоя безмолвная душа.

Всѣмъ видомъ сказочнымъ, немножко старосвѣт-
скимъ,
Напоминающимъ прадедовскіе дни,
И этимъ голосомъ, задержаннымъ и дѣтскимъ,
Ты точно говоришь: «Усни».

Когда же ты поешь такъ сладостно и ровно,
Ты вся мнѣ кажешься нетронутымъ цвѣткомъ,
Едва лелѣемымъ, стыдливо и любовно,
Полувлюбленнымъ вѣтеркомъ.

ШЕСТНАДЦАТИ ЛѢТЬ.

Счастливая дѣвушка
Шестнадцати лѣтъ!
О, возрастъ влюбленности
И быстрыхъ побѣдъ!
О, мигъ пробужденія,
Румяный расцвѣтъ!

Весь міръ вамъ — какъ житница,
Онъ намъ только пусть.
Онъ вамъ улыбается,
Какъ розовый кустъ,
Какъ нѣжность подвижная
Смѣющихся устъ.

Къ вамъ жизнь приближается,
Ласкаетъ, зоветъ.
Подъ Солнцемъ на озерѣ
Вскрывается ледъ.
На пчельникѣ топится
И копится медъ.

Во всемъ общанія
И ласковый свѣтъ.
Вы спросите, взглянете,
Вамъ будетъ отвѣтъ.
О, милая дѣвушка
Шестнадцати лѣтъ!

ЗАМАРАШКА.

Бѣдная ты замаранка,
Сѣренькій робкій звѣрокъ,
Ты полевая ромашка,
Никѣмъ не любимый цвѣтокъ.

Ты и не знаешь, какъ манить
Прелесть незнатныхъ полей,
Видъ твоей души не обманетъ,
Ты всѣхъ мнѣ красавиць милѣй.

КОЛДУНЯ.

Какъ медленно, какъ тягостно, какъ скучно
Проходить жизнь, являя тотъ же ликъ.
Широкая рѣка течетъ безвучно,
А въ сердцѣ дышетъ бьющійся родникъ.

И новаго онъ хочетъ каждый мигъ,
И старое онъ видитъ неотлучно.
Субботній день, какъ всѣ, прошелъ, поникъ,
И полночь бьетъ, и полночь однозвучна.

Такъ что же, завтра—снова какъ вчера?
Нѣтъ, есть восторгъ минуты изступленной.
Меня зовутъ. Я слышу. Такъ. Пора.

Пусть завтра встрѣчу смерть въ чаду костра,—
За сладость счастья сладко быть сожженной.
Межь демоновъ я буду до утра!

МОРСКАЯ ДУША.

У нея глаза морского цвѣта,
И живетъ она какъ бы во снѣ.
Отъ весны до окончанья лѣта
Духъ ея въ нездѣшнѣй сторонѣ.

Ждетъ она чего-то молчаливо,
Гдѣ сильнѣй всего шумить прибой,
И въ глазахъ глубокихъ въ мигъ отлива,
Холодѣетъ сумракъ голубой.

А когда высоко встанетъ буря,
Вся она застынетъ, внемля шескъ,
И глядитъ какъ звѣрь, глаза прищуря,
И въ глазахъ ея зеленый блескъ.

А когда настанетъ Новолунье,
Вся изнемогая отъ тоски,
Блѣдная влюбленная колдунья
Расширяетъ черные зрачки.

И слова какого-то обѣта
Все твердить взволнованно дыша.
У нея глаза морского цвѣта,
У нея невѣрная душа.

СЕМИЦВѢТНИКЪ.

1.

Лѣсной ручей поетъ, не зная почему,
Но онъ свѣтло журчитъ и нарушаетъ тьму.
А въ трепетѣ лучей поетъ еще звончѣй,
Какъ будто говоря, что онъ ничей, ничей.

Такъ ты всегда свѣтла, не зная почему,
И быть такой должна, наперскоръ всему.
Твоя душа—напѣвъ звенящаго ручья,
Который говорить, что ты ничья, ничья.

2.

Смотри, какъ звѣзды въ вышинахъ
Свѣтло горять тебѣ и мнѣ.
Они не думаютъ о насъ,
Но свѣтятъ намъ въ полночный часъ.

Прекрасенъ ими небосклонъ,
Въ нихъ вѣчень свѣтъ, и вѣчень сонъ.
И кто ихъ видитъ—жизни радъ,
Чужою жизнiю богатъ.

Моя любовь, моя звѣзда,
Такой какъ звѣзды будь всегда.
Горя, не думай обо мнѣ,
Но дай побыть мнѣ въ звѣздномъ свѣѣ.

3.

Нѣтъ, ты не поняла, что въ безднѣ пустоты
Я не обрывъ, не тьма, а вольный сонъ мечты,
Такой же радостный и вкрадчивый, какъ ты.

Я пропасти люблю, но такъ же, какъ лѣса,
Молчанье, и за нимъ—земные голоса,
И все подземное, и свѣтъ, и небеса.

Я, безконечное въ конечномъ ощутивъ,
Люблю и высоту, влюбляюсь и въ обрывъ,
И я въ чудовищномъ свободенъ и красивъ.

Свободенъ, потому, что только мигъ я въ немъ,
И сладко сплю въ тѣни, сказавши тьмѣ: «Успемъ».
Но вотъ ужъ я возсталъ, я весь огонь съ огнемъ.

Мы всюду встрѣтимся, гдѣ чары красоты,
Гдѣ въ самомъ хаосѣ завершены черты,
Гдѣ свѣтъ гармоніи, гдѣ счастье, гдѣ ты.

4.

Люси, моя весна! Люси, моя любовь!
Какъ сладко снова жить, и видѣть солнце вновь.
Я былъ въ глубокой тьмѣ, моя душа спала,
Но задрожала мгла, когда весна пришла.

Восторгомъ стала боль, отвѣтомъ сталъ вопросъ,
Отъ смѣха губъ твоихъ, и золота волосъ.
И тонкій станъ ко мнѣ прильнулъ въ воздушномъ снѣ,
И предалъ я свой духъ чарующей веснѣ.

О, стройная мечта, не разлучусь я съ ней!
Кто въ мірѣ можетъ быть моею Люси нѣжнѣй?
Кто лучше всѣхъ? Люси, спроси ручей, цвѣты: —
Лучи, ручей, цвѣты мнѣ говорятъ, что — ты!

5.

Кто полюбивъ — не сразу полюбилъ?
Въ глубокой тьмѣ — горять огни свѣтить.
И кто уставъ — свою покинулъ тьму,
Его звѣзда — свѣтло горить ему.

Къ тебѣ прильнувъ — я вижу бездну водъ.
Въ моихъ зрачкахъ — твой гордый блескъ живетъ.
Зеркалень ликъ — прозрачной глубины,
Тамъ два стебля — влюбленно сплетены.

Въ одномъ цвѣткѣ — какъ бархатная ночь,
Въ другомъ цвѣткѣ — огонь, что рвется прочь.
И мы горимъ — прекраснѣй нѣтъ свѣтить,
И въ первый разъ — я сразу полюбилъ.

6.

Когда сейчасъ передо мною
Ты въ сладострастьи замерла,
Одною схвачены волною,
Мы отдались любви и зною,
Но въ нашихъ взорахъ пеленою
Возникла трепетная мгла.

И мы глаза свои закрыли,
Чтобъ видѣть лишь себя во снѣ,
И въ блескѣ сна, въ цвѣточной пыли,

Мы жизнью слитно-разной жили,
Какъ два видѣнья той же были,
Какъ два луча въ одной волнѣ.

И всё слова одной страницы
Соединить насъ не могли.
Сверкнувъ другъ другу какъ зарницы,
Тонули мы какъ въ небѣ птицы,
И ты, полуоткрывъ рѣсницы,
Была вблизи — но какъ вдали!

7.

«Зачѣмъ ты хочешь словъ? Ужели ты не видишь,
«Какъ сладко мнѣ съ тобой, цвѣтокъ мой голубой?
«Ни друга, ни врага ты взглядомъ не обидишь,
«Цвѣтешь, всегда цвѣтешь, взлелѣянный Судьбой.

«Зачѣмъ тебѣ слова? Я какъ и ты безгласна.

«Я сны истомные лелѣю какъ и ты.

«Смотри, какъ дышемъ мы, тревожно, нѣжно, стра-
стно...

«О, милый, милый мой! Вѣдь мы съ тобой — цвѣты!»

* *
* *

Влага только на мгновенье
Может къ лотосу прильнуть,
Дастъ ему свое забвенье,
И опять стремится въ путь.

Лотосъ только на мгновенье
Принимаетъ подѣлуи
И восторгъ прикосновенья
Перемѣнно - быстрыхъ струй.

Мигъ блаженства, легкость ласки,
Вольно-слитыя сердца,
Прелесть призрачной завязки
И мгновеннаго конца.

Лотосъ послѣ быстрой ласки
Весь блеститъ легко дрожа,
И вода въ подвижной сказкѣ
Обновленна и свѣжа.

ТРИ ЦВѢТА.

Черный, желтый, и красный,
Три Испанскіе цвѣта.
Сліянье тριάды согласной
Разгадано сердцемъ поэта.

Черный цвѣтъ подозрѣнья
Страшенъ душамъ невѣрнымъ.
Обманчивый мигъ утоленья
Къ возмездьямъ приводитъ примѣрнымъ.

Желтый — дикая ревность,
Жгучесть раненой чести,
До времени скрытая гнѣвность,
Злорадство разсчитанной мести.

Всѣхъ отчетливѣй — красный,
Полный жизни и смерти.
Довѣрьтесь тριάдѣ согласной,
Любите, но страсти не вѣрьте!

СЕРЕНАДА.

Я сомкнулъ глаза усталые,
Міра больше нѣтъ.
Плачьте, плачьте, запоздалые,
Свѣтите намъ лишь поздній свѣтъ.
Дышутъ сумерки неясныя,
Смотрятъ звѣзды съ высоты.
Плачьте, страстные, подвластные
Тайнамъ темноты.

Я закрылъ глаза усталые,
Стройный міръ погасъ.
Кровь слагаетъ сказки злыя,
И обманываетъ насъ.
Дышутъ шелесты неясныя,
Дымно спитъ рѣчная гладь.
Плачьте, страстные, безгласныя,
Вамъ недолго спать.

КРЕСТОНОСЕЦЪ.

Ни ревности, ни скукѣ, ни злословью,
Моей души живой я не предамъ.
Блуждая по несчетнымъ городамъ,
Однимъ я услажденъ всегда—любовью.

Мой умъ увлекъ меня къ Средневѣковью,
Ко днямъ служещя тающимъ мечтамъ.
И, крестоносецъ, годы я отдамъ,
Чтобъ розы словъ зардѣлись алой кровью.

Моей! Моей! Невѣрныхъ больше нѣтъ.
Въ пустынѣ—все смѣшавшихъ—долгихъ лѣтъ
Сравнились все молитвы и проклятья.

И въ вѣрность дней не вѣрю я одинъ.
Во имл жертвы, счастья безъ объятя,
Я сумрачный, я гордый паладинъ.

ЗАЧАРОВАННЫЙ ГРОТЪ.

О, Сафо, знаешь только ты
Необъяснимость откровенья
Непобѣжденной красоты
Въ лучахъ бессмертнаго мгновенья!

О, Сафо, знаешь только ты, —
Чье имя сладость аромата, —
Неизреченныя мечты,
Для насъ блеснувшія когда-то!

О, Сафо, знаешь только ты,
Какъ ярко ширятся, безъ счета,
Недостижимые цвѣты
Изъ зачарованнаго грота!

* * *

Жизнь проходит, — вѣчень сонъ.
Хорошо мнѣ, — я влюбленъ.

Жизнь проходит, — сказка нѣтъ.
Хорошо мнѣ, — я поэтъ.

Душень миръ, — въ душѣ свѣжо.
Хорошо мнѣ, хорошо.

ОТПАДЕНІЯ.

Отпаденія въ міръ сладострастія
Намъ самую Судьбой суждены.
Намъ невѣдомо высшее счастье.
И любить, и желать — мы должны.

И не любить ли жизнь настоящее?
И не свѣтять ли звѣзды за мглой?
И не хочеть ли Солнце горящее
Сочетаться любовью съ Землей?

И не дышетъ ли влага прозрачная,
Въ глубину принимая лучи?
И не ждетъ ли Земля повобрачная?
Такъ люби. И цѣлуй. И молчи.

МОЕ ПРИКОСНОВЕНЬЕ.

Мое прикосновенье,
Мой сладкій поцѣлуй —
Какъ свѣтлое забвенье,
Какъ лѣнье вѣшнихъ струй.

Воздушное лобзанье,
До истощенья силъ —
Какъ сладость приказанья
Того, кто сердцу милъ.

Оно легко зифится
Вдоль тѣла и лица —
И длится, длится, длится,
Какъ будто безъ конца.

* * *

Мой милый! — ты сказала мнѣ. —
Зачѣмъ въ душевной глубинѣ
Ты будишь бурныя желанья?
Все, что въ тебѣ, влочетъ меня.
И вотъ въ душѣ моей, звеня,
Ростеть, ростеть очарованье!

Тебя люблю я столько лѣтъ,
И нѣженъ я, и я поэтъ.
Такъ какъ же это, совершенство,
Что я тебя своей не звалъ,
Что я тебя не цѣловалъ,
Не задыхался отъ блаженства?

Скажи мнѣ, счастье, почему?
Пойми: Никакъ я не пойму,
Зачѣмъ мы стали у предѣла?
Зачѣмъ не хочешь ты любить,
Себя въ восторгѣ позабыть,
Отдать и душу мнѣ и тѣло?

Пойми, о, нѣжная мечта: —
Я жизнь, я солнце, красота,
Я время сказкой зачарую,
Я въ страсти звѣзды создаю,
Я весь — весна, когда пою,
Я — свѣтлый богъ, когда цѣлую!

УТРЕННИКЪ.

Я нарвалъ черемухи душистой,
Освѣженной утреннею мглой.
Какъ въ ней много пьяности росистой.
Милая, скорѣй окно открой!

Я тебя къ тебѣ самой ревную,
Я тебя такъ тѣсно обовью,
И тебя цвѣтами зачарую,
И тебя росюю напою.

Предо мною топкая преграда,
Сквозь стекло видна твоя кровать.
Нѣтъ, не надо твоего не надо,
Дай тебя мнѣ всю поцѣловать!

* * *

Я тебя закутаю
Дремой грезъ плѣнительныхъ,
Я тебя опутаю
Сѣтью тонкихъ травъ,
Нѣжно забаяюкаю
Сказкой ласкъ томительныхъ,
Замедленной мукою
Сладостныхъ отравъ.

Ты вздохнешь, влюбленная,
Поблѣднѣвъ отъ счастія,
Сладко-утомленная,
Какъ вечерній свѣтъ.
Скована безбрежностью
Тайны сладострастія,
Ты увидишь съ нѣжностью,
Что съ тобой — поэтъ.

АРУМЪ.

Тропическій цвѣтокъ, багряно-пышный арумъ!
Твоя цвѣты горятъ ликующимъ пожаромъ.

Твои листы грозятъ, нельзя ихъ позабыть,
Какъ кося, чья судьба—орудьемъ смерти быть.

Цвѣтокъ-чудовище, надменный и злоокій,
Съ недобрымъ пламенемъ, съ двуцвѣтной поволокой.

Снаружи блестящей сіяніемъ заря,
Свѣтло-пурпуровой, — и черною внутри.

Губительный цвѣтокъ, непобѣдимый арумъ,
Я предаю всей душой твоимъ могучимъ чарамъ.

Я знаю, что они такъ пышно мнѣ сулятъ: —
Съ любовнымъ праздникомъ въ нихъ дышетъ жгу-
чій ядъ!

ХОТЬ РАЗЪ

Мы боимся — мы дѣлимъ — дробимъ
Нашъ восторгъ предъ возникшей картиной.
О, хоть разъ я хочу быть любимъ
Съ беззащитностью — пусть хоть звѣриной!

Хоть звѣриной, когда неземной
На землѣ намъ постичь невозможно.
Вотъ, ты чувствуешь? Сладко со мной?
Мы не блѣдно забылись, не ложно.

Утомившись, мы снова хотимъ,
Орхидейнымъ подобие чашамъ.
Мы съ тобою весь мѣръ побѣдимъ,
Онъ возникнетъ чарующе-нашимъ.

Ты кацаешься въ сердца моему,
Какъ на влагѣ — восторгъ отраженій.
Мы съ тобою весь мѣръ закуемъ
Красотою змѣиныхъ движеній!

АНИТА.

Я былъ желаненъ ей. Она меня влекла,
Испанка стройная съ горящими глазами.
Далекимъ заревоиъ жила почная мгла,
Любовь невнятными шептала голосами.
Созвучьемъ словъ своихъ она меня зажгла,
Испанка смуглая съ глубокими глазами.

Альковъ раздвинулся воздушно-кружевной.
Она не стала мнѣ шептать: «Пусти... Не надо...»
Не дѣвъ Сѣвера, не нимфѣ ледяной,
Твердилъ я вкрадчиво: «Anita! Adorada!»
Тигрица жадная дрожала предо мной, —
И кромѣ глазъ ея мнѣ ничего не надо.

СЛІЯНІЕ.

Красивый звѣрь изъ тигровой семьи,
Жестокій обликъ чувственной пантеры,
Съ тобой я слить въ истомномъ забытьи,
Тебя люблю, безъ разума, безъ мѣры.

Я зналъ давно, какъ властны всѣ химеры,
Я предалъ имъ мечтанія мои,
Но ты даешь мнѣ сладость новой вѣры,
Даешь мнѣ знать о новомъ бытіи.

Различности въ сліянніи единомъ,
Конячья мягкость, съ женскою красотою,
Ликъ юноши, плѣненного мечтой.

Влюбленный ангель, съ помысломъ звѣринымъ,
Возьми меня, скорѣй, мой нектаръ пей,
Ласкай меня, люби меня, убей!

РУСАЛКА.

Если можешь, пойми. Если хочешь, возьми.
Ты одинъ мнѣ понравился между людьми.
До тебя я была холодна и блѣдна.
Я съ глубокаго, тихаго, темнаго дна.

Нѣтъ, помедли. Сейчасъ загорится для насъ
Молодая Луна. Вотъ, ты видишь? Зажглась!
Дышетъ мракъ голубой. Ну, цѣлуй же! Ты мой?
Здѣсь. И здѣсь. Такъ. И здѣсь... Ахъ, какъ сладко
съ тобой!

* *
* *

Я ласкалъ ея долго, ласкалъ до утра,
Цѣловалъ ея губы и плечи.
И она наконецъ прошептала: «Пора!
«Мой желанный, прощай же — до встрѣчи».

И часы пронеслись. Я стоялъ у волны.
Въ ней качалась русалка нагая.
Но не блѣдная дѣва вчерашней Луны,
Но не та, но не та, а другая.

И, ее оттолкнувъ, я упалъ на песокъ,
А русалка, со смѣхомъ во взорѣ,
Вдругъ зашѣла: «Просторъ полноводный глубокъ.
«Много дѣвъ, много раковинъ въ Морѣ.

«Тотъ, кто слышалъ напѣвъ первозданной волны,
«Вѣчно полонъ мечтаній безбрежныхъ.
«Мы — съ глубокаго дна, и у той глубины
«Много дѣвъ, много раковинъ нѣжныхъ».

КОЛДУНЯ ВЛЮБЛЕННАЯ.

Мнѣ вѣдомо пламя отчаянья,
Я знаю, что знаютъ въ аду.
Но, мраку отдавшись, бѣгу отъ раскаянья,
И новыхъ грѣховъ задыхаяся жду.

Красивую маску безстрастія
Лишь равный способенъ понять.
Глаза мои могутъ ослѣпнуть отъ счастья,
Ослѣпнуть отъ муки, — но слезъ имъ не знать.

О, да, я колдунья влюбленная,
Смѣюсь, по обрыву скользя.
Я ночью безумна, я днемъ полусонная,
Другой я не буду — не буду — нельзя.

ИГРАЮЩЕЙ ВЪ ИГРЫ ЛЮБОВНЫЯ.

Есть поцѣлуй — какъ сны свободные,
Блаженно-яркіе, до изступленія.
Есть поцѣлуй — какъ снѣгъ холодные,
Есть поцѣлуй — какъ оскорбленіе.

О, поцѣлуй — насильно данные,
О, поцѣлуй — во имя мщенія!
Какіе жгучіе, какіе странные,
Съ ихъ вспышкой счастья и отвращенія!

Бѣги же съ трепетомъ отъ изступленности,
Нѣтъ мѣры снамъ моимъ, и нѣтъ названія
Я силенъ — волею моею влюбленности,
Я силенъ дерзостью — негодованія!

НЕРЕИДА.

Нѣтъ, не даромъ я по взморью возлѣ пѣнныхъ
волнъ бродилъ,
Въ часъ, когда встають туманы, какъ застывшій
дымъ кадилъ.

Нѣтъ, не даромъ я въ легенды мыслью жадною
вникалъ,
Постигая духовъ Моря, лѣса, воздуха, и скалъ.
Вотъ и полночь. Надъ прибоемъ свѣтитъ полная
Луна.

И упорно возникаетъ, на мгновенье, тишина.
Между шорохомъ, и шумомъ, и шипѣніемъ волны,
Недовольной этимъ быстрымъ наступленьемъ ти-
шины,

Между шелестомъ свистящимъ все растущихъ бы-
стрыхъ водъ

Возникають вереницы, отдаленный хороводъ.
Всѣ похожи и различны, всѣ влекутъ отъ свѣта
въ тьму,

Всѣ подвластны безъ различья назначенью одному.
Чуть одну изъ нихъ отмѣтишь, между ею и тобой
Дрогнетъ мяго и призывно сумракъ ночи голубой.
И отъ глазъ твоихъ исчезнетъ отдаленный хоро-
водъ, —

Лишь она одна предстанетъ на дрожащей зыби водъ.
Полудѣва, полурыба, изъ волосъ сплететъ звено,
И, приблизивъ ликъ свой лживый, увлечетъ тебя
на дно.

Я васъ знаю, нереиды. Вотъ и полночь. Тишина.
Надъ прерывистымъ прибоемъ свѣтитъ полная Луна.

И взглянуть, и мягко дрогнуть сумракъ ночи го-
лубой.

«Мой желанный! Мой любимый! Какъ отрадно мнѣ
съ тобой!

«Мой желанный! Мой любимый!» — Нѣтъ, постой
меня ласкать.

И за сѣть волосъ лучистыхъ я рукою быстрой
хватъ.

Полудѣва! Полурыба! Не изъ водныхъ духовъ я!
Не огнемъ желаній тщетныхъ зажжена душа моя.
Если любишь, будь со мною, ласку дерзкую возьми,
И, узнавши власть поэта, издѣвайся надъ людьми.
И красавицу морскую я цѣлую въ лунной мглѣ,
Бросивъ чуждую стихію, тороплюсь къ родной
землѣ.

И упрямую добычу прочь отъ пѣнныхъ брызгъ
влеку,

Внемя шорохъ, свистъ и шелестъ водъ, бѣгу-
щихъ по песку.

* * *

Я больше ее не люблю,
А сердце умереть безъ любви.
Я больше ее не люблю,
И жизнь мою смертью зови.

Я буря, я пропасть, я ночь,
Кого обнимаю, гублю.
О, счастье вольности! — Прочь!
Я больше тебя не люблю!

* *
* *
*

Да, я люблю одну тебя,
За то, что вся ты — страсть,
За то, что ты, забывъ себя,
Слѣшишь съ высотъ упасть.

Съ высотъ холодныхъ и нѣмыхъ
Тебя я заманилъ
Туда, гдѣ слышенъ звонкій стихъ,
Гдѣ не любить нѣтъ силъ.

И въ этой пропасти глухой
Мы — утро бытія.
Смотри, желанная, я твой,
Смотри, ты вся — моя.

ХОЧУ.

Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣлымъ,
Изъ сочныхъ гроздй вѣнки свивать.
Хочу ухнуть роскошнымъ тѣломъ,
Хочу одежды съ тебя сорвать!

Хочу я зпоя атласной груди,
Мы два желанья въ одно сольемъ.
Уйдите, боги! Уйдите, люди!
Мнѣ сладко съ нею побыть вдвоемъ!

Пусть будетъ завтра и мракъ и холодъ,
Сегодня сердце отдамъ лучу.
Я буду счастливъ! Я буду молодъ!
Я буду дерзокъ! Я такъ хочу!

* * *

Я войду въ зачарованный гротъ,
Я узнаю всю сладость земную.
Тамъ красавица милаго ждетъ,
Я воздушно ее поцѣлую

Горячо къ ней прижмусь я прильну,
Въ опьяненьи своемъ закачаю,
Я люблю молодую волну,
Я желанье лобзаньемъ встрѣчаю.

Безгранично-глубокъ небосводъ,
И, какъ небо, мечтанья безкрайны.
Я люблю зачарованный гротъ: —
Въ немъ для любящихъ вѣчныя тайны.

ПѢНЫЕ РУЧЬЯ.

Въ пѣны звонкаго ручья
Перемѣнность трепетанья,
Въ немъ отдѣльность бытія,
Восхваленье мірозданья.

Онъ сорвался съ высоты,
Возжелавъ безвѣстной дали.
Многоснѣжные хребты
Въ немъ стремленье воспитали.

И покинувъ горный склонъ,
И себя любя безъ мѣры,
Весь вспѣненъ, домчался онъ
До заманчивой пещеры.

Въ лабиринтъ ея проникъ.
Что тамъ было? Что тамъ стало?
Чей-то вскрикъ въ тиши возникъ,
Такъ воздушно и устало.

Гдѣ-то алые цвѣты
Зашептались, закачались,
И видѣнья красоты
Пощлуютъ повстрѣчались.

Пощлуй? Зачѣмъ? И чей?
Кто узнаеть! Это тайна...
Дальше, прочь бѣжить ручей,
Онъ въ пещерѣ былъ случайно.

* * *

Мы съ тобой слетемся въ забыты:
Ты — среди подушекъ, на диванѣ,
Я — прижавъ къ тебѣ уста мои,
На колѣняхъ, въ чувственномъ туманѣ.

Спущены тяжелыя драпри,
Изъ угла намъ свѣтятъ канделябры,
Я увижу волны, блескъ зари,
Рыбъ морскихъ чуть дышащія жабры.

Бѣлыхъ ногъ, предавшихся мечтамъ,
Красоту и нѣгу безъ предѣла,
Отданное стиснутымъ рукамъ,
Судорожно бьющееся тѣло.

Раковины мягкій мракъ любя,
Дальнихъ глазъ твоихъ лица глазами,
Буду жечь, впивать, вбирать тебя
Жадными насытыми губами.

Солнце встанетъ, свѣтъ его умретъ.
Что намъ Солнце — разума угрозы?
Тотъ, кто любить, влажный медь сберетъ
Съ вѣнчика раскрытой — скрытой розы.

ВЕСЕЛЫЙ ДОЖДЬ.

Веселый дождь низлился съ высоты,
Когда смѣялось утро мая.
Прошелъ въ лѣсахъ, взростилъ въ садахъ цвѣты,
Весь мiръ улыбкой обнимая.

Веселый дождь, источникъ нѣжныхъ сновъ,
Твой зовъ къ забвенью сердце слышитъ.
Какъ много въ мiръ ты намъ послалъ цвѣтовъ,
Ты праздникъ въ жизни всѣхъ, кто дышитъ.

* * *

У ногъ твоихъ я понялъ въ первый разъ,
Что красота объятій и лобзаній
Не въ ласкахъ губъ, не въ поцѣлуѣ глазъ,
А въ страсти незабвенныхъ трепетаній, —

Когда глаза — въ далекие глаза —
Глядятъ, какъ смотритъ коршунъ оьяненный, —
Когда въ душѣ нависшая гроза
Излилась въ бурѣ странно-измѣненной, —

Когда въ душѣ, какъ перепѣвный стихъ,
Услышанный отъ властнаго поэта,
Дрожить любовь ко мглѣ — у ногъ твоихъ,
Ко мглѣ и тьмѣ, нѣжной чѣмъ ласки свѣта.

* * *

За то, что нѣтъ благословенія
Для нашей сказки — отъ людей; —
За то, что ищемъ мы забвенія
Не въ блескъ принятыхъ страстей; —

За то, что въ сладостной безцѣльности
Мы тайной связаны съ тобой; —
За то, что тонемъ въ безпредѣльности,
Непобѣжденные Судьбой; —

За то, что наше упоеніе
Непостижимо намъ самимъ; —
За то, что силою стремленія
Себя мы пыткамъ предадимъ; —

За новый обликъ сладострастія, —
Душой безумной и слѣпой, —
Я проклялъ все, — во имя счастья,
Во имя гибели съ тобой.

* *
* *

Она отдалась безъ упрека,
Она цѣловала безъ словъ.
— Какъ темное Море глубоко,
Какъ дышуть края облаковъ!

« Она не твердила: «Не надо»,
Обѣтовъ она не ждала.
— Какъ сладостно дышетъ прохлада,
Какъ таетъ вечерняя мгла!

•
Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утратъ.
— Какъ сказочно свѣтятъ созвѣздя,
Какъ звѣзды безсмертно горять!

DANSES MACABRES.

ПОЭТЫ.

Тебѣ извѣстны, какъ и мнѣ,
Непобѣдимыя влеченія,
И мы — въ небесной вышинѣ,
И мы — подводныя теченія.

Предъ нами дышетъ череда
Явленій Силы и Недужности,
И въ центрѣ круга мы всегда,
И мы мелькаемъ по окружности.

Мы смотримъ въ зеркало Судьбы,
И какъ на праздникъ наряжаемся,
Полувладыки и рабы,
Вкругъ темныхъ (склеповъ собираемся.

И, услыхавъ полночный бой,
Упившись музыкой желѣзною,
Мы мчимся въ пляскѣ круговой
Надъ раскрывающейся бездною.

Игра кладбищенскихъ огней
Насъ манитъ сказочными чарами,
Вездѣ, гдѣ смерть, мы тутъ же съ ней,
Какъ тѣни дымныя — съ пожарами.

И мы незримые горимъ,
И сонъ чужой тревожимъ ласками,
И межъ неопытныхъ царимъ
Безумьемъ, ужасомъ, и сказками.

ЗАКЛЯТІЕ.

1.

Я видѣлъ правду только разъ,
Когда солгали мнѣ.
И съ той поры, и въ этотъ часъ,
Я весь горю въ огнѣ.
Я былъ ребенкомъ лѣтъ пяти,
И мнѣ жилось легко.
И я не зналъ, что я въ пути
Что буду далеко.
Безболыный міръ кругомъ дышалъ
Обманами цвѣтовъ.
Я счастливъ былъ, я крѣпко спалъ,
И каждый день былъ новъ.
Усадьба, липы, старый садъ,
Стрекозы, камыши.
Зачѣмъ нельзя уйти назадъ
И кончить жизнь въ тиши?
Я въ лѣтній день спросилъ отца: —
«Скажи мнѣ: Вѣченъ свѣтъ?»
Улыбкой грустнаго лица
Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Нѣтъ».
И мать спросилъ я въ полуснѣ:
«Скажи: Онъ добрый — Богъ?»
Она кивнула молча мнѣ,
И удержала вздохъ.

Но какъ же такъ, но какъ же такъ?
Одинъ сказалъ мнѣ: «Да»,
Другой сказалъ, что будетъ мракъ,
Что въ жизни нѣтъ «Всегда».
И сталъ я спрашивать себя,
Гдѣ правда, гдѣ обманъ,
И кто же мучаетъ любя,
И мракъ зачѣмъ намъ данъ.

2.

Я вышелъ утромъ въ старый садъ
И легъ среди травы.
И былъ расцвѣтъ растений смятъ
Отъ дѣтской головы.
Въ саду былъ черный ветхій чанъ
Съ зацвѣтшею водой.
Онъ былъ какъ знакъ безвѣстныхъ странъ
Онъ былъ моей мечтой.
Вонъ ряска тамъ, подъ ней вода,
Лягушка тамъ живетъ.
И вдругъ ко мнѣ пришла Бѣда,
И замеръ небосводъ.
Жестокой грезой дѣтскій умъ
Внезапно былъ смущенъ,
И злою волей, силой думъ,
Онъ въ рабство обращенъ.
Такъ грязенъ чанъ, въ немъ грязный мохъ.
Я слышалъ мысль мою.
Что если буду я какъ Богъ?
Что если я убью?
Лягушкѣ тѣсно и темно,
Пусть въ рай она войдетъ,

И руку дѣтскую на дно
Увлекъ водоворотъ.
Водоворотъ безумныхъ сновъ,
Непоправимыхъ думъ.
Но садъ кругомъ былъ ярко-новъ,
И свѣтель былъ мой умъ.
Я помню скользкое въ рукахъ,
Я помню холодъ, дрожь,
Я помню Солнце въ облакахъ,
И въ дѣтскихъ пальцахъ ножъ.
Я темный духъ, я гномный царь,
Минута не долга.
И торжествующій дикарь
Скальпировалъ врага.
И что-то билось безъ конца
Въ глубокой тишинѣ.
И призракъ страшнаго лица
Приблизился ко мнѣ.
И кто-то близкій мнѣ сказалъ,
Что проклять я теперь,
Что кто слабѣйшаго терзалъ,
Въ томъ сердца нѣтъ, онъ звѣрь.
Но странно былъ мой умъ упрямя,
И молча думалъ я,
Что боль дана какъ правда намъ,
Чужая и моя.

3.

О, знаю, боль сильнѣй всего,
И ярче всѣхъ огней,
Безъ боли тупо и мертво
Мельканье жалкихъ дней.

И я порой терзалъ другихъ,
Я мучилъ ихъ... Ну, что жь!
Зато я создалъ звонкій стихъ,
И этотъ стихъ не ложь.
Кому я радость доставлялъ,
Тотъ спалъ, какъ сытый звѣрь.
Кого терзаться заставлялъ,
Предъ тѣмъ открылась дверь.
И самъ въ безжалостной борьбѣ
Терзаніе принявъ,
Благословенье шлю тебѣ,
Кто предо мной неправъ.
Быть-можетъ, ересь я пою?
Мой духъ ослѣпъ, оглохъ?
О, нѣтъ, я слышу мысль мою,
Я знаю, вѣчень Богъ!

КОСТРЫ.

Да, и жгучіе костры
Это только сонъ игры.
Мы играемъ въ палачей.
Чей же проигрышь? Ничей.

Мы мѣняемся всегда.
Нынче «Нѣтъ», а завтра «Да».
Нынче я, а завтра ты.
Все во имя Красоты.

Каждый звукъ — условный крикъ.
Есть у каждаго двойникъ.
Каждый тамъ глядитъ какъ духъ,
Здѣсь тѣлесно грезить вслухъ.

И пока мы здѣсь дрожимъ,
Миръ всемірный нерушимъ.
Но въ желаньи глянуть внизъ
Всѣ верховные сошлись.

Каждый любить, тѣнь любя,
Видѣть въ зеркалѣ себя.
И сплетенье всѣхъ въ одно
Глубиной повторено.

Но, во имя глубины,
Мы страдаемъ, видя сны.
Всѣ мы здѣсь, наоборотъ,
Повторяемъ небосводъ.

Свѣтъ оттуда — здѣсь какъ тѣнь,
День — какъ ночь, и ночь — какъ день.
Вѣчный творческій восторгъ
Этотъ міръ какъ крикъ исторгъ.

Міръ страданьемъ освященъ,
Жги меня, и будь сожженъ.
Нынче я, а завтра ты,
Все во имя Красоты.

ТАЙНА ГОРБУНА.

Ты, конечно, проходилъ
По обширнымъ городамъ.
Много мраковъ и свѣтилъ,
Много разныхъ чудищъ тамъ.

Поглядишь и тамъ и тутъ,
Видишь полчища людей.
Цѣлый міръ въ любомъ замкнутъ,
Міръ обмановъ и затѣй.

Почему у горбуна
Такъ насмѣшливо лицо?
Въ этомъ домѣ два окна,
Есть въ немъ дверь и есть крыльцо.

Что жь, войдемъ и поглядимъ.
Въ этомъ скрыто что-нибудь.
Если мы душою съ нимъ,
Онъ не можетъ дверь замкнуть.

Мы заходимъ въ темный ходъ,
Видны знаки по стѣнамъ,
Спрокинуть небосводъ.
И темножко жутко намъ!

Умъ нашъ новостью смущень,
Искаженность манить насъ.
Здѣсь нежданный свѣтъ зажженъ,
Постоянный свѣтъ погасъ.

Кто вошелъ въ такой уютъ,
Къ Сатанѣ онъ бросилъ взглядъ.
Въ этой храминѣ поютъ,
И, какъ въ храмѣ, здѣсь кадятъ.

Кверху поднятымъ лицомъ
Примешь небо и весну.
Спину выгнувши кольцомъ,
Встрѣтишь мракъ и глубину.

И невольно душить смѣхъ,
И ликуешь какъ змѣя,
Оттого что тайный грѣхъ —
Оттѣненъ бытія.

Оттого у горбуна
И насмѣшливо лицо.
Эта странная спина —
Сатанинское кольцо!

ГОЛОСЪ ДЬЯВОЛА.

Я ненавижу всѣхъ святыхъ,
Они заботятся мучительно
О жалкихъ помыслахъ своихъ, —
Себя спасаютъ исключительно.

За душу страшно имъ свою,
Имъ страшны пропасти мечтанія,
И ядовитую Змѣю
Они казнятъ безъ состраданія.

Мнѣ ненавистенъ былъ бы Рай
Среди тѣней съ улыбкой кроткою,
Гдѣ вѣчный праздникъ, вѣчный май
Идетъ размѣренной походкою.

Я не хотѣлъ бы жить въ Раю,
Казня находчивость змѣиную,
Отъ дѣтскихъ дней люблю Змѣю,
И ей люблюсь, какъ картиною.

Я не хотѣлъ бы жить въ Раю,
Межъ тупоумцевъ экстагическихъ,
Я гибну, гибну — и пою,
Безумный демонъ снова лирическихъ.

ВРАГЪ.

У меня былъ врагъ заклятый,
У меня былъ врагъ.
На его постели смятой
Хохоть демона проклятый
Оживлялъ полночный мракъ.
Безъ него жена смѣялась,
Обнималась, цѣловалась.
Хохоть демона былъ мой.
Побылъ съ ней. Ай-да! Домой!

Врагъ заклятый былъ далеко.
Возвратился, «Честь!»
Ты, безъ страха и упрёка!
Я, какъ ты, во власти рока.
Хочешь? Что же, мечь, такъ мечь.
Чась и мѣсто. Мы явились.
Мы сошлись и поклонились.
Чей-то взоръ покрылся тьмой.
Хохоть демона былъ мой!

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ СРОДСТВО.

Я съ нею шель въ глубокомъ подземельи,
Рука съ рукой, я былъ вдвоемъ — одинъ.
Мы встрѣтились въ сверкающемъ весельи,
Мы бѣжились, какъ лилія долины.

Потомъ пришли къ дверямъ старинной кельи,
Предстала Смерть, какъ блѣдный исполинъ.
И мы за ней, въ глубокомъ подземельи,
Стремилась прочь отъ зелени долины.

Мы шли во тьмѣ, другъ друга не видали,
Любовь была какъ сказка дашьнихъ лѣтъ,
Любовь была печальнѣе печали.

Въ концѣ пути зажегся мрачный свѣтъ,
И я, искатель вѣчной Антигоны,
Увидѣлъ рядомъ голову — Горгоны.

НЕРАЗЛУЧИМЫЕ.

Подъ низкою крышкою гроба,
Забиты гвоздями,
Недвижно лежали мы оба,
Съ враждебными оба чертами.

Застывшіе трупы, мы жили
Сознаньемъ проклятья,
Что вотъ и въ могилѣ — въ могилѣ —
Мы въ мерзостной позѣ объята.

И Дьяволъ смѣялся надгробно,
Плитой погребальной: —
«Эге», — говорилъ: — «какъ удобно
Уродцамъ — въ могилѣ двуспальной!»

ДВА ТРУПА.

Два трупа встрѣтились въ могилѣ,
И прикоснулся къ трупу трушъ,
Въ холодной тѣмѣ, въ тюрьмѣ, и въ гнили,
Прикосновеньемъ мертвыхъ губъ.

Они, влюбленные, когда-то
Дышали вмѣстѣ подъ Луной
Весенней лаской аромата
И шелестящей тишиной.

Они клялись любить до гроба,
И вотъ, по истеченья дней,
Земная жадная утроба
Взяла ихъ въ пищу для червей.

Тяжелые, съ потухшимъ взглядомъ,
Тамъ, гдѣ повеюду мгла и мгла,
Они лежать такъ тѣсно рядомъ,
Зловонно-мягкія тѣла.

Для мелкихъ тварей ставше пицей,
И разлученные съ душой,
Они гнѣющее жилище,
Гдѣ новый пиръ, для нихъ чужой

И дико спать они въ туманѣ,
И видятъ сказочные сны
Неописуемыхъ дыханій
И необъятной тишины.

НАДЪ БОЛОТОМЪ.

Надъ болотомъ позабытымъ брошенъ мостъ,
За болотомъ позабытымъ брызги звѣздъ.

Тамъ, за топью, цѣпенѣя, спить Лазурь,
Затаивъ для дней грядущихъ сумракъ бурь.

Неживыя, пропадають брызги звѣздъ,
И къ болоту отъ болота брошенъ мостъ.

И одно лишь не обманеть — жадность бурь,
Ею дышетъ — съ ней въ объятяхъ — спить Лазурь.

ВѢДЬМА.

Я встрѣтилъ вѣдью старую въ задумчивомъ лѣсу.
Спросилъ ее: «Ты знаешь ли, какой я грѣхъ несу?»
Смѣется вѣдья старая, смѣется что есть силъ:
«Тебя-ль не знать? Не первый ты, что молодость
убилъ.

«Отвергъ живыя радости, и сталъ себѣ врагомъ,
«И тащишься въ дремучій лѣсъ убогимъ старикомъ».
Я вижу, вѣдья старая все знаетъ про меня,
Смѣется смѣхомъ дьявола, мечту мою кляня,
Мечту мою о праведномъ безгрѣшномъ житіи, —
И молвилъ ей: «А знаешь ли ты чаянья мои?
«И въ лѣсъ вошелъ, но лѣсъ пройду, прозраченъ,
какъ ручей,

«И выйду къ морю ясному божественныхъ лучей».
Смѣется вѣдья старая: «Куда тебѣ идти?
«Зашель сюда, — конецъ тебѣ: Захнешь на пути.
«Сія лѣса — дремучіе, отъ вѣка здѣсь темно,
«Елуждать вамъ здѣсь дозволено, а выйти не дано.
«Ишь, выйду къ Морю свѣтлому! Ты думаешь, легко?
«И что въ немъ за корысть тебѣ! Темно и глубоко».
И вѣдья разсмѣялася своимъ беззубымъ ртомъ: —
«На Морѣ жить нельзя тебѣ, а здѣсь твой вѣрный
домъ».

И вѣдья разсмѣялася, какъ дьяволъ егоя: —
«Вода морская — горькая, и пить ее — нельзя».

INCUBUS.

Какъ стихъ сказителя народнаго,
Изъ посѣдѣвшей старины,
Изъ отдаленія холоднаго,
Несеть къ намъ стынущіе сны, —

Такъ темной полночью рожденныя
Воззванья башенныхъ часовъ,
Моей душою повторенныя,
Встаютъ какъ говоръ голосовъ.

И льнуть ко мнѣ съ мольбой и съ ропотомъ:
«Мы жить хотимъ въ умѣ твоемъ».
И возвѣщаютъ тайнымъ шопотомъ: —
«Внимай, внимай, какъ мы поемъ.

Мы замираемъ, какъ проклятiя,
Мы возрастаемъ, какъ прибой.
Раскрой безгрѣшныя объятiя,
Мы всѣ обнимаемъ съ тобой».

И я взглянулъ, и вдругъ нежданные
Лучи Луны, цѣлуя мглу,
Легли какъ саваны туманные,
Передо мною на полу.

И въ каждомъ саванѣ — видѣніе,
Какъ нерожденная гроза,
И просятъ губы наслажденiя,
И смотрятъ мертвые глаза.

Я жду, лежу, какъ трупъ, но слышащій.
И встала тѣнь, волнуя тьму,
И этотъ призракъ еле дышащій
Приникнулъ къ сердцу моему.

Какая боль, какая страстная,
Какъ сладко мнѣ ее продлить!
Какъ будто тянется неясная
Непрерываемая нить!

И тѣнь все ближе наклоняется,
Горитъ огонь зеленыхъ глазъ,
И каждый мигъ она мѣняется,
И мнѣ желаннѣй каждый разъ.

Но снова башня дышетъ звукамъ
И чей-то слышенъ тихій стонъ,
И я не знаю, чьими муками
И чьею грудью онъ рожденъ.

Я только знаю, только чувствую,
Не открывая сжатыхъ глазъ,
Что я какъ жертва соприисутствую,
И что оконченъ сладкій часъ.

И вотъ сейчасъ она развѣется,
Моя отторгнутая тѣнь,
И на губахъ ея виднѣется
Воздушно-алый, алый день.

ПОЖАРЪ.

Я шутя ея коснулся,
Не любя ее зажегъ.
Но, увидѣвъ яркій пламень,
Я — всегда мертвѣй, чѣмъ камень —
Ужаснулся,
И хотѣлъ бѣжать скорѣе,
И не могъ.
Трепеща и цѣпенѣя,
Выросталъ огонь, блестя,
Онъ дрожалъ, слегка свистя,
Онъ сверкалъ проворствомъ Змѣя,
Все быстрѣй,
Онъ являлъ передо мною лики сказочныхъ звѣрей.
Съ дымомъ бьющимся мѣшаясь,
Въ содержаньи умножаясь,
Онъ, взметаясь, красовался надо мною и надъ ней.
Полный вспышекъ и тѣней,
Равномѣрно, неотступно,
Росъ губительный пожаръ.
Мнѣ онъ былъ блестящей рамой,
Въ ней возникъ онъ жгучей драмой
И преступно
Вмѣстѣ съ нею я свѣтился въ быстромъ блескѣ
дымныхъ чаръ.

* * *

Хорошо-ль тебѣ, дѣвица,
Тамъ глубоко подь землей
Ты была цвѣтокъ, и птица,
    Праздникъ мой!
Хорошо-ль тебѣ, дѣвица,
Такъ глубоко подь землей

Ты, какъ всѣ, лишь день свѣтила,
И ничтожно умерла.
Глубока твоя могила,
    Сонъ и мгла.
Ты, какъ всѣ, лишь день свѣтила,
Потускнѣла, умерла.

Твой конецъ послѣдній близокъ,
Ты остывшій блѣдный трупъ.
Теремъ твой, дѣвица, низокъ,
    Мигъ твой скупъ.
Твой конецъ послѣдній близокъ,
Ты посмѣшище и трупъ.

ВЪ ТОТЪ МИГЪ.

Въ тотъ мигъ разставанья въ немъ умерло что-то,
Онъ съ нею былъ взглядомъ, не съ нею душою.
А въ ней лишь одна трепетала забота: —
«О, если бь могла я быть вѣчно съ тобою!»

Лицо у нея лишь на мигъ исказилось,
Она, холодѣя, сдержала рыданья.
«Прощай» у обонхъ въ душѣ проносилось,
И онъ ей съ улыбкой сказалъ: «До свиданья!»

Въ тотъ мигъ разставанья, какъ вѣтеръ свободный,
Онъ только и ждалъ, чтобъ скорѣй удалиться.
И, вздрогнувъ, блѣднѣя въ тоскѣ безысходной
Она прошептала: «Я буду молиться!»

AD INFINITUM.

Въ храмѣ все — какъ прежде было
Слышенъ тихій взмахъ кадила.

«Я смѣялся, я шутилъ.
«Неужели ты любила?»

Дымень смутный трепеть свѣчь,
На иконахъ свѣтъ заемный. .
Каждый хочетъ въ церкви темной
Отъ свѣчи свѣчу зажечь.

Въ храмѣ будетъ такъ, какъ было.
Слышенъ тихій звонъ кадила.

«А, невѣрный! Ты шутилъ.
«Горе! Горе! Я любила».

КЪ СМЕРТИ.

Смерть, медлительно-обманная,
Смерть, я ждалъ тебя года,
Но для каждаго ты странная
И неожиданная всегда.

Мнѣ казалась упоительной
Мысль о томъ, что ты придеши
И прохладю цѣлительной,
Торжествуя, обоймешь.

И воздушною одеждою
Мнѣ навѣешь легкій мракъ.
Нѣтъ, обмануть я надеждою,
Ты придеши не такъ, не такъ.

Какъ невѣдомое, грубое,
Ты возникнешь въ тишинѣ.
Какъ чудовище беззубое,
Ты свой ротъ прижмешь ко мнѣ.

И неловкими прижатъями
Этихъ скользкихъ мертвыхъ губъ,
Неотвратными объятъями
Превращень я буду въ трупъ.

Но еще не безсознательный,
Не затянутый во тьму,
И мучительно-внимательный
Къ разложенью своему.

Вотъ, рука обоченълая
Точно манить и грозить,
Синевато-грязно-бѣлая,
Искривилась... Гнусный видъ!

Вотъ, лицо покрылось пятнами,
Восковою деленой,
И дыханьями развратными
Гниль витаетъ надо мной.

Отвратительно-знакомыя
Щекотанія у рта.
Это мухи! Насѣкомыя!
Я ихъ пища, ихъ мечта!

И приходятъ почи, низкія,
Какъ упавшій потолокъ.
Гдѣ-же вы, родные, близкіе?
Миръ отпрянувшій далекъ.

Глухо пали комья грязные,
Я лежу въ своемъ гробу,
Дышутъ черви безобразные
На щекахъ, въ глазахъ, на лбу.

Какъ челнокъ, сраженный мелями,
Долженъ медлить, долженъ гнить,
Я недѣли за недѣлями
Рокъ безсиленъ измѣнить.

За любовь мою чрезмѣрную
Къ наслажденіямъ земнымъ,
Послѣ смерти, съ этой скверною
Грѣшный духъ неразлучимъ.

Цѣлыхъ семь недѣль томленія,
Отвращенія, тоски,
Семь недѣль, до избавленія,
Рабство, ужасъ, и тиски!

Лишь одной отрадой нищенской
Адь могу я услаждать: —
Предъ оградю кладбищенской
Бѣлой тѣнью въ полночь встать.

СОЗНАНІЕ.

Я съ каждымъ могу говорить на его языкѣ,
Склоняю ли взоръ свой къ ручью или къ темной
рѣкѣ.

Я знаю, что нѣкогда, въ воздухѣ, темномъ отъ
грозы,
Среди длиннокрылыхъ, межъ братьевъ, я былъ аль-
батросъ.

Я знаю, что нѣкогда, въ рыхлой весенней землѣ,
Червемъ, я съ червемъ наслаждался въ чарующей
мглѣ.

Я съ Солнцемъ сливался, и мною разсвѣтъ былъ
зажженъ,
И Солнцу, въ Египтѣ, звучалъ, на разсвѣтѣ, Мем-
нонъ.

Я былъ беспощаднымъ, когда набѣгалъ на враговъ,
Но, кровью омывшись, я снова былъ свѣтель и
новъ.

Съ врагомъ я, врагомъ, состязался въ неравной
борьбѣ,

И молча я вторилъ сраженный: «О, слава тебѣ!»

И мной, безъимяннымъ, не разъ изумленъ былъ
Сократъ.

И нынѣ о мудромъ, со мной, обо мнѣ, говорятъ.

Я съ каждымъ могу говорить на его языкѣ,
Ищи меня въ небѣ, ищи меня въ темной рѣкѣ.

* * *

Я не знаю, что такое — презрѣніе,
Презирать никого не могу.
У самаго слабаго были минуты рокового горѣнія,
И съ тайнымъ восторгомъ смотрю я въ лицо —
врагу.

Я не знаю, какъ можно быть гордымъ
Предъ другимъ. Я гордъ — предъ собой.
О, струны мои, прозвечите небывалымъ аккордомъ,
Чтобъ врагъ мой былъ, какъ я, во мглѣ голубой!

* *
* *

Я не могу понять, какъ можно ненавидѣть
Остывшаго къ тебѣ, обидчика, врага.
Я радости не зналъ — сознательно обидѣть,
Свобода ясности мнѣ вѣчно дорога.

Я всѣхъ люблю равно, любовью равнодушной,
Я весь душой съ другимъ, когда онъ тутъ, со мной,
Но чуть онъ отойдетъ, какъ свѣтлый и воздушный
Забвеньемъ я дышу, своею тишиной.

Когда тебя твой рокъ случайно сдѣлать гнѣвнымъ,
О, смѣйся надо мной, приди, ударь меня: —
Ты для моей души не станешь ежедневнымъ,
Не сможешь затемнить — мнѣ вспыхнувшаго — дня.

Я всѣхъ люблю равно, любовью безучастной,
Какъ слушаютъ волну, какъ любятъ облака.
Но есть и для меня источникъ боли страстной,
Есть ненавистная и жгучая тоска.

Когда любя люблю, когда любовью боленъ,
И тотъ, другой, какъ вещь, беретъ всю жизнь мою,
Я ненависть въ душѣ тогда сдержатъ не воленъ,
И хоть въ душѣ своей, по я его убью.

ЗАГЛЯНУТЬ.

Позабывшись,
Наклонившись,
И незримо для другихъ,
Удивленно
Замявуть,
Полусонно
Воздохнуть, —
Это путь,
Для того чтобъ воссоздать
То, чего намъ въ этой жизни вплоть до смерти не
видать.

ДУША.

Душа — прозрачная среда,
Гдѣ свѣтитъ радуга всегда,
Въ ней свѣтъ небесный преломленъ,
Въ ней духъ, который въ жизнь влюбленъ.

Въ душѣ есть духъ, какъ въ Солнцѣ свѣтъ.
И тождества межъ ними нѣтъ,
И разлучиться имъ нельзя,
Въ нихъ высшій смыслъ живетъ сквозя.

И трижды яркая мечта —
Еще не полная, не та,
Какая выткалась въ покровъ
Для четверичности міровъ.

Послѣдней, той, гдѣ все — одно,
Въ слова заменутся не дано,
Хоть ею полонъ смутный стихъ,
Въ одеждѣ сумраковъ земныхъ.

И внѣшній ликъ той мысли данъ: —
Нашъ міръ — безбрежный океанъ,
И пламя, воздухъ, и вода
Съ землею слиты навсегда.

* * *

Жемчужные тона картинъ венеціанскихъ
Мнѣ такъ же нравятся, какъ темные цвѣта
Богинь египетскихъ, видѣній африканскихъ,
И такъ же, какъ ночей норвежскихъ чернота.

Но тамъ въ Норвегіи еще есть ночь иная,
Когда въ полночный часъ горитъ свѣтило дня.
И яркіе цвѣта, вся сила ихъ земная,
Въ кровавыхъ кактусахъ такъ радуютъ меня.

Что въ мірѣ я гдѣню—различность сочетаній: —
Люблю Звѣзду Морей, люблю Змѣиный Грѣхъ
И въ дикой музыкѣ отчаянныхъ рыданій
Я слышу дьявольскій неумолимый смѣхъ.

ЧАСЫ.

Отчего въ протяжномъ боѣ
Убѣгающихъ часовъ
Слышно что-то роковое,
Точно хоры голосовъ?

Оттого, что съ каждымъ мигомъ
Ближе къ сердцу горькій часъ.
Вѣрь завѣтнымъ древнимъ книгамъ: —
Страшный Судъ грядетъ на насъ.

Бойся тайныхъ злодѣяній,
Въ тайну жертвы вовлекись.
Нѣтъ вины безъ воздаяній.
Время зыбко. Берегись!

Бойся грозныхъ мучъ, растущихъ
Изъ обманчивыхъ утѣхъ.
Бойся мертвыхъ, молча ждущихъ,
Чтобъ раскрыть твой тайный грѣхъ.

Нѣтъ малѣйшаго мгновенья,
Не записаннаго тамъ.
Нѣтъ пощады, нѣтъ забвенья
Улетающимъ мечтамъ.

Бойся выйти изъ вліянья,
Полной свѣта, полосы-
Слышишь голосъ предвѣщанья?
Бойся! Это бьютъ часы.

МАЯТНИКЪ.

Равнодушно я считаю
Безучастное «мать-мать».
Наслаждаюсь и страдаю,
Вижу свѣтъ и вижу мракъ.

Я сегодня полновластенъ,
Я изъ племени боговъ.
Завтра, темный, я- несчастенъ
Близъ Стигійскихъ береговъ.

И откуда я закинуть
Къ этимъ низостямъ земли.
Все равно. Огни остынуть.
Я какъ всё умру въ пылѣ

И откуда такъ упорно
Манить зовъ на высоту?
Все равно. Мечта узорна.
Я могу отбять мечту.

Роковое покрывало
Надъ Изидой вѣковой,
Все, отъ самаго начала
Дышетъ сказкою живой.

Вправо — духи, влѣво — тѣли,
Все счмтается въ одно.
Ты восходишь на ступени,
Ты нисходишь, — все равно.

Только знай, что влѣво больно,
Влѣво — больно, вправо — нѣтъ.
Сердце бьется своевольно,
А въ умѣ холодный свѣтъ.

Кто что любить, то и встрѣтить: —
Насладись и умирай.
Эхо быстро отвѣтитъ: —
Отрекись и виждя въ Рай.

Кто что любить, то и приметь: —
Хочешь это? Хочешь то?
Но свободы не отниметь
У стремленія никто.

Духи, вправо, тѣни, влѣво!
Мѣрный маятникъ поетъ.
Все живетъ въ волнахъ напѣва,
Всѣмъ созвучьямъ свой чередъ.

ПАМЯТЬ.

Память, это лучъ небесный
Тѣмъ, кто можетъ вспомнить счастье,
Тѣмъ, кто можетъ слить начало
Съ ожидавшимся концомъ,
Въ жизни можетъ быть и тѣсной,
Но исполненной участья,
Гдѣ любовь Судьбу встрѣчала
Съ вѣчно-радостнымъ лицомъ.

Память, это совѣсть темныхъ,
Память, это бичъ небесный,
Память, это окрикъ судный
Для невѣрившихъ въ Судьбу,
Ликъ Владѣльца дней заемныхъ,
Видъ уликъ въ игрѣ безчестной,
Сонъ заснувшихъ въ сказкѣ чудной
И проснувшихся — въ гробу.

УБИЙЦА ГЛѢБА И БОРИСА.

И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

Пушкинъ.

Едва Владиміръ отошелъ,
Бѣды великія стряслися.
Обманно захватилъ престолъ
Убийца Глѣба и Бориса.

Онъ ихъ зарѣзалъ, жадный волкъ,
Услалъ блуждать въ краяхъ загробныхъ,
Богонравный Святополкъ,
Какому въ мірѣ нѣтъ подобныхъ.

Но, этимъ духъ не напугавъ,
Не кончилъ онъ дѣяній адскихъ,
И князь древлянскій Святославъ
Былъ умерщвленъ близъ горъ Карпатскихъ.

Свершилъ онъ много черныхъ дѣлъ
Не снисходя и не прощая.
И звонъ надъ Кіевомъ гудѣлъ,
О славѣ звѣря возвѣщая.

Его ничей не тронулъ стонъ,
И крулю Польши, Болеславу,
Сестру родную отдалъ онъ
На посрамленье и забаву.

Но Богъ съ высотъ своихъ глядѣлъ,
Въ своемъ вниманьи не скудѣя.
И безпощаденъ былъ удѣлъ
Безчеловѣчнаго злодѣя.

Его Поляки не спасли,
Не помогли и Печенѣги.
Его какъ мертваго несли,
Онъ позабылъ свои набѣги.

Не могъ держаться на конѣ,
И всюду чуялъ шумъ погони.
За нимъ въ полночной тишинѣ
Неслись разгнѣванные кони.

Предъ нимъ въ полночной тишинѣ
Вставали тѣни позабытыхъ.
Онъ съ крикомъ вскакивалъ во снѣ,
И дальше, дальше отъ убитыхъ.

Но отъ убитыхъ не уйти,
Они враги вездѣ нагонять,
Они какъ тѣни на пути,
Ничьи ихъ силы не схоронять.

И тщетно мчался онъ отъ нихъ,
Тоской терзался несказанной.
И умеръ онъ въ степяхъ чужихъ,
Оставивъ кличку: Обаянный.

ТЕРЦИНЫ.

Когда художник пережилъ мечту,
Въ его душѣ слагаются картины,
И за чертой оной создаетъ черту.

Исчерпавъ жизнь свою до половины,
Поэтъ, скорбя о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Невольнo пишетъ стройныя терцины.

Въ нихъ чувствуешь непогасимый свѣтъ
Страстей перекипѣвшихъ и отжившихъ,
Въ нихъ слышенъ ровный шагъ прошедшихъ лѣтъ.

Видѣнья дней, какъ будто бы не бывшихъ,
Встаютъ, какъ сказка, въ зеркалѣ мечты,
И слышенъ гулъ приливовъ отступившихъ.

А въ небесахъ, въ провалахъ пустоты,
Свѣтло горятъ закатнымъ блескомъ тучи,
Свѣтлѣе, чѣмъ осенніе листы.

Сознаньемъ смерти глянувшей могучи,
Звучать нѣпѣвы пышныхъ панихидъ,
Величавственны, скорбны, и пѣвучи.

Всѣ образы, что память намъ хранить,
Въ одеждѣ холодѣющихъ весталокъ,
Идутъ, идутъ, спокойные на видѣ.

Но, Боже мой, какъ тотъ безумно-жалокъ.
Кто не узнаетъ прежній ароматъ
Въ забытой связкѣ выпцвѣтшихъ фіалокъ.

Послѣдній стонъ. Дороги нѣтъ назадъ.
Кругомъ, вездѣ, густѣютъ властно тѣни,
Но тучи торжествующе горятъ.

Горятъ огнемъ переддремотной лѣни,
И, завладѣвъ всѣмъ царствомъ высоты,
Роняютъ свѣтъ на дольнія ступени.

Я васъ люблю, предсмертные цвѣты!

ОТЪ ПОЛЮСА ДО ПОЛЮСА.

Отъ полюса до полюса я Землю обошелъ,
Я плыль путями водными, и счастья не нашель,

Я шелъ одинъ пустынями, я шелъ во тьмѣ лѣсовъ,
И всюду слышалъ возгласы мятежныхъ голосовъ.

И думалъ я, и проеялъ я бездушіе морей,
И къ людямъ шелъ, и прочь отъ нихъ въ просторъ
бѣжалъ скорѣй.

Гдѣ люди, тамъ поруганы видѣнья высихъ грезъ,
Тамъ тлѣніе, скрипѣніе назойливыхъ колесъ.

О, гдѣ жь они, далекіе невинности года,
Когда свѣтила сказочно вечерняя звѣзда?

Ослѣпли взоры жадные, одно горять свѣтло: —
Отъ полюса до полюса—въ лохмотьяхъ счастья Злю.

СЛѢПЕЦЪ.

Пожалѣйте, люди добрые, меня,
Мнѣ ужъ больше не увидѣть блеска дня.

Самъ себя слѣпыми я сдѣлалъ, какъ Эдипъ,
Мудрыми будучи, отъ мудрости погибъ.

Я смотрѣлъ на Землю, полную цвѣтовъ,
И въ Землѣ увидѣлъ сонмы мертвецовъ.

Я смотрѣлъ на бѣлый Мѣсяцъ безъ конца,
Выпилъ кровь онъ, кровь изъ блѣднаго лица.

Я на Солнце глянулъ, Солнце разгадалъ,
День казаться мнѣ прекраснымъ пересталъ.

И увидѣвъ тайный обликъ всѣхъ вещей,
Страхъ я принялъ въ глубину своихъ очей.

Пожалѣйте, люди добрые, меня,
Мнѣ ужъ больше не увидѣть блеска дня.

Можетъ Рокъ и васъ застигнуть слѣпотой,
Пожалѣйте соблазненнаго мечтой.

* * *

Прекрасно быть безумнымъ, ужасно — сумасшедшимъ.

Одно — въ Раю быть свѣтломъ, другое — въ Адѣ
нисшедшимъ.

О, грозное возмездье минутныхъ заблужденій: —
Быль въ царствѣ темныхъ духовъ, кричащихъ при-
видѣній.

Отверженные лики чудовищныхъ созданий
Страшнѣй, чѣмъ то, что страшно, страшнѣе всѣхъ
страданій.

Сознаніе, что Время упало и не встанетъ,
Сжимаетъ мертвой петлей, и ранитъ сердце, ра-
нить.

И нѣтъ конца мученьямъ, и все кругомъ отвратно.
О, ужасъ приговора: «Навѣки! Безвозвратно!»

ОДИНОКОМУ.

1.

Ты благородяѣй и выше другихъ
Вѣчную силой стремленья.
Ты непроцѣтый, несозданный стихъ,
Сдавленный стихъ оскорбленья.

Ты непостижность высокой мечты,
Связанной съ тѣсною долей.
Жажда уйти отъ своей слѣпоты,
Жажда разстаться съ неволей.

Ты проникаешь сознаньемъ туда,
Гдѣ прекращаются рѣки.
Другомъ не будешь ты мнѣ никогда,
Братомъ ты будешь навѣки.

2.

Когда я думаю, любилъ ли кто кого,
Я сердцемъ каждый разъ тебя припоминаю,
И вотъ, я знаю,
Что отъ твоей любви—въ твоей душѣ—мертво.

Мертво, какъ въ небесахъ, гдѣ тѣ же день и ночь
Проходить правильно отъ вѣка и донинѣ,
И какъ въ пустынѣ,
Гдѣ та же мысль стоитъ и не уходитъ прочь.

И вдругъ я вздрогну весь — о странный межъ
людей! —
И я тебя люблю, хоть мы съ тобой далеки,
И эти строки
Есть клятва, что и я — не только рабъ страстей.

3.

Я полюбилъ Индѣйцевъ потому,
Что въ ихъ словахъ — безчисленные зданья,
Они растутъ изъ яркаго страданья,
Пронзая глубь вѣковъ, мѣняя тьму.

И Эллиновъ, и Парсовъ я пойму,
Въ однихъ — самовлюбленное сознанье,
Въ другихъ — великій праздникъ упованья,
Что будетъ мигъ спокойствія всему.

Люблю въ мечтѣ — измѣнчивость убранства,
Мнѣ нравятся толпы Магометанъ,
Оргійность первыхъ пытокъ Христіанъ,

Всѣ сложные узоры Христіанства.
Люблю волну. И только самъ Христосъ
Мнѣ чуждъ, какъ влагъ Моря чуждъ утесъ.

4.

Зачѣмъ волна встаетъ въ безбрежномъ Морѣ,
Она сама не знаетъ никогда.
Но въ ней и свѣтъ, и мракъ, и нѣтъ, и да,
Она должна возникнуть на просторѣ.

Въ своемъ минутномъ пѣнистомъ уборѣ,
Ужъ новыхъ волнъ стремится череда.
Бездонна переменная вода,
И все должно въ согласьи быть, и въ спорѣ.

И потому вознесшійся утесъ,
Храня слѣды морскихъ безплодныхъ слезъ,
Мнѣ заститъ видъ и кажется ненужнымъ.

Я жду свершенья счастья моего.
Я жду, чтобъ волны Моря, бѣгомъ дружнымъ.
Разрушили со смѣхомъ и его.

5.

О, Христось! О, рыбаць! О ловець
Человѣческихъ темныхъ сердець!
Ты стоишь надъ глубокой рѣкой,
И въ водѣ ты встаешь—какъ другой!

Широка та рѣка, глубока,
Потонули въ ней годы, вѣка.
Потонули въ рѣкѣ и мечты
Тѣхъ, что были сильнѣе, чѣмъ ты.

О, Христось! О, безумный ловець
Неожиданно темныхъ сердець!
Ты не зналъ, надъ какою рѣкой
Ты стоялъ, чтобъ возстать, какъ другой!

ПРЕДОПРЕДЪЛЕНІЕ.

Когда тебя зоветъ Судьба,
    Не думая иди,
Съ нѣмой покорностью раба,
Не знаю, что тамъ впереди.
Иди, и ставши самъ собой,
Въ тотъ вѣчно-страшный часъ, когда
Ты будешь скованнымъ Судьбой,
    Ты воленъ навсегда.

Мы всё вращаемся во мглѣ
    По замкнутымъ кругамъ,
Мы жаждемъ неба на землѣ,
И льнемъ какъ воды къ берегамъ.
Но ты проникнешь въ Океанъ,
Сверхчеловѣкъ среди людей,
Когда навѣкъ поймешь обманъ
    Влеченій и страстей.

Мы всё живемъ, мы всё хотимъ,
    И все волнуетъ насъ,
Но Солнцемъ вѣчно-молодымъ
Исполненъ только высшій часъ.
Тотъ часъ, когда, отбросивъ прочь
Отцовскій выцветшій парадъ,
Мы вдругъ порвемъ земную ночь,
    И вдругъ зажжемъ свой взглядъ.

ДЕМОНЫ.

Нужно презирать демоновъ,
какъ презирають палачей.

М а л ь б р а и ш ь.

Васъ презирать, о, демоны мои?
Вы предо мной встаете въ забытїи,
И въ сумракѣ, мой странный сонъ лелѣя,
Вѣщаете душѣ о царствѣ Змѣя.

И вижу я, какъ ходять палачи,
Таинственно кровавятся лучи
Какого-то вѣдѣннаго свѣтила,
И то, что есть, встаетъ надъ тѣмъ, что было.

И слышу я: «Онъ много въ мїръ вложилъ,
«Отъ вѣка Богу братъ, Сатанаялъ.
«И въ Вѣчности качаются двѣ чаши
«Однихъ вѣсовъ: Они — его и наши».

И зовъ звучить: «Да спидеть въ землю вновь
«Рожденная для красной сказки кровь.
«Въ землѣ земное вспыхнетъ въ новой краскѣ,
«Вокругъ конца горять слова завязки».

Я слышу васъ, о, демоны мои,
Мечтатели о лучшемъ бытїи,
Блюстители гармонїи надзвѣздной,
Удвоенной мучительною бездной.

ИСКАТЕЛИ.

Они стучали въ дверь поочередно.
Стучали долго. Ночь была темна.
Съ небесной выси тускло и бесплодно
Глядѣла внизъ всегдашняя Луна.

Молчало время. Ночь не проходила.
На всемъ была недвижности печаль.
И вотъ рука подъятая застыла,
Уставши въ дверь безмолвную стучать.

Безчувственное каменное зданье
Бросало тѣнь съ огромной вышины.
Незримая, но вѣрная страданья
Носились въ царствѣ мертвой тишины.

И все темнѣй, все глуше, холоднѣе
Казалась дверь, закрытая навѣкъ.
И дрогнули два странника, — блѣднѣя,
Какъ дымъ надъ гладью сиящихъ ночью рѣкъ.

И Время усмѣхнулось ихъ безсилью.
И двинулось. Прошли года. Вѣка.
Ихъ внѣшній видъ давно кружится пылью.
Но свѣтитъ ихъ безсмертная тоска!

ПРЕДЪ ИТАЛЬЯНСКИМИ ПРИМИТИВАМИ.

Какъ же должны быть наивно-надменны
Эти плѣнные вѣрой своей!
Помнишь, они говорятъ: «Неизмѣнны
«Наши пути за предѣлами дней!»

Помнишь, они говорятъ: «До свиданья,
«Братъ во Христѣ! До свиданья — въ Раю!»
Я только знаю бездонность страданья,
Ждущаго темную душу мою.

Помнишь? Луга, невысокія горы,
Низко надъ ними висятъ небеса,
Чистенькихъ рощицъ мелькають узоры,
Это, конечно, не наши лѣса.

Видишь тотъ край, гдѣ отсутствуютъ грозы?
Здѣсь пребываетъ святой Иеронимъ,
Льва исцѣлилъ онъ отъ острой занозы,
Сдѣлалъ служителемъ вѣрнымъ своимъ.

Львы къ нимъ являлись просить врачеванья!
Братъ мой, какъ я, истомленный во мглѣ,
Гдѣ же достать намъ съ тобой упованья
На измѣненной Землѣ?

ФРА АНДЖЕЛИКО.

Если бь эта дѣтская душа
Нашимъ грѣшнымъ міромъ овладѣла,
Мы совсѣмъ утратили бы тѣло,
Мы бы, точно тѣни, чуть дыша,
Встали у небеснаго предѣла.

Тамъ, вверху, сидѣлъ бы добрый Богъ,
Здѣсь, внизу, послушными рядами,
Призраки съ пресвѣтлыми чертами,
Пѣли бы воздушную, какъ вздохъ,
Пѣсню безтѣлесными устами.

Вѣчно примиренные съ Судьбой,
Чуждые навѣкъ заботамъ хмурнымъ,
Были бы мы озеромъ лазурнымъ,
Въ безднѣ безмятежно-голубой,
Въ царствѣ золотистомъ и безбурномъ.

РИБЕЙРА.

Ты не былъ знакомъ съ ароматомъ
Кругомъ расцвѣтавшихъ цвѣтовъ.
Жестокій и мрачный анатомъ,
Ты жаждалъ разъятъя основъ.

Понявъ убѣдительность муки,
Ея затаилъ ты въ крови,
Любя искаженныя руки,
Какъ любятъ лобзанья въ любви.

Ты выразилъ ужасъ неволи,
И бросилъ въ беззвѣздный предѣлъ
Кошмары исполненныхъ боли,
Тобою разорванныхъ тѣлъ.

Сказавъ намъ, что ужасы пытокъ
Въ созданьяхъ мечты хороши,
Ты ярко явилъ намъ избытокъ
И бѣшенство мощной души.

И тьмою, какъ чарой, владѣя,
Ты мракъ приобщилъ къ Красотѣ,
Ты братъ своего Прометея,
Который всегда въ темнотѣ.

ВЕЛАСКЕСЬ.

Веласкесь, Веласкесь, единственный гений,
Сумѣвшій таинственнымъ сдѣлать простое,
Какъ властно надъ сонмомъ твоихъ сновидѣній
Безмолвствуетъ Солнце, всегда-молодое!

Съ какимъ униженьемъ, и съ болью, и въ
страхѣ,

Тобою — безсмертные, смотрятъ шуты,
Какъ странно бѣлѣютъ согбенныя пряхи
Въ величьи рабочей своей красоты!

И этотъ Распятый, надъ всѣми Христами:
Вознесшійся тѣломъ утонченно-блѣднымъ,
И длинныя копья, что встали рядами
Надъ браннымъ героемъ, смиренно-побѣднымъ!
И эти инфанты, съ Филиппомъ Четвертымъ,
Такъ чувственно-яркимъ поэтомъ-царемъ,
Во всемъ этомъ блескѣ, для насъ распростер-
томъ,
Мы пыль золотую, какъ пчелы, беремъ!

Мы черпаемъ силу для нашихъ созданій
Въ живомъ родникѣ, не изсякшемъ донынѣ,
И въ силѣ рожденныхъ тобой очертаній
Привѣтствуемъ пышный оазисъ въ пустынѣ.

Мы такъ и не знаемъ, какою же властью
Ты былъ — и оазисъ, и вмѣстѣ миражъ, —
Судьбой ли, мечтой ли, умомъ, или страстью,
Ты вѣчно — прошедшій, грядущій, и нашъ!

СКОРЬ АГУРАМАЗДЫ.

Я царственный создатель многих странъ,
Я свѣтлый богъ міровъ, Агурамазда.
Зачѣмъ же ликъ мой тьмою повторенъ,
И Анграмайни всталъ противовѣсомъ?
Я создалъ земли, полныя расцвѣта,
Но Анграмайни, тотъ, кто весь есть смерть,
Родиль змѣю въ водѣ, и въ земляхъ зиму.
И десять зимъ въ году, и два лишь лѣта,
И холодѣютъ воды и деревья,
И худшій бичъ, зима, лежитъ на всемъ.
Я создалъ Сугдху, мирныя равнины,
Но Анграмайни создалъ саранчу,
И смерть пришла на хлѣбъ и на животныхъ.
И я, Агурамазда, создалъ Маргу,
Чтобъ въ ней царили дни труда и счастья,
Но Анграмайни создалъ зло и грѣхъ.
И создалъ я Нисайю, что за Бахди,
Чтобъ не было въ людскихъ сердцахъ сомнѣнья,
Но Анграмайни вѣру умертвилъ.
Я создалъ Урву, пышность тучныхъ пастбищъ,
Но Анграмайни гордость людямъ далъ.
Я создалъ красоту Гараваити,
Но Анграмайни выстроилъ гроба.
И создалъ я оплотъ, святую Кахру,

Но Анграмайни трупы ѣсть велѣлъ,
И люди стали ѣсть убитыхъ имп.
И я, Агурамазда, создалъ много
Другихъ прекрасныхъ странъ, Гаэтумалту,
Варэну, и Рангха, и Семирѣчье,
Но Анграмайни, тотъ, кто весь естъ смерть,
Но все набросилъ зиму, зиму, зиму.
И много странъ глубокихъ и прекрасныхъ,
Темясь безъ свѣта, ждутъ моихъ лучей,
И я, Агурамазда, создалъ солнце,
Но Анграмайни, темный, создалъ ночь.

ВЕЛИКОЕ НИЧТО.

1.

Моя душа — глухой всебожный храмъ,
Тамъ дышуть тѣни, смутно нарастая.
Отраднѣ всего моимъ мечтамъ
Прекрасныя чудовища Китая.

Драконъ, владыка солнца и весны,
Единорогъ, эмблема совершенства,
И фениксъ, образъ царственной жены,
Сліянье власти, блеска, и блаженства.

Люблю однообразную мечту
Въ созданіяхъ художниковъ Китая,
Застывшую, какъ иней, красоту,
Какъ иней сновъ, что искрится не тая.

Симметрия — ихъ основной законъ,
Они рисуютъ даль какъ восхожденье,
И сладко мнѣ, что страшный ихъ драконъ
Не адекій духъ, а символъ наслажденья.

А дивная утонченность тоновъ,
Дробящихся въ различіи согласномъ,
Проникновенье въ таинство основъ,
Лазурь въ лазури, красное на красномъ!

А равнодушье къ образу людей,
Пристрастье къ разнообразьямъ звѣринымъ,
Сплетенье въ строгій узелъ всѣхъ страстей,
Огонь ума, скользящій по картинамъ!

Но болѣе, чѣмъ это все, у нихъ,
Люблю пробѣль лирическаго зноя.
Люблю постичь, сквозь легкой нѣжный стихъ,
Безбрежное стчаянье покоя.

2.

Къ стариннымъ манускриптамъ, въ поздній часъ,
Почувствовавъ обычное призванье,
Я рылся между свитковъ, и какъ разъ
Чвангъ-Санга прочиталъ повѣствованье.

Тамъ смутный кто-то, я не знаю кто,
Ронялъ слова печали и забвенья: —
«Безчувственно Великое Ничто,
«Въ немъ я и ты — мелькаемъ на мгновенье.

«Проходитъ Ночь, и въ роцѣ дышетъ свѣтъ,
«Двѣ птички, тѣсно сжавшись, спали рядомъ,
«Но съ блескомъ Дня той дружбы больше нѣтъ,
«И каждая летитъ къ своимъ уладамъ.

«За тьмою — жизнь, за холодомъ — апрѣль,
«И снова темный холодъ ожиданья.
«Я разобью пѣвучую свирѣль,
«Иду на Западъ, умерли мечтанья.

«Безчувственно Великое Ничто,
«Земля и Небо — сводъ нѣмого храма.
«Я тихо сплю — я тотъ же и никто,
«Моя душа — воздушность оиміама».

Вѣрьте мнѣ, обманутые люди,
Я, какъ вы, ходилъ по всѣмъ путямъ.
Наша жизнь есть чудо въ вѣчномъ Чудѣ,
Наша жизнь — и здѣсь, и вѣчно тамъ.

Я знакомъ съ безмѣрностью страданій,
Я узналъ, гдѣ правда, гдѣ обманъ.
Яркій ужасъ нашихъ испытаній
Намъ не для насмѣшки плоской данъ.

Вѣрьте мнѣ, невѣрящіе братья,
Вы меня поймете черезъ день.
Нашей вольной жизни нѣтъ проклятъя,
Мы избрали сами свѣтотѣнь.

Мы избрали Зло какъ путь познанья,
И закономъ сдѣлали борьбу.
Уходя въ тяжелое изгнанье,
Мы живемъ, чтобъ кончить жизнь въ гробу.

Но, когда съ застывшими чертами,
Мертвые, торжественно мы спимъ,
Онъ, Незримый, дышетъ рядомъ съ нами,
И, молясь, бесѣдуемъ мы съ Нимъ.

И душѣ таинственно понятно,
Въ этотъ мигъ бесѣды роковой,
Что въ пути, пройденномъ безвозвратно,
Рокъ ея былъ выбранъ ей самой.

Но, стремясь, грѣша, страдая, плача,
Духъ нашъ вольный былъ всегда хранимъ.
Жизнь была рѣшенная задача,
Смерть пришла какъ радость встрѣчи съ Нимъ.

ХУДОЖНИКЪ - ДЪЯВОЛЪ.

БЕЗУМНЫЙ ЧАСОВЩИКЪ.

Межъ древнихъ горъ жьлъ сѣзочный старикъ,
Безуміемъ объятый необычнымъ.
Онъ былъ богатъ, поэтъ — и часовщикъ.

Онъ былъ богатъ во многомъ и въ различномъ,
Владѣлъ землей, морями, сонмомъ горъ,
Вѣтрами, даже небомъ безграничнымъ.

Онъ былъ поэтъ, и сочеталъ въ узоръ
Незримыя безгласныя созданья,
Въ чьихъ обликахъ былъ краснорѣчьемъ—взоръ.

Шли годы внѣ разлада, внѣ страданья,
Онъ былъ бы лишь поэтомъ навсегда,
Но возъмѣлъ безумное мечтанье.

Слова онъ раздѣлилъ на нѣтъ и да,
Онъ бросилъ чувства въ область раздвоенья,
И дня и ночи встала череда.

А чтобъ вѣрнѣе было ихъ значенье,
Чтобы означить слѣдъ ихъ полосы,
Ихъ двойственность, ихъ смѣну, и теченье, —

Поэтъ безумный выдумалъ часы.
Ихъ дикій строй снабдилъ онъ голосами: —
Одни изъ нихъ плѣнительной красы, —

Поютъ, звенять; другіе воютъ псами;
Смѣются; говорятъ; кричатъ, скорбя.
Такъ весь свой домъ увѣсилъ онъ часами.

И Вѣчность звукомъ времени дробя,
Часы идутъ путемъ круговращенья,
Не уставая повторять себя.

Но самъ создавъ ихъ голосъ какъ внушенье,
Безумный часовщикъ съ теченьемъ лѣтъ
Сталъ чувствовать къ ихъ рѣчи отвращенье.

Въ его дворцѣ молчанья больше нѣтъ,
Часы кричатъ, хохочутъ, шепчутъ смутно,
И на мечту, звеня, кладутъ запретъ.

Ихъ стрѣлки, уходя ежеминутно,
Мѣняютъ свѣтъ на тѣнь, и день на ночь,
И все клянутъ, и все клянутъ попутно.

Не въ силахъ отвращенья превозмочь,
Безумный часовщикъ, въ припадкѣ гнѣва,
Рѣшилъ прогнать созвучья эти прочь, —

Липить часы ихъ дикаго напѣва: —
И вотъ, раскрывъ ихъ внутренній составъ,
Онъ вертитъ цѣнь направо и налѣво.

Но строй ли измѣнился въ нихъ и сплавъ,
Иль съ ними приключилось чарованье,
Они явили самый дерзкій нравъ, —

И подняли такое завыванье,
И начали такъ яростно звенѣть,
Что часовщикъ забылъ негодованье, —

И слыша прокливающую мѣдь,
Какъ трупами испуганный анатомъ,
Отъ ужаса лишь могъ заламенѣть.

А между тѣмъ часы, гудя набатомъ,
Все громче хаосъ воплей громоздятъ,
И каждый звукъ — неустрашимый атомъ.

Имъ вторять горы, море, плѣнный адъ,
И вѣтры, напоенные проклятьемъ,
Въ пространствахъ снова кружатъ, кружатъ, кру-
жатъ.

Рожденные чудовищнымъ зачатьемъ,
Межъ древнихъ горъ мятутся нѣтъ и да,
Враждебные, слились однимъ объятjemъ, —

И больше не умолкнуть никогда.

ХУДОЖНИКЪ.

Я не былъ никогда такой, какъ всѣ.
Я въ самомъ дѣтствѣ былъ уже бродяга,
Не могъ застыть на узкой полосѣ.

Красивъ лишь тотъ, въ комъ дерзкая отвага,
И кто уменъ, хотя бы умъ его —
Умъ Ричарда, Мефисто, или Яго.

Все въ этомъ мѣрѣ тускло и мертво,
Но ярко себялюбье безъ зазвѣнья: —
Не видѣть за собою — никого!

Я силенъ жесткимъ холодомъ презвѣнья,
Въ пылу страстей я правлю ихъ игрой,
Подъ вѣдѣньемъ ума — все поле зрѣнья.

Людшки — мошки, славный пестрый рой,
Лови себѣ свѣтляночекъ для забавы,
На ладъ себя возвышенный настрой.

Люби любовь, лазурь, цвѣты, и травы,
А если истощишь восторгъ до дна,
Есть хохотъ съ вѣрнымъ дѣйствіемъ отравы.

Лети-ка прочь, ты въ мѣрѣ не одна,
Противна мнѣ банальность повтореній,
Моя душа для жажды создана.

Не для меня законы, разъ я геній.
Тебя я видѣлъ, такъ на что мнѣ ты?
Для творчества мнѣ нужно впечатлѣннй

Я знаю только прихоти мечты,
Я все предаю для счастья созиданья
Роскошныхъ измышленій красоты.

Мнѣ нравится, что въ мирѣ есть страданья,
Я ихъ сплетаю въ сказочный узоръ,
Влагаю въ сны чужія трепстанья.

Обманы, сумасшествіе, позоръ,
Безумный ужасъ — все мнѣ видѣть сладко,
Я въ пышный смерть свиваю пыльный соръ.

Смѣюсь надъ дѣтски-женскимъ словомъ — гадко,
Во мнѣ живетъ злорадство паука,
Въ моихъ глазахъ — жестокая загадка.

О, мудрость мірозданья глубока,
Прекрасенъ видъ лучистой паутины,
И даже муха въ ней свѣтло-звонка.

Блѣднѣйшіе цвѣты растутъ изъ тины,
Червоннѣй всѣхъ цвѣтовъ на плахѣ кровь,
И смерть — сюжетъ прекрасный для картины.

Приди — умри — во мнѣ воскреснешь вновь!

ДЫМЫ.

Въ моемъ сознаньи — дымъ днѣй сожженныхъ,
Остывшій чадъ страстей и слѣпоты,
Я посѣщаль дома умалишенныхъ, —

Мнѣ близки ихъ безумныя мечты,
Я знаю облекъ нашихъ заблужденій,
Достигнувшихъ трагической черты.

Какъ цѣнкіе побѣги тѣхъ растений,
Что люди чуждыми зовутъ,
Я льнуль къ умамъ, исполненнымъ видѣній.

Вкругъ слабыхъ я свивался въ жесткій жгутъ,
Вкругъ сильныхъ вился съ гибкостью змѣиной,
Чтобъ тайну ихъ на свой повернуть судъ.

Отъ змѣя не укрылся ни единый,
Я понялъ все, легко коснулся всѣхъ,
И міръ возникъ законченной картиной.

Певинность, ярость, дѣтство, смертный грѣхъ,
Въ нѣмой мольбѣ ломаемыя руки,
Протяжный стонъ, и чей-то тихій смѣхъ, —

Просторъ степей съ кошмаромъ желтой скуки,
Оборыши отверженныхъ племенъ,
Всѣ внѣшнія и внутреннія муки, —

Весь дикій плясъ подь музыку временъ,
Всѣ радости — лишь ткани и узоры,
Чтобъ скрыть одинъ непреходящій сонъ.

На высшія я поднимался горы,
Въ глубокіе спускался рудники,
Со мной дружили теніи и вору.

Но я не исцѣлился отъ тоски,
Понявъ, что неизбежно равноцѣнны
И нивы, и неплодные пески.

Куда ни кинься, мы повсюду плѣнны,
Все взвѣшено на сумрачныхъ вѣсахъ,
Творицы себя, мы вѣчны и мгновенны.

Мы звѣри — и звѣрьми внушенный страхъ,
Мы блески — и гасители пожара,
Мы факелы — и вѣтеръ мы впоотьмахъ.

Но въ насъ всего сильнѣй почная чара: —
Мы хвалимъ свѣтъ заката, и затѣмъ
Двѣнадцатаго съ башенъ ждемъ удара.

Создавши сонмы солнечныхъ системъ,
Мы смертию населили ихъ планеты,
И сладко намъ, что мракъ-утайщикъ нѣмъ.

Во тьмѣ полночной слиты всѣ предметы.
Скорѣй на шабашъ, къ бѣшенству страстей.
Мы дьявольскимъ сіяніемъ одѣты.

Мѣшокъ игральныхъ шулерскихъ костей,
Исполненная скрытаго злорадства,
Колдунья, съ кликой демоновъ-людей,

Спѣшать найти убогое богатство
Безплодныхъ ласкъ, запретную мечту
Объѣди черной, полной святотатства.

И звѣзды міра гаснуть налету,
И тѣнь вѣсовъ качается незримо
На міровомъ таинственномъ посту.

Все взвѣшено и все неотвратимо.
Добро и зло — два лика тѣхъ же думъ.
Видѣнье міра тонетъ въ морѣ дыма.

Во мглѣ пустынь свирѣпствуетъ самумъ.

СНЫ.

Мнѣ снятся поразительные сны,
Они всегда съ дѣйствительностью слиты,
Какъ въ тающемъ аккордѣ двѣ струны.

Тѣ мысли, что давно душой забыты,
Какъ существа, встаютъ передо мной,
И окна сновъ гирляндой ихъ обвиты.

Они растутъ живою пеленой,
Чудовищно и страшно шевелятся,
Глядятъ — и вдругъ ихъ смоешь, какъ волной.

Мгновенье мглы, и тѣни вновь тѣснятся.
Я въ странномъ замкѣ. Всюду тишина.
За дверью ждуть, но дверь открыть боятся.

Не знаю, кто. Но знаю: Тишь страшна.
И кто-то можетъ каждый мигъ возникнуть.
Вотъ, бѣлый, всталъ, глядитъ изъ-за окна.

И я хочу позвать кого-то, крикнуть,
Но все напрасно: Голосъ мой погасъ.
Постой, я долженъ къ ужасамъ привыкнуть.

Вѣдь онъ встаетъ уже не первый разъ.
Взглянулъ. Ушелъ. Какое облегченье!
Но лучше въ садъ пойти. Который часъ?

На циферблатъ умерли мгновенья!
Недвижно все. Замкнута глухо дверь.
Я въ царствѣ леденящаго забвенья.

Нѣтъ «Послѣ», есть лишь мертвое «Теперь».
Не знаю, какъ, но времени не стало.
И ночь молчить, какъ страшный черный звѣрь.

Вдругъ потолокъ таинственного зала
Сталъ медленно вздвигаться въ высоту,
И принялъ видъ небеснаго провала.

Все выше. Вотъ заходить за черту
Тѣхъ вышнихъ звѣздъ, гдѣ Рай порой мнѣ снится,
Превысилъ ихъ, и превзошелъ мечту.

Но нужно же ему остановиться!
И вотъ съ верховной точки потолка
Какой-то блескъ подвижный сталъ свѣтиться: —

Два яркіе и злые огонька.
И, дрогнувъ на воздушной тонкой нити,
Спускаться стало — тѣло паука.

Раздался чей-то рѣзкій крикъ: «Глядите!»
И кто-то вторилъ въ гульбѣ голосовъ: —
«Я говорилъ вамъ — звѣря не будите».

Вдругъ изо всѣхъ, залитыхъ мглой, угловъ,
Какъ рой мышей, какъ змѣи, смутно встали
Безчисленныя скопища головъ.

А между тѣмъ съ высотъ, изъ блѣдной дали,
Спускается чудовищный паукъ,
И взглядъ его — какъ холодъ мертвой стали.

Куда бѣжать! Видѣній замкнуть кругъ.
Мучительныя лица кверху вздернувъ,
Они не разнимаютъ сжатыхъ рукъ.

И вдругъ, — какъ шулеръ, карты передернувъ,
Сразить врага, — паукъ, скользнувши внизъ,
Внезапно превратился въ тяжкій жерновъ.

И мельничные брызги поднялись.
Всѣ люди, сколько ихъ ни есть на свѣтѣ,
Въ водоворотъ чудовищный сплелись.

И, точно эту влагу били плети,
Такъ много было бѣшенства кругомъ, —
Росли и рвались вновь узлы и сѣти.

Невидимымъ гонимы рычагомъ,
Стремительно неслись въ водоворотъ
За другомъ другъ, враждебный за врагомъ.

Какъ будто бы по собственной охотѣ,
Вкругъ страшного носились колеса,
Въ загробно-блѣдной лунной позолотѣ.

Мятеется бѣлой пѣны полоса,
Утопленники тонуть, пропадають,
А тамъ, на днѣ — подводные лѣса.

Встаютъ какъ тѣма, безмолвно вырастаютъ,
Оплоты, какъ гиганты, громоздятъ,
И вѣтви змѣевидныя сплетаютъ.

Вверху, внизу, куда ни кинешь взглядъ,
Густѣютъ глыбы зелени ползущей,
Роснутъ, и угрожающе молчатъ.

Мѣняются. Такъ вотъ онъ, міръ грядущій,
Такъ это-то въ себѣ скрывала тьма!
Безмѣрный городъ, грозный и гнетущій.

Невѣдомые высятся дома,
Уродливо тѣсна ихъ вереница,
Въ нихъ пляски, ужасъ, хохотъ, и чума.

Безглазья изъ оконъ смотрять лица,
Чудовища глядятъ съ покатыхъ крышъ,
Безумный городъ, мертвая столица.

И вдругъ, порвавъ мучительную тишь,
Я просыпаюсь, полный содроганій, —
И вижу убѣгающую мышъ —

Последній призракъ демонскихъ вліяній!

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ.

Я въ кукольномъ театрѣ. Предо мной,
Какъ тѣни отъ качающихся вѣтокъ,
Исполненныя прелестью двойной,

Мѣняются толпы маріонетокъ.
Ихъ каждый взглядъ разсчитанно-правдивъ,
Ихъ каждый шагъ правдоподобно-мѣтокъ.

Чувствительность проворствомъ замѣнивъ,
Они полны нѣмого обаянья,
Ихъ *modus operandi* прозорливъ.

Понявши все изящество молчанья,
Они играютъ въ жизнь, въ мечту, въ любовь,
Безъ воплей, безъ стиховъ, и безъ вѣщанья.

Убитыя, встаютъ немедля вновь,
Такъ веселы и вмѣстѣ съ тѣмъ бездушны,
За родину не проливаютъ кровь.

Художественнымъ замысламъ послушны,
Осуществляютъ формулы страстей,
Къ добру и злу, какъ боги, равнодушны,

Передъ толпой зѣвающихъ людей,
Исполненныхъ звѣринаго веселья,
Смѣется въ каждой куклѣ чародѣй.

Любовь людей — отравленное зелье,
Стремленья ихъ — верченье колеса,
Ихъ мудрость — тошнотворное похмѣлье.

Ихъ мнѣнье — лай разсерженного пса,
Заразная ихъ дружба истерична,
Узка земля ихъ, низки небеса.

А здѣсь — какъ все удобно и прилично,
Какая въ смѣнѣ смысловъ быстрота,
Какъ жизнь и смерть мелькають гармонично!

Но что всего важнѣе, какъ черта,
Достойная быть правиломъ навѣки,
Вся цѣль ихъ дѣйствій — только красота.

Свободныя отъ тягостной опеки
Того, чему мы всё подчинены,
Безмолвные они сверхчеловѣки.

Въ волшебномъ царствѣ мертвой тишины
Одинъ лишь голосъ высшаго рѣшенья
Безстрастно истолковываетъ сны.

Все зримое — игра воображенья,
Различность многогранности одной,
Въ несчетный разъ — повторность отраженья.

Смущенное жестокой тишиной,
Которой нѣтъ начала, нѣтъ предѣла,
Сознанье сны рождаетъ целеной.

Обманъ души, прикрытый тканью тѣла,
Картинный перемѣнчивый туманъ,
Свободный жить — до грани передѣла.

Святой Антоній, Гамлетъ, Донъ-Жуанъ;
Макбетъ, Ромео, Фаустъ — привидѣнья,
Которымъ всѣмъ удѣлъ единый данъ: —

Пулями страсти, мысли, заблужденья,
Изображать безчисленность идей,
Калейдоскопъ цвѣтистаго хотѣнья.

Святой, мудрецъ, безумецъ, и злодѣй,
Равно должны играть въ предѣлахъ клѣтки,
И представлять животныхъ и людей.

Для куколъ — куклы, всѣ — маріонетки,
Театръ въ театрѣ, сложный сонъ во снѣ,
Мы съ Дьяволомъ и Богомъ — однолѣтки.

И что же? Онъ, глядящій въ тишинѣ,
На то, что создалъ онъ въ усладѣ зрѣнья,
Онъ счастливъ? Онъ блаженствуетъ вполне?

Онъ полонъ блеска, смѣха, и презрѣнья?

НАВОЖДЕНИЕ.

Когда я спалъ, ко мнѣ явился Дьяволъ,
И говорить: «Я сдѣлалъ все, что могъ: —
Искателемъ въ моряхъ безвѣстныхъ плавалъ,

«Какъ пилигримъ, въ пустыняхъ мялъ песокъ,
Ходилъ по тюрьмамъ, избамъ, и больницамъ,
Все выполнилъ — и мой оконченъ срокъ».

И мыслямъ какъ поючимъ внемля птицамъ,
Я спросилъ: «Ну, что же? Отыскаль?»
Но былъ онъ какъ-то странно блѣднолицымъ.

Изъ двухъ, другъ въ друга смотрящихъ, зеркаль
Глядѣли тѣни комнаты застывшей,
Кругъ Мѣсяца въ окно изъ нихъ сверкаль.

И Дьяволъ, блѣдный обликъ свой склонявши,
Стоялъ какъ нѣкій богъ, и зеркала
Тотъ ликъ зажгли, двукратно повторивши.

Я чувствовалъ, что мгла кругомъ жила,
Во мнѣ конецъ съ началомъ были слиты,
И ночь была волнующе свѣтла.

Вокругъ окна, волшебюо перевиты,
Качались виноградные листы,
Подъ Мѣсяцемъ какъ будто кѣмъ забыты.

Предавшись чарамъ этой красоты,
Бакой-то мѣръ увидѣлъ я впервые,
И говорю: «Ну, что же? Я и ты —

«Все ты, да я, да ты: Полуживые,
Мы тянемся, мы думаемъ, мы ждемъ.
Куда жь влекутъ насъ цѣли роковыя?»

И онъ сказалъ: «Назначеннымъ путемъ,
Я проходилъ по царственнымъ озерамъ,
Смотрѣлъ, какъ травы стынутъ подо льдомъ.

«Я шелъ болотомъ, лугомъ, полемъ, боромъ,
Бросался дикимъ коршуномъ со скалъ,
Вникалъ во все мѣняющимся взоромъ».

И я спросилъ «Ну, что же? Отыскалъ?»
Но былъ онъ неизмѣнно блѣднотлицымъ,
И дрогнулъ ликъ его межъ двухъ зеркалъ.

Зарницы такъ отвѣтствуютъ зарницамъ.
«Что жь дальше?» И отвѣтилъ Дьяволъ мнѣ: —
«Я путь направилъ къ сказочнымъ столицамъ.

«Тамъ блѣдны всѣ, тамъ молятся Лунѣ.
На всѣхъ тѣлахъ тамъ пышныя одежды.
Кругомъ — вода. Волна поетъ волнѣ.

«Межъ сновъ припоминаній и надежды,
Алѣютъ и цѣлуются уста,
Сжимаются отъ сладострастья вѣжды.

«Отъ вѣка и до вѣка — красота,
Волшебницы подобныя тигрицамъ,
Тамъ ласки, мысли, звуки, и цвѣта».

И преданъ снамъ, ихъ стройнымъ вереницамъ,
Воскликнулъ я: «Ну, что же, отыскаль?»
Но Дьяволъ оставался блѣднолицымъ!

Изъ двухъ, другъ въ друга смотрящихъ, зеркаль
Глядѣли сонмы призраковъ сплетенныхъ,
Какъ бы внезапно стихнувшій кагалъ.

Все тотъ же образъ, полный думъ бессонныхъ,
Дробился тамъ, въ зеркальности, на днѣ,
Мѣняясь въ сочетаньяхъ повторенныхъ.

Сомнамбулы тянулись къ вышнимъ,
И каждый духъ похожъ былъ на другого,
Всѣ вмѣстѣ стили въ лунномъ полуснѣ.

И къ Дьяволу я обратился снова,
Въ четвертый разъ, и даже до семи: —
«Что жъ, отыскаль?» Но онъ молчалъ сурово.

Умѣя обращаться со звѣрьми,
Я поманилъ царя мечты бессонной: —
«Ты хочешь душу взять мою? Возьми».

Но онъ стоялъ какъ нѣкій богъ, склоненный,
И явственно увидѣлъ я, что онъ,
Весь бѣлый, весь Лунною озаренный —

Быль снизу черной тѣнью повторень.
Увидѣвъ этотъ ужасъ раздвоеній,
Я простоналъ: «Уйди, хамелеонъ!

«Уйди, бродяга, полный измѣненій,
Ты, между всѣхъ горящій блескомъ силъ,
Безсильный отъ своей сокрытсѣ тѣни!»

И страхъ меня смертельный пробудилъ.

ХИМЕРЫ.

Высоко на парижской Notre Dame
Красуются жестокия химеры.
Они умно усѣлись по мѣстамъ.

Въ безпутствѣ соблюдая чувство мѣры,
И гнусность доведя до красоты,
Они могли бы намъ являть примѣры.

Лазурный фонъ небесной пустоты
Обогащенъ красю ихъ несходства,
Господствомъ въ каждой — собственной черты.

Святыкъ легко смѣшаешь, а уродство
Всегда фигурно, личность въ немъ видна,
Въ чемъ явное пороковъ превосходство.

Но общность между ними есть одна: —
Какъ крючья вопросительнаго знака,
У всѣхъ химеръ изогнута спина.

Свѣстически произрастенья мрака,
Шпіонски-выжидательны они,
Какъ мародеры возлѣ бивуака.

Не получивъ отвѣта искони,
И чуждые голубоглазья вѣры,
Сидятъ архитектурные слѣдци, —

Односторонне-зрячія химеры,
Задумались надъ крышами домовъ,
Какъ на Морѣ уродливыя шхеры.

Вкругъ Церкви, этой высшей изъ основъ,
Враждебнымъ станомъ выстроились зданья,
Берега тьмы, уютъ распутныхъ сновъ, —

И Церковь, осудивши тѣ мечтанья
Сердечъ, обросшихъ грубой тканью мха,
Развратный хаосъ въ мірѣ созиданья, —

Гдѣ дышетъ ядомъ каждая кроха, —
Воздвигла слѣпокъ мерзости звѣриной,
Зеркальный ликъ поклонниковъ грѣха.

Но межъ людей, быть-можетъ, я единый
Въ глубокой смыслъ чудовищъ тѣхъ проникъ,
Всегда иное чую за картиной.

Привѣтъ тебѣ, отшедшій мой двойникъ,
Создатель этихъ двойственныхъ видѣній,
Я въ стихъ влагаю твой скульптурный крикъ.

Привѣтъ вамъ, сонмы страшныхъ заблужденій!
Ты — геній сводни, духъ единорогъ,
Сподручникъ жадный вѣдьмовскихъ радѣній.

Гермафродитъ, глядящій на порокъ,
Ты жабу давишь въ пыткѣ думъ безсонныхъ,
Весь міръ ты развратилъ бы, если бь могъ.

Концы ушей, продленно-заостренныхъ,
Стоять, какъ бы слышавши вдали
Протяжный гулъ тобою соблазненныхъ.

Колдуній новыхъ жабы привели.
Но ты ужь слышишь ропоть осужденья,
Для васъ костры свирѣпые зажгли.

И ты, заклятый врагъ дѣторожденья,
Колдунья съ птицей, демоны-враги,
Преноны для простого наслажденья!

Твое лицо — зловѣщій ликъ Яги,
Нагія десна алчны и беззубы,
Твоя рука имѣетъ видъ ноги, —

Твои черты безжалостныя грубы,
Застыли пряди каменныхъ волосъ,
Не знали поцѣлуевъ эти губы, —

Не вѣдали глаза химеры слезъ,
И шерстью, точно сорною травою,
Твой хищный станъ уродливо обросъ.

Какъ вѣстникъ твой, крича, передъ тобою
Стервятникъ омерзительный сидитъ,
Покрытый вмѣсто перьевъ чешуею.

Въ его когтяхъ какой-то звѣрь хруститъ,
Но какъ ни гнусенъ вѣстникъ твой ужасный,
Ты болѣе чудовищна на видъ.

И оба вы судьбѣ своей подвластны,
Одна мечта на васъ наводитъ доскъ,
Единый геній, жесткій и безстрастный.

Какъ сжать печатью вдавленною воскъ,
Такъ лобъ у васъ, наклонно убѣгая,
Къ убійству духъ направилъ, сжавши мозгъ.

И ты еще, уродина другая,
Орангутангъ и жалкій идіотъ,
Ты скорчился, въ тоскѣ изнемогая.

Убогій демонъ, выродокъ, и скотъ,
Герой мечты безумнаго Эдгара,
Зачатой въ этомъ мірѣ въ черный годъ.

Въ тебѣ инстинктъ горѣлъ огнемъ пожара,
И ты двухъ женщинъ подло умертвилъ,
Но въ цвѣтѣ крови странная есть чара.

Тебя нежданный ужасъ подавилъ,
И ты бѣжалъ на этотъ Домъ Видѣній,
Безпомощный палачъ, лишенный силъ.

Вы, дьяволы любовныхъ наслажденій,
Какъ много въ васъ отверженной мечты.
Одинъ какъ ангелъ, съ крыльями... О, гений!

Зачѣмъ въ безпутномъ пирѣ срамоты,
Для сладости обманчиваго часа,
Принизился до мелкихъ тварей ты!

Твое лицо — безстыдная гримаса,
Ты нагло маяишь, высунувъ языкъ, —
Усталыхъ ласкъ приправа и прикраса.

Ты знаешь, какъ продлить тягучій мигъ,
Ты, съ холеными женскими руками,
Любовь умомъ обманывать привыкъ.

Другой наглець, съ кошачьими зрачками,
Надъ Городомъ Безумія склонясь,
Всѣмъ обликомъ хохочетъ надъ врагами.

Онъ гибокъ, сладострастенъ, и какъ разъ
Въ объятья на-смерть съ хохотомъ удавить,
Какъ змѣй вокругъ тѣла нѣжнаго вѣсь.

Еще другой, всего превыше ставить
Блаженство въ щель чужую заглянуть,
Глядить, дрожить, и грязный ротъ слюнявить.

Еще, съ лицомъ козла, ввалилась грудь,
Глаза глубоко всажены въ орбиты,
Сумѣлъ онъ весь въ распутствѣ потонуть.

Вы разны все, и все вы стройно слиты,
Вы все незримой сѣтью сплетены,
Равно въ семьѣ единой имениты.

Но всехъ прекраснѣй въ свѣтѣ Сатаны,
Сліяніе ума и лицемѣрья,
Волшебный образъ нѣкоей жены.

Она вѣнецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ преддверье,
Карикатура ей изжитыхъ думъ,
Крылатый коршунъ, выщипавшій перья.

Взамѣну чувствъ у ней остался умъ,
Она ханжа въ отшельнической рясѣ,
Иссохшій монастырскій толстосумъ.

Застывши въ иронической гримасѣ,
Она какъ бы блюдетъ ихъ всехъ кругомъ.
Иронія прилична въ свинонасѣ.

И все они вѣнчаютъ — Божій Домъ!

ШАБАШЪ.

Въ дель, четверга, излюбленный у насъ,
Затѣмъ что это праздниекъ всѣхъ могучихъ,
Мы собрались въ предвозвѣщенный часъ.

Луна была сокрыта въ дымныхъ тучахъ,
Возросшихъ какъ лѣса и города.
Всѣ ждали тайнъ и ласкъ блаженно-жгучихъ.

Мы донеслись по воздуху туда,
На кладбище, къ уюту усыпленныхъ,
Гдѣ люди днемъ лишь бродятъ иногда.

Толпы колдуній, жадныхъ и влюбленныхъ,
Ряды глядящихъ пристально людей,
Мы были сонмомъ духовъ изступленныхъ.

Одинъ, мудрѣйшій въ знаніи страстей,
Былъ ярче всѣхъ лицомъ своимъ прекраснымъ.
Онъ былъ нашъ царь, любовникъ всѣхъ, и Змѣй.

Тамъ были свѣчи съ пламенемъ неяснымъ,
Одни съ зеленовато-голубымъ,
Другія съ блѣдно-желтымъ, третьи съ краснымъ.

И всѣ они струили тонкій дымъ.
Кто подходилъ и имъ дышалъ мгновенно,
Тотъ становился тотчасъ молодымъ.

Тамъ были пляски, игры, превращенья
Людей въ животныхъ, и звѣрей въ людей,
Соединенныхъ въ счастье внушенья.

Подъ блескомъ тѣхъ измѣнчивыхъ огней,
Напоминавшихъ лѣтнюю зарницу,
Сплетались члены сказочныхъ тѣней.

Какъ будто кто вращалъ ихъ вереницу,
И женщину всегда ласкалъ козель,
Мужчина обнималъ всегда волчицу.

Таковъ законъ, иначе, произволь,
Особый видъ волнующей приправы,
Когда стремится къ полу чуждый полъ.

Но вотъ въ сверканьи свѣчъ сѣдыя травы
Качнулись, пошатнулись, возросли,
Какъ души, сладкой полныя отравы.

Неясный Мѣсяцъ выступилъ вдали
Изъ дрогнувшаго на небѣ тумана,
И жабы въ черныхъ платьяхъ приползли.

Давнишня созданья Аримана,
Они влекли колдуній молодыхъ,
Еще не знавшихъ сладостей дурмана.

Нашъ кругъ разъялся, принялъ ихъ, затихъ,
И демоны къ нимъ жадные припали,
Перевернувъ порядокъ членовъ ихъ.

И Мѣсяцъ имъ свѣтилъ изъ дымной дали,
И Змѣй нашъ устремилъ на нихъ свой взглядъ,
И мы отъ ихъ блаженства трепетали.

Но вот свершенъ таинственный обрядъ,
И всё колдуньи, въ снахъ какихъ-то гнѣбныхъ,
«Давайте мертвыхъ! Мертвыхъ намъ!» кричать.

Протяжностью заклятій перепѣвныхъ,
Составленныхъ изъ повседневныхъ словъ,
Но лишь не въ сочетаньяхъ ежедневныхъ, —

Они смутили мирный сонъ гробовъ,
И изъ могилъ расторгнутыхъ возстали
Гнилые трупы ветхихъ мертвецовъ.

Они сперва какъ будто выжидали,
Потомъ, качнувшись, быстро шли впередъ,
И дьявольскимъ сіяніемъ блистали.

Раскрывъ отжившій, вдругъ ожившій, ротъ,
Какъ юноши, они къ колдуньямъ лънули,
И всю толпу схватилъ водоворотъ.

Всѣ хохоты въ одномъ смѣшались гулѣ,
И сладостно казалось намъ шептать
О тайнахъ смерти, въ чувственномъ разгулѣ.

Отца ласкала дочь, и сына мать,
И тѣло къ тѣлу жаться было радо,
Въ различности искусства обнимать.

Но вотъ вдали, гдѣ кончилась ограда,
Раздался первый возгласъ пѣтуха,
И мы спѣшимъ отъ гнили и распада, —

Въ блаженствѣ соучастія грѣха.

ПРОБУЖДЕНИЕ ВАМПИРА.

Изъ всѣхъ картинъ, что создалъ я для міра,
Всего желаннѣй сердцу моему
Картина — «Пробужденіе Вампира».

Я право самъ не знаю, почему.
Завѣтныя ли въ ней мои мечтанья?
Двойной ли смыслъ? Не знаю. Не пойму.

Во мглѣ полуразрушеннаго зданья,
Гдѣ умерло величье давнихъ дней,
Въ углу лежитъ безумное созданье, —

Безумное въ жестокости своей,
Безкровный обликъ съ алыми губами,
Единый — изъ отверженныхъ тѣней.

Межъ демоновъ, какъ царь между рабами,
Красивый демонъ, въ лунной полумглѣ,
Онъ спитъ, какъ спятъ сокрытые гробами.

И всюду сонъ и блѣдность на землѣ.
Какъ льдины, облака вверху застыли,
И лунный проблескъ замеръ на скалѣ.

Онъ спитъ, какъ странный сонъ отжившей были,
Какъ тотъ, кто зналъ всю роскошь красоты,
Какъ тѣ, что гдѣ-то чѣмъ-то раньше жили.

Печалью некаженные черты
Изобличают жадность къ возбужденьямъ,
Изношенность душевной пустоты.

Онъ все жь проснется къ новымъ наслажденьямъ.
Отъ полночи живетъ онъ до зари,
Среди страстей, неистовымъ видѣньемъ.

Но первый лучъ есть приговоръ: «Умри».
И вотъ растетъ вторая часть картины.
Вторая часть: Ихъ всѣхъ, конечно, три.

На небѣ, какъ расторгнутыя льдины,
Стоитъ гряда воздушныхъ облаковъ.
Другое зданье. Пышныя гардины.

Полураскрытъ гранатовый альковъ.
Тамъ женщина застыла въ страстной мугѣ,
И грудь ея — какъ бѣлый пухъ сѣговъ.

Откинуты изогнутыя руки,
Какъ будто милый жметъ къ ней во снѣ,
И сладко ей, и страшно ей разлуки.

А тотъ, кто снится, тутъ же въ сторонѣ
Онъ тоже услаждень своей любовью,
Но страшень онъ въ глядящей тишинѣ.

Къ ея груди прильнувъ, какъ къ изголовью,
Онъ спитъ, блаженствомъ страсти утомленъ,
И ротъ его окрашенъ алой кровью.

Кто болѣе изъ нихъ двоихъ влюбленъ?
Однѣмъ во снѣ увидѣлъ наслажденье.
Другой укралъ его — и ушелъ.

И оба не предвидят пробужденья,
Въ лазури чуть блѣднѣютъ янтари.
Луна огромна въ даляхъ нисхожденья.

Еще не вспыхнулъ первый лучъ зари.
Завершена вторая часть картины.
Вампиръ не знаетъ, что всѣхъ ихъ будетъ три.

На небесахъ, какъ тающія льдины,
Бѣгутъ толпы разъятыхъ облаковъ,
У оконъ бьются нити паутины.

Но окна сперты тяжестью оковъ,
Безстыдный день царить въ покояхъ зданья,
И весь горить гранатовый альковъ.

Охвачена порывомъ трепетанья,
Та, чья мечта была роскошный пиръ,
Проснулась для безмѣрнаго страданья.

Ее любилъ, ее ласкалъ — вампиръ.
А онъ, согбенный, съ жадными губами,
Какой онъ новый вдругъ увидѣлъ мѣръ!

Обманутый плѣнительными снами,
Онъ не успѣлъ исчезнуть въ должный мигъ,
Чтобъ ждать, до срока, тѣню межъ тѣнями.

Заснувшій духъ проснулся какъ старикъ.
Отчаяньемъ захваченный мгновеннымъ,
Не въ силахъ удержать онъ рѣзкій крикъ.

Онъ жить хотѣлъ вовѣки неизмѣннымъ,
И вдругъ утратилъ силу прежнихъ чаръ,
И вдругъ себя навѣкъ увидѣлъ плѣннымъ, —

Увидѣвъ яркій солнечный пожаръ!

ГОРОДА МОЛЧАНЬЯ.

Въ одной изъ странъ, гдѣ пѣть ни дня, ни ночи,
Гдѣ ночь и день смѣшались навсегда,
Гдѣ мигъ длиннѣй, но вѣкъ существъ короче.

Тамъ небо — какъ вечерняя вода,
Безжизненно, воздушно, безучастно,
Въ странѣ, гдѣ спятъ нѣмые города.

Тамъ все въ своихъ отдѣльностяхъ согласно,
Глухія башни дремлютъ въ вышинѣ,
И тѣни-люди движутся безгласно.

Тамъ всѣ живутъ и чувствуютъ во снѣ,
Стоять, сидятъ съ закрытыми глазами,
Проходятъ въ безпредѣльной тишинѣ.

Узоры крышъ нѣмыя и голосами
О чемъ-то позабытомъ говорить,
Роса мерцаетъ блѣдными слезами.

Сѣдыя травы блескомъ ихъ горятъ,
И темныя деревья, холодѣя,
Раскинулись въ неумолимый рядъ.

Отъ города до города, желтѣя,
Идутъ пути, и стройныя стволы
Стоять, какъ бы просторомъ ихъ владѣя.

Все сковано въ застывшемъ царствѣ мѣлы,
Печальной сказкой выстроились зданья,
Какъ западни — ихъ темные углы.

Въ странѣ, гдѣ спяты восторги и страданья,
Бываетъ праздникъ жертвы разъ въ году,
Безъ словъ, какъ здѣсь внѣ слова всё мечтанья.

Чтобъ отвратить жестокою бѣду,
Чтобы отвергнуть ужасъ пробужденья.
Чтобъ быть, какъ прежде, въ мертвенномъ чаду.

На ровномъ полѣ, гдѣ сошлись владѣнья
Различно-спящихъ мирныхъ городовъ,
Ростутъ толпою люди-привидѣнья.

Они встаютъ безбрежностью головъ,
Съ поникшими, какъ травы, волосамъ,
И мысленный какъ будто слышать зовъ.

Они глядятъ — закрытыми глазами,
Сквозь тонкую преграду блѣдныхъ вѣкъ.
Ждетъ — избранный нѣмыми голосами.

И вотъ выходитъ демонъ-человѣкъ,
Взмахнулъ надъ изумленнымъ глыбой стали,
И голову безгласную отсѣкъ.

И тѣни головами закачали.
Семь темныхъ духовъ къ трупу подошли,
И кровь его въ кадилницы собрали.

И вдоль путей, лоснящихся въ пыли,
Забывшія о пыткѣ яркой боли,
Видѣнья сонмы дымныхъ свѣтъ зажгли.

Семь темныхъ духовъ ходять въ темномъ полѣ,
Кадилаицами черными кропятъ,
Во имя сновъ, молчанья, и неволи.

Деревья смотрять, выстроившись въ рядъ.
На цѣлый годъ заклѣты сновидѣнья,
Вкругъ жертвы ихъ — свѣтильники горять.

Потухли. Отдалилось пробужденье.
Свои глаза сомкнувши навсегда,
Проходятъ молча люди-привидѣнья.

Въ странѣ, гдѣ спять нѣмые города.

ОСУЖДЕННЫЕ.

Онъ каждый день приходитъ къ намъ въ тюрьму,
Въ тотъ часъ, когда, достигнувъ до зенита,
Лигуетъ Солнце, предвкушая тьму.

Въ его глазахъ вопросовъ столько слито,
Что, въ нихъ взглянувъ, невольно мы дрожимъ,
И помнимъ то, что было позабыто.

Онъ смотритъ какъ печальный серафимъ,
Онъ говоритъ безкровными устами,
И мы какъ осужденные предъ нимъ.

Онъ говоритъ: «Вы были въ стройномъ храмѣ,
Тамъ сонмы любовъ плыли въ свѣтлой мглѣ,
И въ окнахъ Солнце искрилось надъ вами.

«Вы были какъ въ спокойномъ кораблѣ,
Который тихо плылъ къ странѣ родимой.
Зачѣмъ же измѣняли вы землѣ?

«Разрушивъ храмъ, въ тоскѣ неукротимой,
Мѣняя направленье корабля,
Вы плыли, плыли къ точкѣ еле-зримой, —

«Какъ буравомъ равнину водъ сверля,
Но глубь, сверкнувъ, росла водоворотомъ,
И точка не вставала какъ земля.

«Все къ новымъ бѣдамъ, поискамъ, заботамъ
Она вела васъ бѣглымъ огонькомъ,
И смерть была за каждымъ поворотомъ.

«Вашъ умъ жестокимъ былъ для васъ врагомъ,
Онъ васъ завлекъ въ безмѣрные пустыни,
Гдѣ всюду только пропасти кругомъ.

«Вотъ почему вы прокляты отнынѣ,
Среди высокихъ плотныхъ этихъ стѣнъ,
Съ душою, полной мрака и гордыни.

«Вѣка вѣковъ продлится этотъ плѣнъ.
Припомните, какъ вы въ тюрьму попали,
Искатели великихъ перемѣнъ».

И мы, какъ раздробленныя скрижали,
Свой смыслъ утративъ, блѣдные, въ пыли,
Предъ нимъ скорбимъ, и нѣтъ конца печали.

Онъ снова рѣчь ведетъ, — какъ бы вдали,
Хотя предъ нами взоръ его блестящій,
Въ которомъ всё созвѣздыя свѣтъ зажгли.

Онъ говорить: «Вы помните, все чаще
Вамъ скучно становилось между водъ,
И смутно отъ дороги предстоящей.

«Но разъ попали вы въ водоворотъ,
Вамъ нужно было все впередъ стремиться,
И такъ свершать круги изъ года въ годъ.

«О, мука — въ безпредѣльности кружиться,
Кончать, чтобъ вновь къ началу приходить,
Желать, и никогда не насытиться!

«Все-жъ въ самой жаждѣ — вамъ была хотъ нить,
Быль хотъ намекъ на сладость обладанья,
Любовь была — въ желаніи любить.

«Но въ повтореньи гаснутъ всѣ мечтанья,
И какъ ни жди, но, если тщетно ждешь,
Есть роковой предѣль для ожиданья.

«Искать свѣтиль, и видѣть только ложь,
Носить въ душѣ роскошный міръ созвучій,
И знать, что въ яви къ нимъ не подойдешь.

«У васъ въ душѣ свинцомъ нависли тучи,
И сталь вашъ лозунгъ — Больше Никогда,
И даль закрылась пѣною летучей.

«Куда ни глянешь — зыбкая вода,
Куда ни ступишь — серытое теченье,
Вотъ почему вы мертвы навсегда».

И вспомнивъ наши прежнія мученья,
Мы ждемъ, чтобъ нашъ казнитель и судья
Далъ внѣшнее для нихъ обозначенье.

Онъ говоритъ: «Въ пустыняхъ бытія
Вы были — умъ до времени усталый,
Не до конца лукавая змѣя.

«И демоны васъ бросили на скалы,
И ввергли васъ въ высокую тюрьму,
Гдѣ только кровь какъ макъ блистаетъ алой, —

«А все другое слито въ цолутьму,
Гдѣ, скукою объаты равнодушной,
Вы молитесь убійству одному.

«Молитесь же!» И нашъ палачъ воздушный,
Вдругъ измѣняя свой небесный видъ,
Встаетъ какъ Дьяволъ, блѣдный и бездушный, —

Того, другого между насъ развить,
Лишь маніемъ руки, лишь острымъ взглядомъ,
И алый макъ цвѣтеть, горитъ, грозить.

И мы, на мигъ живые — съ трупомъ рядомъ,
Дрожимъ, сознавъ, что мы осуждены,
За то, что, бросивъ Рай съ безгрѣшнымъ садомъ,
Змѣиные не полюбили сны.

ЧЕРНЫЙ И БѢЛЫЙ.

Шумящій день умчался къ дѣлѣмъ отшедшимъ.
И снова ночь. Который въ мѣрѣ разъ?
Не думай — или станешь сумасшедшимъ.

Я твой опять, я твой, полночный часъ.
О тайнствахъ мы сговорились оба,
И нѣтъ того, кто бѣ могъ расторгнуть насъ.

Подвластный духъ, возстань скорѣй изъ гроба,
Раскрывъ рѣсницы, снова ихъ смежи,
Забудь, что насъ разъединяла злоба.

Сплетенье страсти, замысловъ, и лжи,
Покорное и хитрое созданье,
Скорѣй мнѣ праздникъ чувства покажи.

О, что за боль въ минутѣ ожиданья!
О, что за блескъ въ расширенныхъ зрачкахъ!
Ко мнѣ! Скорѣе! Ждутъ мои мечтанья!

И вотъ на запредѣльныхъ берегахъ
Зажглись влѣнья черной благодати,
И ты со мной, мой блескъ, мой сонъ, мой страхъ.

Ты, incubus таинственныхъ зачатій,
Ты, succubus, мѣняющій свой ликъ,
Ты, первый звукъ въ моемъ глухомъ набатѣ.

Подай мнѣ краски, вѣрный мой двойникъ.
Вотъ такъ. Зажжемъ теперь большія свѣчи.
Побудь со мной. Диктуй свой тайный крикъ.

Ты наклоняешь дѣвственные плечи.
Что жь написать? Ты говоришь: Весну.
Весенній день и радость первой встрѣчи.

Да, любятъ всѣ. Любили въ старину.
Наложимъ краски зелени побѣдной,
Изобразимъ расцвѣтъ и тишину.

Но зелень травъ глядитъ насмѣшкой блѣдной.
Въ ночныхъ лучахъ скелетствуетъ весна,
И закисю цвѣты мерцаютъ мѣдной.

Во всѣ оттѣнки вторглась желтизна,
Могильной сказкой смотритъ сонъ мгновенья,
Онъ — блѣдный трупъ, и блѣдный трупъ — она.

Но не въ любви единой откровенье,
Изобразимъ убійство и мечту,
Багряность маковъ, алый блескъ забвенья.

Захватимъ сновидѣнья налету,
Замкнемъ ихъ въ наши бѣлыя полотна,
Войну какъ сонъ, и сонъ какъ красоту.

Но красный цвѣтъ намъ служить неохотно,
Встаютъ цвѣты, красивые на видъ,
Ложатся трупы, такъ правдиво-плотно, —

Но вспыхнетъ день, и насъ разоблачить,
Осенній желтоцвѣтъ волеется въ власть
И прочь жизнеподобіе умчить.

На всемъ мелькнетъ убогая усталость,
Въ отрѣнкахъ — полуглуный смѣхъ шута,
Въ движеньяхъ — неумѣлость, запоздалость.

Во всемъ намъ измѣняетъ красота,
Вездѣ мы попадаемъ въ паутину,
Мы поздніе, въ чьемъ сердцѣ — пустота.

Отбросимъ же фальшивую картину,
Невѣрны мы другъ другу навсегда,
Какъ въ разореніи слуги господину.

Мой succubus, что-жь дѣлать намъ тогда?
Теперь-то и подвластны намъ стихіи,
Земля, огонь, и воздухъ, и вода.

Мы поняли запреты роковые,
Такъ вступимъ въ царство вѣрныхъ двухъ тоновъ,
Намъ черный съ бѣлымъ — вѣстники живые.

И днемъ и ночью — въ нихъ правдивость сновъ,
Въ одномъ — всѣхъ красокъ скрытое убранство,
Въ другомъ — вся отрѣшенность отъ цвѣтовъ.

Какъ странно ихъ нѣмое постоянство,
Какъ рвется черно-бѣлые цвѣты,
Отсюда — въ междузвѣздное пространство.

Тамъ дышетъ идеальность черноты,
Здѣсь, втайнѣ, блескъ отбѣнковъ безпредѣльныхъ,
И слышенъ гимнъ двухъ теневъ мечты: —

«Какъ жаднымъ душамъ двухъ враговъ смертель-
ныхъ,

Какъ любящимъ, въ чьемъ сердцѣ глубина,
Какъ бѣшенству двухъ линій параллельныхъ, —

«Для встрѣчи безконечность намъ нужна».

ВЕЧЕРНИЙ ЧАСЪ.

Волшебный часъ вечерней тишины,
Исполненный невидимыхъ внушеній,
Въ моей душѣ расцвѣчиваетъ сны.

Въ вечернихъ водахъ много отраженій,
Въ нихъ дышетъ Солнце, вѣтви, облака,
Немые знаки зрѣющихъ рѣшеній.

А между тѣмъ широкая рѣка
Сремить впередъ свободное теченье,
Своею скрытой жизнью глубока.

Минувшія незнанья и мученья
Мерцаютъ блѣднолицою толпой,
И я къ нимъ полонъ страннаго влеченья.

Мнѣ снится сумракъ блѣдно-голубой,
Мнѣ снятся дни невинности воздушной,
Когда я не былъ — для другихъ — судьбой.

Теперь, толпою властвуя послушной,
Я для нея — палачъ и божество,
Картиность думъ — въ ихъ смѣхѣ равнодушной.

Но не всегда для сердца моего
Былъ такъ отвратенъ образъ человѣка,
Не вѣчно сердце было такъ мертво.

Мыслитель, соблазнитель, и калѣка,
Я болѣе не полюблю людей,
Хотя бы прожить вѣкъ Мельхиседека.

О, свѣтлый май, съ блаженствомъ безъ страстей!
О, ландыши, съ ихъ свѣжестью истомной!
О, воздухъ утра, воздухъ-чародѣй!

Усадьба. Садъ съ бесѣдкою укромной.
Безгрѣшныя деревья и цвѣты.
Луна весны въ лазури полутемной.

Все памятно. Но Геній Красоты
Съ Колдуньей Знанья, страшные два духа,
Закляли сонъ младенческой мечты.

Колдунья Знанья, жадная старуха,
Духъ Красоты, неуловимый змѣй,
Шептали что-то вкрадчиво и глухо.

И прозялѣ я невинность первыхъ дней,
И проходя уклонными путями,
Вкусилѣ всего, чтобъ все постичь яснѣй.

Міры, вѣка — насыщены страстями.
Ты хочешь быть безсмертнымъ, міровымъ?
Промчись, какъ громъ, съ пожаромъ и съ дождями.

Восторжествуй надъ мертвымъ и живымъ,
Люби себя — бездонно, ненасытно,
Пусть будетъ символъ твой — огонь и дымъ.

Въ борьбѣ стихій содружество ихъ слитно,
Соедини ихъ двойственность въ себѣ,
И будетъ тѣнь твоя въ вѣкахъ гранитна.

Понявъ Судьбу, я равень сталъ Судьбѣ,
Въ моей душѣ равны лучи и тѣни,
И я молюсь — покою и борьбѣ.

Но все-жь балконъ и ветхія ступени
Милѣе мнѣ, чѣмъ пышность гордыхъ сновъ,
И я міры отдамъ за кустъ сирени.

Порой—порой!—весь міръ такъ свѣжъ и новъ,
И все влечетъ, все близко безъ изъятія,
И свистъ стрижей, и звонъ колоколовъ, —

Покой могилъ, незримыя зачатя,
Печальный свѣтъ слабѣющихъ лучей,
Правдивость словъ молитвы и проклятя, —

О, все поетъ и блещетъ какъ ручей,
И сладко знать, что ты какъ звонъ мгновенья,
Что ты живешь, но ты ничей, ничей.

Объятый безъизмѣрностью забвенья,
Ты святость и преступность побѣдилъ,
Въ блаженствѣ мірового единенья.

Туманъ луговъ, какъ тихій дымъ кадилъ,
Встаетъ хвалою гармоніи безбрежной,
И смыслы словъ яснѣй въ словахъ свѣтилъ.

Какой восторгъ — вернуться къ грусти нѣжной,
Скорбѣть, какъ полусломанный цвѣтокъ,
Въ сознаніи печали безнадежной.

Я счастливъ, грустенъ, свѣтелъ, одинокъ,
Я тѣнь въ водѣ, отброшенная ивой,
Я цѣлень весь, инымъ я быть не могъ.

Не такъ ли предокъ мой вольнолюбивый,
Ниспавшій свѣточъ ангельскихъ системъ,
Проникся вдругъ печальностью красивой, —

Когда, войдя лукавостью въ Эдемъ,
Онъ поразился блескомъ мірозданья,
И замеръ, свѣтель, холодень, и нѣмъ.

О, свѣтъ вечерній! Позднее страданье!

КАМЕНЬ СКАЛЬ.

Какъ выступы сѣдыхъ прибрежныхъ скалъ
Источены повторностью прилива,
Что столько разъ враждебно набѣгалъ, —

Въ моей душѣ, гдѣ было все красиво,
Измѣнены завѣтныя черты,
Въ ней многое какъ бы отвѣтно криво.

Изъ царства вѣвременнои темноты
Бъ намъ рвутся извращенныя мечтанья,
Во всеиъ величьи дикой наготы.

Побыть въ стихійной вспышкѣ возростанья,
Глядѣть, какъ пѣнно высится вода,
Понять, что хаосъ — утро мірозданья!

Быть-можетъ, не вернется никогда
Вотъ эта радость думъ о необычномъ,
Хоть ропотъ волнъ о нихъ поетъ всегда.

И сладко встать высоко надъ привычнымъ,
Содѣлаться — вельніемъ Судьбы —
Бъ своей судьбѣ стихійно-безразличнымъ.

Но что мы можемъ, блѣдныя рабы!
Набѣгъ страстей шатнулся, отстунаетъ,
Какъ войско, вянувъ отбойный зовъ трубы.

Волна, достигши высшаго, вскипаетъ,
Мѣняетъ цвѣтъ зелено-голубой,
Домается, блеститъ и погибаетъ.

Отпрянуть неустойчивый прибой,
Бѣжить назадъ въ безбрежныя пустыни,
Чтобъ въ новый мигъ затѣять новый бой.

И такъ же вѣтеръ, съ первыхъ дней донинѣ
Таящійся въ горахъ съ ихъ влажной тьмой,
На краткій мигъ бросаетъ ихъ твердыни, —

Промчить грозу равниною нѣмой,
Случайно изумить людей циклономъ,
И вновь спѣшить, къ ущельямъ горъ, домой.

А я инымъ покорствую законамъ,
По волѣ измѣняться мнѣ нельзя,
Я камень скалъ, съ ихъ вынужденнымъ стономъ.

Во мнѣ блуждаютъ отклики, скользя,
Недвижно я мѣняюсь, еле зримо,
А если двинусь — гибелью грозю.

Блѣднѣетъ все, бѣжить неудержимо,
Измѣны дней отпечатлѣли слѣды,
Всѣ тѣни міра здѣсь проходятъ мимо,

Но въ смѣнѣ волнъ для камня счастья нѣтъ.

ОСВОБОЖДЕНИЕ.

Закрывъ глаза, я слушаю безгласно,
Какъ гаснетъ шумъ смолкающаго дня.
Въ моей душѣ торжественно и ясно.

Послѣдній свѣтъ закатнаго огня,
Въ окно входя цвѣтною полосою,
Ласкательно баюкаетъ меня.

Опустошенный творческой грозой,
Блаженно стынетъ нѣжащійся духъ,
Какъ стебли травъ, забытые косою.

Я весь преображаюсь въ чуткій слухъ,
И внемлю че-то дальнее рыданье,
И близкое ко мнѣ жужжанье мухъ.

Я замеръ въ сладкой дремѣ ожиданья,
Вотъ-вотъ кругомъ сольется все въ одно,
Я въ музыкѣ всемірнаго мечтанья.

Все то, что во Вселенной рождено,
Куда-то въ пропасть мчится по уклонамъ,
Какъ мертвый камень падаетъ на дно.

Одинъ—свѣтло смѣясь, другой—со стономъ,
Всѣ падаютъ; какъ звуки съ тонкихъ струнъ,
И мѣръ объять красиво-скорбнымъ звономъ.

Я вижу много дальнихъ снѣжныхъ лунъ,
Я вижу изумрудныя планеты,
По ихъ морямъ не пѣнится бурунь.

На нихъ иные призраки и свѣты,
И я въ безмолвномъ счастья сознаю,
Что для меня не всѣ созвучья спѣты.

Я радуюсь иному бытію,
Гармонію планетъ воспринимаю,
И самъ — въ дворцѣ души своей — пою.

Просторамъ звѣздъ ни грани нѣтъ, ни краю,
Пространства звоновъ полны торжествомъ,
И, все понявъ, я смыслы ихъ вливаю.

Исходный лучъ въ сплетеннн міровомъ,
Мой разумъ слить съ безбрежностью блаженства,
Поющаго о мертвомъ и живомъ.

Да будутъ пытки! Въ этомъ совершенство!
Да будетъ боль стремленій безъ конца!
Отъ рабства мглы — до яркаго главенства!

Мы звеня вокругъ созвѣднаго кольца,
Прогалины среди вѣтвей сплетенныхъ,
Мы свѣтотѣнь разумнаго лица.

Лучами нашихъ сновъ освобожденныхъ
Мы тянемся къ безмѣрной Красотѣ
Въ моряхъ сознанья, звонкихъ и бездонныхъ.

Мы каждый мигъ — и тѣ же и не тѣ,
Великая расторгнута завѣса,
Мы быстро мчимся къ сказочной чертѣ, —
Какъ наши звѣзды къ звѣздамъ Геркулеса.

СОДЕРЖАНІЕ.

БУДЕМЪ КАКЪ СОЛНЦЕ.

1. Четвертогласіе стихій.

	Стр.
Солнечная Сила	11
Я въ этотъ міръ пришелъ	19
Будемъ какъ Солнце	21
Воздушный храмъ	22
Голосъ Заката	23
Разсвѣтъ	25
Гимнъ Огню	26
Новолуніе	31
Лунное безмолвіе	32
Вліявіе Луны	33
Восхваленіе Луны	34
Влага	39
Воззваніе къ Океану	40
Бѣлый пожаръ	41
Двойная жизнь	42
Льдины	43
Совъ	45
Съ морского дна	46
Дождь	53
Прерывистый шелестъ	55
Возвѣтріе	56
Снѣжинки	57
Къ Вѣтру	58
Вѣтеръ горъ и морей	59
Вѣтеръ	60
Завѣтъ бытія	61
Вскрытіе льда	62

Сѣверь	63
Испанскій цвѣтокъ	64
Тоledo	65
Paseo de las Delicias въ Севильѣ	66
Къ царицѣ фей	67
Къ юному схимнику	68
Не лучше ли страданіе	69
Сумерки	70
Успокоеніе	71
Сказать мгновенно „Стой“	72
Вербы	73
Цвѣтокъ	74

2. Змѣиный глазъ.

Праздникъ свободы	77
Я изысканность Русской медлительной рѣчи	78
Если въ душу я взгляну	79
Мои пѣснопѣнья	80
Слова—хамелеоны	81
Все равно мнѣ	82
Что достойно, что безчестно	83
Жить среди беззаконія	84
Воля	85
Мнѣ снятся караваны	87
Я полюбилъ свое безпутство	88
Глаза	89
Сквозь строй	90
Въ застѣнкѣ	91
Въ домахъ	92
Мститель	93
Соперники	94
Ломанья линіи	95
Нашимъ врагамъ	96

	Стр.
Гармонія словъ	97
Другу	98
Если грустно тебѣ	99
Ты мнѣ гороришь	100
Мы брошены въ сказочный міръ	101
Аккорды	102
Sin Miedo.	103

3. Млечный путь.

Трилистникъ	107
Нѣтъ дня, чтобъ я не думалъ о тебѣ	110
Я заснулъ на распутъи глухомъ	111
Мы причемъ	112
Тончайшія краски	113
На разныхъ языкахъ	114
Поздно	115
Млечный путь	116
Обыкновенная исторія	117
Соединенные	118
Придорожныя травы	119
Влюбленные	126
Я знаю людей	121
Вечерняя тишь	122
Волны	123
Нарциссъ и эхо	124
Мудрость сердца	125
Утренній цвѣтокъ	126
Я не знаю	127
Шиповникъ	128
Сразу	130
Бѣлый цвѣтокъ	131
Ты здѣсь	132
Черемуха	133

	Стр.
Прозрачность	134
Ты вся мнѣ кажешься	135
Шестнадцати лѣтъ	136
Замарашка	137
Колдунья	138
Морская душа	139
Семицвѣтникъ	140
Взвѣга только на мгновенье	144
Три цвѣта	145
Серенада	146
Крестоносецъ	147

4. Зачарованный гротъ.

О, Сафо	151
Жизнь проходить	152
Отпаденія	153
Мое прикосновенье	154
Мой милый	155
Утренникъ	156
Я тебя закутаю	157
Арумъ	158
Хоть разъ	159
Анита	160
Сліяніе	161
Русалка	162
Я ласкаю	163
Колдунья влюбленная	163
Играющей въ игры любовныя	165
Нереида	166
Я больше ее не люблю	168
Да, я люблю одну тебя	169
Хочу	170
Я войду въ зачарованный гротъ	171

	Стр.
Пѣнье ручья.	172
Мы съ тобой сплетемся	173
Веселый дождь.	174
У ногъ твоихъ	175
За то, что нѣтъ благословенія	176
Она отдалась безъ упрека.	177
5. Danses Macabres.	
Поэты	181
Заклятіе	182
Костры	185
Тайна горбуна	188
Голосъ Дьявола.	190
Врагъ	191
Избирательное сродство.	192
Неразлучимые	193
Два трупа.	194
Надъ болотомъ	195
Вѣдьма	196
Incubus	197
Пожаръ.	199
Хорошо ль тебѣ, дѣвица	200
Въ тотъ мигъ	201
Ad infinitum.	202
Къ смерти.	203
6. Сознаніе.	
Я съ каждымъ могу говорить	209
Я не знаю, что такое—презрѣніе.	210
Я не могу понять, какъ можно ненавидѣть	211
Заглянуть	212
Душа.	213
Жемчужные тона картинъ венеціанскихъ	214

	Стр.
Часы	215
Маятникъ	216
Память	218
Убійца Глѣба и Бориса	219
Терцины	221
Отъ полюса до полюса	223
Слѣпецъ	224
Прекрасно быть безумнымъ	225
Одинокому	236
Предопредѣленіе	229
Демоны, ...	230
Еще необходимо любить и убивать	231
Искатели	232
Предъ Итальянскими примативами	233
Фра Анджелико.	234
Рибейра	235
Веласкесъ.	236
Скорбь Агурамазды	237
Великое Ничто.	239
Намекъ.	241
Три легенды.	242
Вѣрьте мнѣ, обманутые люди	243

7. Художникъ-Дьяволъ.

Безумный часовщикъ.	247
Художникъ	250
Думы.	252
Сны	255
Кукольный театръ.	259
Навожденіе	262
Химеры.	266
Шабашъ	271
Пробужденіе вампира	274

	Стр.
Города молчанія	277
Осужденные	280
Черный и бѣлый	284
Вечерній часъ	288
Камень скалъ	292
Освобожденіе.	294
